

ЯНВАРЬ | 2012

Русский Мир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

СТРАСТЬ
К БЫСТРОЙ ЕЗДЕ

Дороги и тракты России

НУ ПОЕХАЛИ УЖЕ НАКОНЕЦ!

ВРОССИИ НЕТ ДОРОГ, А ЕСТЬ НАПРАВЛЕНИЯ – ЭТА ГОРЬКАЯ поговорка придумана давно, но пока нет оснований списать ее в архаизмы. Причем все направления ведут, в сущности, в одно место – в столицу. Россия, охватившая огромную территорию, исторически складывалась как государство централизованное. Политическому устройству соответствовала и дорожная сеть Третьего Рима. Которая, кстати говоря, сегодня в основе своей такая же, как до Первой мировой войны, тогда как основа всей железнодорожной сети сложилась в основном в период 1895–1905 годов. Через Москву сейчас проходит (по разным видам сообщения) от 60 до 80 процентов всех грузов, которые привозят в Россию.

Китай сегодня строит в год около 45 тысяч километров дорог, из них 5–6 тысяч – это высококлассные многополосные магистрали. Мы при себестоимости дорожного строительства в разы выше (это уже третья беда России наряду с дорогами и дураками – коррупция), чем в Китае и даже в северных странах Европы, – менее 3 тысяч дорог всех типов. Железнодорожное строительство замерло на среднегодовом уровне в 80 километров, что в пять раз ниже, чем при Александре III.

Плохие дороги и их недостаточная протяженность для освоения всего доставшегося нам пространства и хранимых в нашей земле богатств предопределяют во многом и философский уклад жизни. Как неспешный, скажем так. Подвижность населения России сегодня составляет в среднем 6,4 тысячи километров на душу населения в год. Для США этот показатель – 25–30 тысяч километров, для стран более компактной Европы – 18–20 тысяч. Охота к перемене мест, может, и есть, особенно среди молодого поколения XXI века, только возможностей маловато.

Но есть надежда: вроде бы в последнее время власти заговорили о надобности прорыва в этой сфере. В ближайшие пять лет планируется построить 14 тысяч километров дорог. При этом примечательно, что одновременно заговорили и о надобности делегировать больше полномочий российским регионам, то есть о своего рода децентрализации. Эффект от развития дорожной инфраструктуры может оказаться мощным, едва ли не

главнейшим толчком для модернизации по всей стране в нынешнем веке. Он может пробудить к жизни приходящие нынче в упадок малые города и селения. Вернуть к экономической активности и созиданию будущего миллионы тех, кто опустил руки и не верит уж более в свои возможности, надеясь лишь на помощь всемогущего государства.

И когда страна наконец поедет, то она просто рванет вперед в будущее с неумолимой скоростью. И не станет нам преград! Мы порвем и пространство, и время. Ведь мы же на самом деле все любим именно быструю езду. И всегда любили. ☺

ЧЛЕНЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Председатель попечительского совета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета

БОГДАНОВ С.И.

Председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, проректор Санкт-Петербургского государственного университета

ВИНОКУРОВ С.Ю.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Генеральный директор ИТАР-ТАСС

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

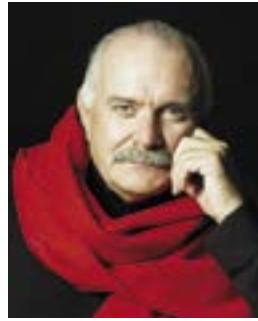
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

МИХАЛКОВ Н.С.

Президент Российского фонда культуры

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МУХАМЕТШИН Ф.М.

Руководитель Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент Фонда исторической перспективы, глава отделения Некоммерческого фонда «Институт демократии и сотрудничества» в Париже

НИКОНОВ В.А.

Президент фонда «Политика» (исполнительный директор правления фонда «Русский мир»)

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Директор ФГУК «Государственный Эрмитаж»

ФУРСЕНКО А.А.

Министр образования и науки Российской Федерации

МЕДИНСКИЙ В.Р.

Депутат Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации (по согласованию)

НИЧКОВ В.В.

Директор департамента международного сотрудничества Минобрнауки Российской Федерации

ВИНОКУРОВ С.Ю.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ЮРКОВ Е.Е.

Заместитель генерального секретаря Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, заведующий кафедрой филологического факультета СПбГУ

ЯКУНИН В.И.

Президент ОАО «Российские железные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы России

МОЛЧАНОВ Д.В.

Директор департамента культуры аппарата правительства Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.

Заместитель директора департамента Генерального секретариата МИД Российской Федерации

ШАРКОВ А.С.

Начальник департамента Референтуры президента Российской Федерации

РУССКИЙ МИР

- 6** Красноярская баллада
9 Именем Ломоносова
10 Лучше один раз увидеть

РУССКИЙ ЯЗЫК

- 12** Даешь референдум!

СИТУАЦИИ

- 18** Конец «золотого века»
24 Как вылечить историю

НАСЛЕДИЕ

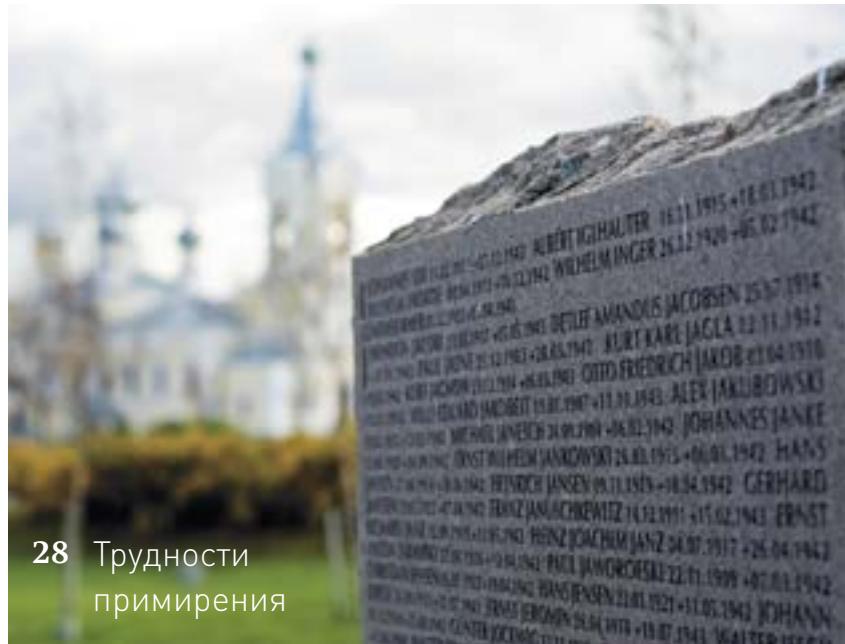
- 44** Именитейший гражданин государства Российского

- 56** Перемелется – мука будет

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

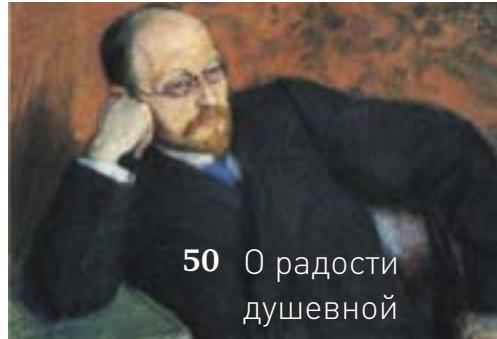
- 60** Додо

- 28** Трудности примирения

ИНТЕРВЬЮ

- 32** «Все режиссеры имели со мной горестные дни»
38 Он же памятник!

- 50** О радости душевной

ИСТОРИЯ

- 64** Тройка – не птица

МУЗЕИ

70 На конной тяге

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

74 Духовное противоядие
Джулиана Лоуэнфельда

78 Жар-птица
русского Возрождения

86 Новые приключения колобка

ФЕСТИВАЛЬ

90 От «Маскарада» до «Нюры Чапай»

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Елена КУЛЕФЕЕВА
Оксана ПРИЛЕПИНА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 980-25-60

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Ксения БОБРОВИЧ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Елена ВЛАДИМИРОВА
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Дмитрий ИВАНОВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Вера МЕДВЕДЕВА
Валентина ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА
Оксана ПРИЛЕПИНА
Евгений РЕЗЕПОВ
Денис ТЕРЕНТЬЕВ
Алек Д. ЭПШТЕЙН

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40а
Телефон: (495) 981-54-04
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

КРАСНОЯРСКАЯ БАЛЛАДА

АВТОР

ВЕРА МЕДВЕДЕВА

РОМАНТИЗМ И ПРАГМАТИЗМ – НА ЭТИХ СТОЛЬ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ КАЧЕСТВАХ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД ВОЗНИК И ВЫСТОЯЛ КРАСНОЯРСКИЙ ТЕАТР ОПЕРЫ И БАЛЕТА. СЕГОДНЯ ОН ВХОДИТ В ДЕСЯТКУ САМЫХ ИЗВЕСТНЫХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ТЕАТРОВ РОССИИ, А ЕГО ЗАРУБЕЖНЫЕ ГАСТРОЛИ РАСТЯГИВАЮТСЯ НА НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ. БОЛЕЕ ТОГО, НА КРАСНОЯРСКОЙ СЦЕНЕ В СПЕКТАКЛЯХ НЕРЕДКО ЗАДЕЙСТВУЮТ СОЛИСТОВ БОЛЬШОГО ТЕАТРА.

В

КОНЦЕ 70-Х ГОДОВ РУКОВОДИТЕЛЮ КРАСНОЯРСКОГО КРАЙКОМА ПАРТИИ спустили план развития региона, предусматривающий чуть ли не двойной промышленный рост! А чем, кроме зарплаты, можно было заманить в Сибирь специалистов из разных уголков Советского Союза? Открыли филиал Академии художеств, профинансировали уже имеющийся драматический театр и еще решили создать театр оперы и балета.

До сих пор в театре рассказывают байку о том, что, уговаривая московское начальство, местный руководитель убеждал: «Вы только представьте, как это красиво: идут балерины, и каблучки по асфальту

Битва русской и французской армий. Французский офицер – народный артист Республики Башкортостан, заслуженный артист России Аркадий Зинов. Поручик Ржевский – лауреат всероссийских и международных конкурсов Дмитрий Соболевский

постукивают». Очевидно, он полагал, что предназначение балерин не только порхать по сцене, но и «облагораживать» сам город. Создавать так создавать, решили в Красноярске и не поскупились на квартиры и льготы тем музыкантам и танцорам, которые согласились кардинально поменять свою жизнь и переехать на новое место. Результат получился неожиданным. Профессионалы высочайшего класса, собранные из разных республик Союза, стали пытаться выстроить политику нового Красноярского театра «под себя». Интриги в разгар советского застоя бурлили здесь хлеще, чем в иных императорских театрах. Но поскольку спектакли ставились достойные, то на эту сторону театральной жизни старались закрывать глаза.

Все интриги закончились в начале перестройки. Еще вчера примабалерина или главный дирижер спокойно заходили в любой кабинет местного начальства, а тут театр оказался никому не нужен. Артисты не получали зарплату по три-четыре месяца. Десять «тучных» советских лет сменились десятью годами перестроичного театрального выживания. К счастью, им на смену пришло еще одно благополучное десятилетие, благодаря которому в миллионном Красноярске сейчас целых пять театров, а по всему Красноярскому краю их пятнадцать.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

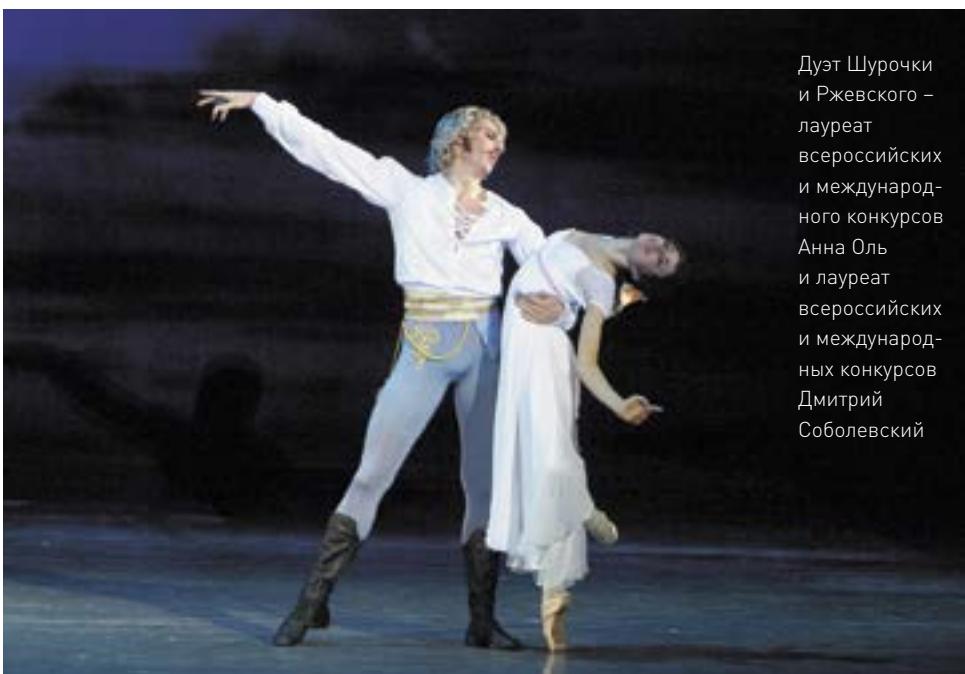
Когда Сергею Боброву, двадцать лет протанцевавшему в Большом театре, предложили стать балетмейстером в Красноярске, в балетной труппе театра числилось всего 25 человек. Десять лет спустя в ней официально работают 80 артистов, а кроме того, солисты Большого театра охотно принимают приглашения поучаствовать в постановках на Красноярской земле. Ведь не только Бобров, но и все его помощники прошли школу Большого театра.

Вера
Боккадоро,
хореограф,
кавалер
ордена
Почетного
легиона

Но если связь Большого и Красноярского театров за десять лет уже стала привычной, то новость о проведении в Красноярске в конце 2011 года российско-французского балетного фестиваля взбаламутила весь город. Франция в этом проекте оказалась не случайно: ведь и Сергей Бобров, и художественный руководитель балетной труппы Марк Перетокин еще в Большом театре принимали участие в постановках хореографа-француженки Веры Боккадоро. Свою первую серьезную роль Сергей Бобров исполнил именно в ее постановке балета «Моцарт и Сальери». 19-летнему танцору досталась партия Сальери, а Марк Перетокин исполнил роль Черного человека, олицетворяющего темную сторону души композитора.

Вера Боккадоро проработала в Большом театре 23 года, превратившись в брежневские годы в «самую знаменитую француженку Москвы». И когда ее бывший ученик Сергей Бобров задумал организовать российско-французский фестиваль, то попросил Веру Боккадоро восстановить тот самый балет «Моцарт и Сальери», с которого начиналась его сольная карьера. Он хорошо знал своего хореографа и понимал, что она не устоит перед предложением, если пообещать задействовать в спектакле лучших молодых исполнителей. Нынешний Моцарт – это легкий и «воздушный» солист Большого театра Денис Медведев, а Сальери – танцовщик с сильным драматическим дарованием Дмитрий Соболевский, который уже успел получить приглашение поработать в Большом театре. На провокационный вопрос: «Когда он планирует отправиться в Москву?» – Дмитрий отвечает, что пока ему нужно набраться опыта в Красноярском театре, ведь здесь у него есть возможность в свои двадцать лет танцевать ведущие партии в самых разных балетах.

Когда в 1973 году Вера Боккадоро поставила в Москве «Моцарта и Сальери», оказалось, что это – первая постановка даже не за десятки, а за сотню лет, в которой можно было услышать музыку Сальери (и это притом, что историки уже давно

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Дуэт Шурочки и Ржевского – лауреат всероссийских и международного конкурсов Анна Оль и лауреат всероссийских и международных конкурсов Дмитрий Соболевский

ставят под сомнение вину Сальери в смерти Моцарта). Даже в Париже не удалось найти ни одной партитуры. Пришлось обращаться за помощью к собственной тете в Вене, которая с большим трудом нашла в архиве несколько партитур Сальери. И обнаружилось, что он создавал сильные произведения, уместно звучащие и в наши дни.

Если попросить Веру Боккадоро вспомнить театральные судьбы всех своих Моцартов и Сальери, то выяснится, что практически каждый из 30 танцов, в разное время задействованных в ее спектакле, стал либо заслуженным, либо народным артистом. А сам балет «Моцарт и Сальери» подтолкнул режиссера Милоша Формана к решению поставить свой знаменитый фильм «Амадеус».

Универсальный язык балета, принесенный в XVIII веке из Франции в Россию, объединил обе страны сотнями невидимых нитей. Серж Лифарь, которого маленькая Вера Боккадоро помнит на семейных застольях в Париже, когда-то вместе с Дягileвым и Нижинским переворачивал представление французов о том, каким может быть балет. Потом, прижившись в Европе, новые тенденции, порожденные русскими, возвращались и в саму Россию.

«Весна священная» когда-то вызвала скандал в Париже, но затем породила столь же неистовое восхищение, превратившись в «балет-фетиш», который ставили самые именитые хореографы мира. Сергею Боброву, чья постановка «Весны священной» также была показана в рамках российско-французского фестиваля, приходилось вступать в незримое соревнование с десятками хореографов, включая Мориса Бежара, которые уже предложили свою трактовку «создания человека». «Весна священная» Сергея Боброва – это синтез фантастического эротизма женского начала и сильнейшей, «животной» мужской энергетики.

Третьим балетом фестиваля стала «Гусарская баллада» на музыку Тихона Хренникова. История Шурочки Азаровой дала возможность продемонстрировать качества красноярской труппы: комедийный дар соли-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Приход певицы
Жермон –
лауреат
международ-
ного конкурса
Анастасия
Лепешинская

Моцарт, Сальери
и Черный
человек.
Моцарт – солист
Большого театра
России Денис
Медведев,
Сальери –
лауреат
всероссийских и
международнх
конкурсов
Дмитрий
Соболевский,
Черный
человек –
Кирилл
Литвиненко

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

оперы и балета состоялось 9 пре-
мьер, а за четыре месяца загранич-
ных гастролей труппа умудрилась
дать 120 представлений.

Руководителю театра Сергею Бо-
брову приходится не только от-
вечать за всю творческую часть и
поддерживать железную дисципли-
ну, но и быть опытным психологом.
А как иначе можно объяснить тот
факт, что люди, зазванные им на
два-три дня фестиваля в Красно-
ярск, потом обнаруживали, что под-
писывают долгосрочный рабочий
контракт, как это было с нынешним
художественным руководителем хо-
реографического училища?

И парижанка Вера Боккадоро, про-
ведя несколько недель в Красно-
ярске, сразу же после премьеры
«Моцарта и Сальери» начала все-
рьез раздумывать – а не принять ли
приглашение восстановить здесь
еще один свой балет из репертуара
Большого театра?

Красноярцы улыбаются: им не при-
выкат «покорять Париж». Их зна-
менитый мост через Енисей уже в
начале XX века получил серебряную
медаль на Всемирной парижской
выставке. Почему бы и их красно-
ярскому балету не очаровать пари-
жан, как это когда-то удалось сде-
лать Сергею Дягилеву?

стов и способность к масштабным
костюмированным представлени-
ям. Зрители не задумываются, да и
не должны задумываться о том, ка-
кая огромная работа происходит за
сценой. Каждый из сотни костюмов
в любых, даже походных условиях
должен быть отглажен и отдельно
подготовлен к предстоящему спек-
таклю. И к тому же кордебалету
иногда приходится моментально
переодеваться в сложные истори-
ческие костюмы по пять-шесть раз
за вечер.

За десять месяцев прошлого года
на сцене Красноярского театра

ИМЕНЕМ ЛОМОНОСОВА

АВТОР

ОЛЬГА ОТТ

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС «ДНИ ЛОМОНОСОВА В БЕРЛИНЕ», ОРГАНИЗОВАННЫЙ ОБЩЕСТВОМ РУССКОЯЗЫЧНЫХ РОДИТЕЛЕЙ И ПЕДАГОГОВ БЕРЛИНА «МИТРА» ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА «РУССКИЙ МИР» И В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С МЕСТНЫМ РОССИЙСКИМ ДОМОМ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ, СОСТОЯЛСЯ В СТОЛИЦЕ ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ МИНУВШЕГО ГОДА.

ИНАЛ КОНКУРСА СОБРАЛ 10 команд школьников пятых-шестых классов, приехавших из стран Европы и Азии.

Всего лишь около часа понадобилось ребятам для того, чтобы узнать друг друга и сплотиться в одну дружную семью ломоносовцев. Андрей – апатичный, Улугбек – умный, Илья – инвестиционный... Какими только эпитетами не наделяли себя ребята, чтобы их имена можно было легче запомнить! «Марина – мужественная» – так охарактеризовала себя руководитель общества «Митра» Марина Бурд. И то правда: шутка ли – организовать столь масштабный проект на должном уровне?

На торжественном открытии конкурса в кинозале Российского дома науки и культуры в Берлине участников финала приветствовали представители оргкомитета конкурса – Марина Бурд и Александр Отт, а также посольство стран-участников конкурса. Почетными гостями и членами жюри стали декан Российского университета дружбы народов Т. Балыхина, завкафедрой русского языка РУДН В. Куриленко, проректор по международным связям Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина Н. Смирнова, член берлинского парламента М. Барт. Приветственное послание организаторам, участникам и гостям конкурса направил исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Ни-

конов. От Российского дома науки и культуры в Берлине выступил заместитель директора С. Журавлев.

Участникам конкурса предстояло померяться силами в следующих номинациях: «Математика ум в порядок приводит», «Язык великой части света», «Хочу все знать!» и «Науки юношей питают...».

Накануне конкурса в интервью радио Funkhaus Europa Марина Бурд заметила, что в тесте по русскому языку ребята из других школ, например из Москвы, возможно, окажутся лучше берлинских школьников, потому как они чаще слышат чистую, грамотную русскую речь. И каково же было удивление, когда первое место в категории «русский язык и литература» заняла Лея Ремпель, ученица берлинской Школы им. Ломоносова из Тиргартена. Еще одна воспитанница берлинской школы из Тиргартена, Анастасия Козырева, поделила первое место в тесте по математике с Василием Шелопаевым из московской гимназии №1530. Ребята из этой гимназии оказались лучшими также в комплексной викторине «Хочу все знать!» и представлении своей проектной работы «Науки юношей питают...», посвященной школьному музею Ломоносова.

Настоящим открытием конкурса стал Максим Беляков из Шымкента – автор лучшего сочинения о значимости Ломоносова для нынешнего поколения и написанной в стиле Ломоносова «Оды о кислороде». Доподлинно неизвестно, пользо-

вался ли Максим ломоносовским «Кратким руководством к риторике», однако представленные на церемонии награждения произведения в исполнении автора имели необычайный успех у публики!

Всех участников конкурса ждали дипломы и сувениры, а победителей – призы: ноутбуки, цифровые фото- и видеокамеры, портативные медиаплееры, музыкальные центры и DVD-плееры.

Кроме того, в рамках конкурса был организован круглый стол по актуальным проблемам школьного образования и поддержке детского двуязычия с участием педагогов из приехавших команд.

Делегация оргкомитета и представителей школ-участников конкурса побывала на приеме у бургомистра берлинского района Штеглиц-Целендорф Н. Коппа, а также встретилась с руководителем ведомства по делам молодежи района Штеглиц-Целендорф И. Бирман. Продуктивной оказалась встреча и с руководителем Россотрудничества Фаритом Мухаметшиным, на которой обсуждались такие вопросы, как формирование способов поддержки и сохранения русского языка в системе национального образования Германии, в том числе в рамках федеральной целевой программы «Русский язык» на 2011–2015 годы, а также создание стимулов для его изучения. Глава Россотрудничества высказался за разработку «дорожной карты» поддержки русского языка в Германии с внесением в нее прозвучавших на встрече предложений.

Организаторы проекта постарались сделать все, чтобы Ломоносовские дни запомнились участникам конкурса, а потому подготовили обширную культурную программу. Школьники посетили Рейхстаг, Новый музей, а также совершили увлекательнейшую экскурсию по историческому центру Берлина.

По задумке организаторов ломоносовского конкурса это событие должно стать добной традицией, которая объединит как можно больше юных ломоносовцев, способствуя развитию международного сотрудничества в области воспитания и образования, а также поддержке русского языка за рубежом.

ЛУЧШЕ ОДИН РАЗ УВИДЕТЬ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

С ДИРЕКТОРОМ ГЕРМАНО-РОССИЙСКОГО
МЕДИАПОРТАЛА ЕЛЕНОЙ ЛЫСОВОЙ
МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ ПОЛТОРА ГОДА НАЗАД
В МОСКВЕ ВО ВРЕМЯ НАГРАЖДЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ
КОНКУРСА «ПАМЯТЬ СЕРДЦА», ОРГАНИЗОВАННОГО
ФОНДОМ «РУССКИЙ МИР». РАБОТА ТВОРЧЕСКОГО
КОЛЛЕКТИВА ПОРТАЛА – ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ
О БЫВШЕМ НАЦИСТСКОМ КОНЦЛАГЕРЕ
В БЕРГЕН-БЕЛЬЗЕНЕ – БЫЛА ОТМЕЧЕНА
СПЕЦИАЛЬНЫМ ПРИЗОМ ЖЮРИ. АВТОР ПРОЕКТА,
С КОТОРОЙ МЫ ОЧЕНЬ БЫСТРО РАЗГОВОРИЛИСЬ
И ПОДРУЖИЛИСЬ, ПРИЗНАЛАСЬ, ЧТО ФИЛЬМ
СТОИЛ ЕЙ НЕМАЛО СЛЕЗ: ОЧЕНЬ СИЛЬНОЕ
ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ ВО ВРЕМЯ СЪЕМОК
ВЫЗЫВАЛИ СОБЫТИЯ, О КОТОРЫХ РАССКАЗЫВАЛ
ФИЛЬМ.

Д

о недавнего времени она не имела никакого отношения к медийной сфере, занималась строительным бизнесом в Москве. В 2002 году вместе с мужем Елена приезжает работать по контракту в Германию, в небольшой немецкий городок Целле в Нижней Саксонии. Через несколько лет была создана своя строительная фирма. Появились новые знакомые и друзья, как среди немецких партнеров по бизнесу, так и среди соотечественников, приехавших из России, Казахстана, Киргизии, Молдавии, с Украины.

«Общаясь с людьми, мы заметили, что жители Германии, в том числе и русскоговорящие, очень мало знают о России, а немецкие СМИ порой подают информацию не то чтобы не достоверную, но какую-то однобокую. Было обидно», – признается Елена.

Поначалу она сама пыталась разъяснить своим немецким друзьям, что на самом деле происходит положительного в сфере политики и

экономики современной России, рассказывала им о русской культуре, истории, системе образования. Но, конечно, этого явно не хватало... Толчком послужил август 2008 года – нападение грузинских войск на Южную Осетию. В глазах учитывавших немцев, следящих за событиями по местному ТВ, она читала немой упрек и осуждение. Хотелось крикнуть во весь голос: «Не верьте всему тому, что вам говорят! Послушайте же наконец правду о том, что случилось, посмотрите, что сделали с мирными жителями Осетии, взгляните на их разрушенные дома, школы, храмы!..» Но те, к кому она пытаясь обратиться, лишь сомнением пожимали плечами: по их национальным телеканалам информация была иная.

Узнав, что ее знакомый Юрий Барсуков, бывший рижанин, много лет назад перебравшийся в Германию, по своей инициативе выложил в Интернете выступления российских лидеров, а также прямые репортажи российских журналистов с места событий, сопроводив их перево-

дами на немецкий язык, Лена вызвала ему помочь. Так вместе они нашли ответ на мучивший их вопрос: что мы можем сделать для России? Да хотя бы, рассказывая правду, дать возможность немцам и соотечественникам получать достоверную информацию – без купюр, в полном объеме и из первых рук. Как на русском, так и на немецком языках.

Запущенный пилотный информационный проект получил немало хороших отзывов. Но нельзя было замыкаться только на материалах, созданных и снятых другими, необходима была своя съемочная группа, специалисты по монтажу, переводчики и т.д. Еще более важным вопросом являлся статус коллектива, предоставляющего информацию. Было решено зарегистрировать общество с ограниченной ответственностью Welt-Zeit Media GmbH, а в Интернете появился Германо-Российский медиапортал Welt-Zeit-Media TV. «У нас на сайте написано, что портал предназначен для немецкой и русскоговорящей аудитории в Европе, России и странах бывшего СССР, – рассказывает Елена Лысова, – хотя нередко к нам заглядывают и жители США, Дании, Швейцарии. Это говорит о том, что люди ищут информацию о России в поисковиках и попадают по названиям на наши видеосюжеты. Информация по WZM TV подается только в видеоформате, мы считаем, что это наиболее эффективный способ донесения информации. Надо учитывать психологию немцев. Как люди сугубо прагматичные, они не будут читать или долго слушать информацию, если она не кажется им полезной. Наша задача – дать видеоряд, сопроводив его минимальным закадровым текстом. Главное – привлечь внимание к России. Мы – не журналисты и не интерпретаторы, ничего никому не навязываем. Мы даем информацию из первых рук, чтобы люди сами смотрели, слушали, самостоятельно делали выводы и принимали решения».

За время работы WZM TV стал информационным партнером посольства РФ в Берлине, ВГТРК, радио «Голос России», фонда «Русский мир» и Патриархии, сотрудничает с Германо-Российским

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

форумом – секретариатом «Петербургского диалога», с Русским домом в Берлине, аккредитован для участия в германо-российских мероприятиях Восточного комитета экономики, земельных ведомств, германских общественных и государственных организаций, в общественно-политических и культурных событиях, проходящих на территории Германии. За три года портал сумел завоевать признание как у русских общественных организаций, так и у немецких. Ссылки на WZM TV размещены на сайтах практически всех серьезных русскоязычных интернет-ресурсов Германии.

Как признает Елена, огромную поддержку оказал фонд «Русский мир». «Фондом был поддержан наш проект, направленный на популяризацию русского языка и русской культуры на европейском медиапространстве. Нам был выделен грант для регулярного освещения на портале WZM TV событий и мероприятий, имеющих отношение к Русскому миру. В рамках этого гранта с мая 2010 по апрель 2011 года мы каждую неделю создавали новостные и информационные видеосюжеты на русском и немецком языках. Результат –

Елена Лысова:
«Заходите к нам на видеопортал – www.welt-zeit-media.de»

На Красной площади с победителями конкурса «Память сердца»

99 видеоматериалов, 6 видеороликов и 3 презентационных ролика на двух языках. Мы работали в напряженном режиме, но это была очень интересная и нужная работа», – считает Елена.

В минувшем году фонд «Русский мир» проводил международную акцию «Первый в космосе», и команда WZM TV подготовила 7 видеофильмов и 4 видеоролика, посвященных истории космонавтики. Елена признается: не ожидала, что в Германии с таким энтузиазмом будет отмечаться 50-летний юбилей первого полета человека в космос. Выставки,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

встречи, конкурсы, тематические лекции и семинары прошли во многих выставочных комплексах, музеях, культурных центрах и школах. Большой фестиваль по космосу был организован в Нюрнберге, торжественные мероприятия состоялись в немецком комплексе космонавтики в Саксонии. Дни Юрия Гагарина прошли в Эрфурте. Портал WZM TV подготовил подробные репортажи о праздновании Дня космонавтики в разных городах Германии. «Освещение празднования 50-летия полета человека в космос дало нам большой опыт организационной работы по взаимодействию со всеми участниками мероприятий, и в ноябре мы с удовольствием освещали Ломоносовские дни в Германии, проводя съемки в Берлине, Марбурге, Дрездене и Фрайбурге. В ближайшее время мы сможем порадовать всех новыми фильмами», – рассказала Елена.

«Мы стараемся, чтобы наша работа согласовывалась с акциями и мероприятиями, проводимыми фондом «Русский мир», – говорит Елена Лысова. – При этом я знаю, что могу полностью доверять информации, полученной из ресурсов «Русского мира».

Недавно завершился конкурс телевизионных и радиопрограмм «Россия: взгляд со стороны» Международной академии телевидения и радио, где первое место было присуждено коллективу Welt-Zeit Media GmbH за серию видеосюжетов «Санкт-Петербург – такой, каким я его увидел». Награждение проходило в Эрмитаже в рамках VI Международного медиафорума «Диалог культур». «Эта награда для нас очень престижна, ведь о Санкт-Петербурге снято множество прекрасных фильмов и передач, и сложно было удивить петербуржцев рассказом об их родном городе, – объясняет Елена, – но мы всегда вкладываем в сюжеты частичку своей души, и, видимо, поэтому они вызывают у людей светлые чувства и добрую улыбку».

Новый, 2012 год будет особенным для Германо-Российского медиапортала – он объявлен Годом Германии в России и России – в Германии.

ДАЕШЬ РЕФЕРЕНДУМ!

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В ЛАТВИИ ЗАВЕРШИЛСЯ ВТОРОЙ ЭТАП СБОРА ПОДПИСЕЙ ГРАЖДАН ЗА РЕФЕРЕНДУМ ПО ПРИДАНИЮ РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТАТУСА ВТОРОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО. ЕГО ИТОГИ ДЛЯ МНОГИХ СТАЛИ НЕОЖИДАННОСТЬЮ: ВМЕСТО ТРЕБУЕМЫХ 154 ТЫСЯЧ ПОДПИСЕЙ ОРГАНИЗАТОРАМ АКЦИИ УДАЛОСЬ В ТЕЧЕНИЕ МЕСЯЦА СОБРАТЬ БОЛЕЕ 183 ТЫСЯЧ!

ПОСЛЕ ТОГО КАК ЦИК закончит проверку подписей, они будут переданы президенту Латвии, который, в соответствии с Конституцией, должен направить их на рассмотрение в парламент. Учитывая национальный состав правящей коа-

лиции, ясно, что законопроект будет отклонен. И тогда судьба русского языка в Латвии, где около 40 процентов жителей являются русскоязычными, будет решаться на всенародном референдуме, который, возможно, состоится уже в феврале 2012 года.

«КОКТЕЙЛЬ МОЛОТОВА» ИЛИ «НАШ СТАЛИНГРАД»?

Строго говоря, предстоящий плебисцит не в полной мере можно назвать всенародным, поскольку в нем не смогут принять участие более 300 тысяч русскоязычных жителей страны – неграждан Латвии, лишенных избирательных прав. Хотя именно для этой части населения вопрос предстоящего референдума жизненно важен. Но таковы реалии сегодняшней ситуации в Латвии. До 30 ноября 2011 года латвийские власти с завидным упорством отмечали любые упреки в свой адрес со стороны международных правозащитников, заверяя, что в Латвии нет проблем с нацменьшинствами. Почти 200 тысяч человек, подписавшихся в ноябре за поправки к Конституции, это сигнал для мировой общественности, что далеко не все так прекрасно в «датском королевстве». И латвийские политики уже не на шутку встревожились. По определению одного из местных экспертов, присвоение русскому языку статуса официального станет для общества настоящим «коктейлем Молотова». Характерно, что в данном случае звучит терминология времен Второй мировой войны, взятая на вооружение как сторонниками борцов за второй государственный, так и их противниками. Один из лидеров общества «Родной язык», инициировавшего сбор подписей, Евгений Осипов, комментируя полученные результаты, заметил: «Да, победа на втором этапе – это еще не «штурм рейхстага», но запоминающаяся «сталинград-

МАРИС МОРКАНС

ская трепка» для зарвавшихся русофобов! Мы доказали и себе, и националистам, что мы не разучились побеждать! И это только начало». По его мнению, результат ноябрьского сбора подписей, на который мало кто рассчитывал, поверг в шок всех национально-озабоченных политиков. Но, с другой стороны, разве не они сделали все возможное, чтобы вызвать межнациональную напряженность в обществе? Сбор подписей за признание русскому языку статуса второго государственного стал ответной реакцией на явно антирусскую кампанию, развязанную радикально-националистической партией «Visu Latvijai!» («Все Латвии!»), за перевод с 1 сентября 2012

года всех общеобразовательных школ только на государственный язык обучения. Что автоматически означало бы ликвидацию школ нацменьшинств – русских, украинских, польских, еврейских. Националам тогда не удалось набрать требуемых 154 тысяч подписей для вынесения вопроса на референдум, тем не менее более 112 тысяч человек подписались за эти поправки к Конституции. Странно было видеть этих людей, стоявших на улице в очереди, чтобы лишить детей своих соседей – таких же граждан Латвии – права учиться в школе на родном языке, где и сейчас-то 60 процентов предметов преподают на латышском. И если бы только этот, очередной выпад в

Один из лидеров общества «Родной язык», Евгений Осипов

сторону русских был единственным! Минувший год в Латвии запомнится вспышками ненависти отдельных русофобов и резкого обострения национального вопроса. И то, что антируссские выходки не только не вызывали осуждения со стороны властей, но и совершились при их попустительстве, стало еще одним стимулом, который заставил многих, даже вполне лояльно настроенных русских, поставить свою подпись под документом. Они сделали это для того, чтобы обратить внимание на себя, заявить о своих правах, заступиться за родной язык, за своих детей и своих стариков.

...Живет в Америке пожилой врач, эмигрант из Латвии некий Айвар Слуцис, работает рентгенологом в клинике Mayo Clinic. Видимо, неплохо зарабатывает, поскольку является главным спонсором латышских национал-радикалов. Кроме того, доктор на правах рекламы периодически публикует в ведущих латышских газетах свои воззвания, не имеющие никакого отношения к медицине. Основная тема его словесных изысканий – советы соплеменникам, как выдавать русских с латышской земли. Трудно сказать, чем уж они так обидели американского эскулапа, но ненависть к русским приобрела у него параноидальный характер. До недавнего времени Слуцис входил в состав латвийской партии «Гражданский союз» из правящего блока «Единства», но после того, как в прошлом году была обнародована его переписка с лидером партии, а по совместительству – тогдашним министром иностранных дел Латвии г-ном Кристовскисом, доктору пришлось выйти из ГС. Признание американского однопартийца, благосклонно понятое министром, тогда даже слегка всколыхнуло латышскую общественность. Хотя сказал-то американский врач «всего ничего» по латышским меркам: что он «не смог бы лечить русских так же, как и латышей». Президентом Латвии в то вре-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Лидер латышских националистов Райвис Дзинтарс предложил установить и наказать всех депутатов, подписавшихся за поправки к Конституции

«МЫ ДОЛЖНЫ САМИ ОТСАИВАТЬ СВОИ ПРАВА»

Своим мнением о развитии ситуации в Латвии с журналом «Русский мир.ru» поделилась депутат Европарламента Татьяна Жданок (партия «ЗаПЧЕЛ», Латвия):

– Сразу надо понять, что языковую ситуацию в Латвии Брюссель решить не может. Ни один депутат Европарламента и весь парламент вместе не имеют права, скажем, отменить языковые штрафы в Латвии. Эти вопросы относятся к компетенции латвийских властей. Надо четко понимать, что гордиев узел проблем неравноправия русской общины Латвии может быть окончательно разрушен только в самой Латвии. И не надо надеяться, что это сделает кто-то за нас извне. Помогают тем народам, которые сами способны на отстаивание своих прав. Тихих и послушных просто не замечают. Власти на компромиссы пойдут, только если мы продемонстрируем силу, как мы это уже делали в 2003–2004 годах, протестуя против реформы русских школ. Не будь тогда массового сопротивления, уроки во всех школах Латвии велись бы с 2004 года только на латышском языке. Сейчас снова наступает такой момент – время показать силу. Именно поэтому так важно активное участие всех заинтересованных граждан в предстоящем референдуме по статусу русского языка. Будет официально заявлен спрос значительной части граждан на второй государственный язык, что повлияет на многие процессы как в самой стране, так и за ее пределами. Дело в том, что за эти двадцать лет латыши ухитрились создать для себя некую комфортную скорлупу непересекающегося параллельного существования. Им не интересно, чем живет русская община, что ее волнует... И теперь вдруг скорлупу пробили, и на это надо как-то реагировать. Я очень надеюсь, что в стране начнется нормальный диалог по всем болезненным вопросам, которые упорно игнорировались латышским большинством. Конечно, нам важна и положительная реакция со стороны Европы, и я предпринимаю все, что от меня зависит, для ее появления. Для этого очень важно выйти на европейские и мировые СМИ, чтобы прорвать имеющийся информационный блок. Здесь нужна большая работа всех заинтересованных сторон. Кроме того, мы обсуждаем возможность отдельной акции по приданию русскому языку официального статуса в органах управления ЕС. Есть и еще один инструмент решения проблемы – надо увеличить число сторонников идеи официального статуса для русского языка. Как? Ликвидировать институт безгражданства. Поэтому наша партия «ЗаПЧЕЛ» инициировала сбор подписей за референдум по изменению Закона о гражданстве Латвии. И поскольку речь идет об изменении закона, а не Конституции, то на соответствующем референдуме необходим кворум, равный половине от числа проголосовавших на последних выборах. И тут нам на руку тот факт, что на последние выборы в Сейм Латвии явка была малочисленной – пришло чуть более 900 тысяч избирателей. То есть если половина из 450 тысяч граждан проголосует за изменение Закона о гражданстве, что вполне реально, то это будет сделано. И тогда 300 тысяч нынешних неграждан смогут в заявительном порядке получить гражданство Латвии и принимать активное участие в выборах, голосуя за изменения как в сфере языка, так и в других важных для русской общины и всей страны вопросах.

мя был Валдис Затлерс, врач-травматолог по специальности. Припертый к стенке русскими журналистами, он вынужден был признать, что коллега не прав. Тем не менее очень скоро у «Доктора Наци», как окрестили Слуциса в Интернете, появились свои сторонники среди медиков в Латвии, которые отказывались говорить с больными на русском языке, а то и оказывать им медицинские услуги. К слову, язык денежных купюр, как и русский, большинство медиков знают совсем неплохо... Да уж, Гиппократ мог бы посыпать голову пеплом.

Публикуя в латышской прессе очередное обращение к своим собратьям, эмигрант-националист призвал их строить в умах и сердцах психологическую стену, чтобы удержать врагов от внедрения в Латвию: «Я понимаю, что построить ее будет трудно, потому что латыши годами были запуганы и за-терроризированы русскими... Большая часть всего плохого в Латвии – из-за того, что здесь много русских. Без них латышская Латвия не была бы под угрозой. Без русских не было бы олигархов и большой коррупции. Без русских Латвия на моральном уровне сравнялась бы со Скандинавией и Финляндией. Если мы разрешим стольким

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

вились инспекторы, благо у них нашлись сотни добровольных помощников, с подачи которых резко выросло количество жалоб в Центр госязыка – чаще всего анонимных – о недостаточном владении латышским языком тем или иным работником (правда неплохой способ подсидеть конкурента?). В 2010 году было составлено 800 штрафных протоколов по языку, в 2011-м – более тысячи. В СМИ появилась информация о том, что в 2012 году запланировано довести их количество до 5 тысяч.

Поэтому одна из целей предстоящего референдума – прекратить унизительные языковые репрессии, добиться юридического статуса для языка, который является родным более чем для 700 тысяч жителей Латвии. Живущих, между прочим, на этой земле на протяжении нескольких веков! Ведь лишь в последние двадцать лет русский язык был объявлен здесь иностранным. Причем без всяких на то исторических или юридических оснований, а только по воле национального большинства в парламенте, которое тем самым проявило неуважение к языкам нацименьшинств.

Немного истории. В 20-е годы XX века в латвийском парламенте депутаты могли выступать не только на латышском, но и на русском и немецком языках. В 1931 году представитель одной из фракций Сейма выступил с предложением разрешить использование в парламенте только латышского языка. Коллеги не поддержали своего товарища. Аргументы были таковы: если запретить депутатам нацименьшинств выступать на родном языке, они не смогут нормально работать, что не пойдет на пользу государству. Русские парламентарии напомнили, что в 1919 году русских, воевавших за независимость Латвии, никто не проверял на знание латышского языка. Как заметил депутат нескольких созывов, представитель старообрядцев Мелетий Каллистратов: «Народ

русским оставаться в Латвии, то мы должны взять на себя ответственность за их действия. Я не готов к этому...» Собрав наибольше выдающиеся перлы американского врача, опубликованные в Латвии, представители русской общественности поинтересовались у руководства клиники, в которой он работает, насколько высказывания «доктора» соответствуют врачебной этике. Оказалось: все о'кей! После проведения внутреннего разбирательства и беседы с г-ном Слуцисом в клинике были приняты «соответствующие меры», но какие именно, «из уважения к доктору Слуцису» было решено не оглашать. Судя по тому, что неугомонный старичок вскоре вновь засветился на страницах газет, «уважение» коллег его только вдохновило на создание нового искрометного опуса. На сей раз автор сослался на опыт США, где существует понятие «позитивной дискриминации» – affirmative action, под которой понимаются некоторые политические меры, направленные на ликвидацию неравенства отдельных групп. По мнению доморощенного идеолога латышских националистов, Латвии требуется «громадная affirmative action по рабатриации 500 тысяч русских на их родину. Среди них долж-

ны быть все, кто когда-либо был связан с русской армией, милицией и чекистами», утверждает Слуцис. Ему вторят молодые лидеры из «Visu Latvija!», публично называя всех русскоязычных неграждан долговременными колонистами и оккупантами.

ШТРАФОМ ПО ЯЗЫКУ

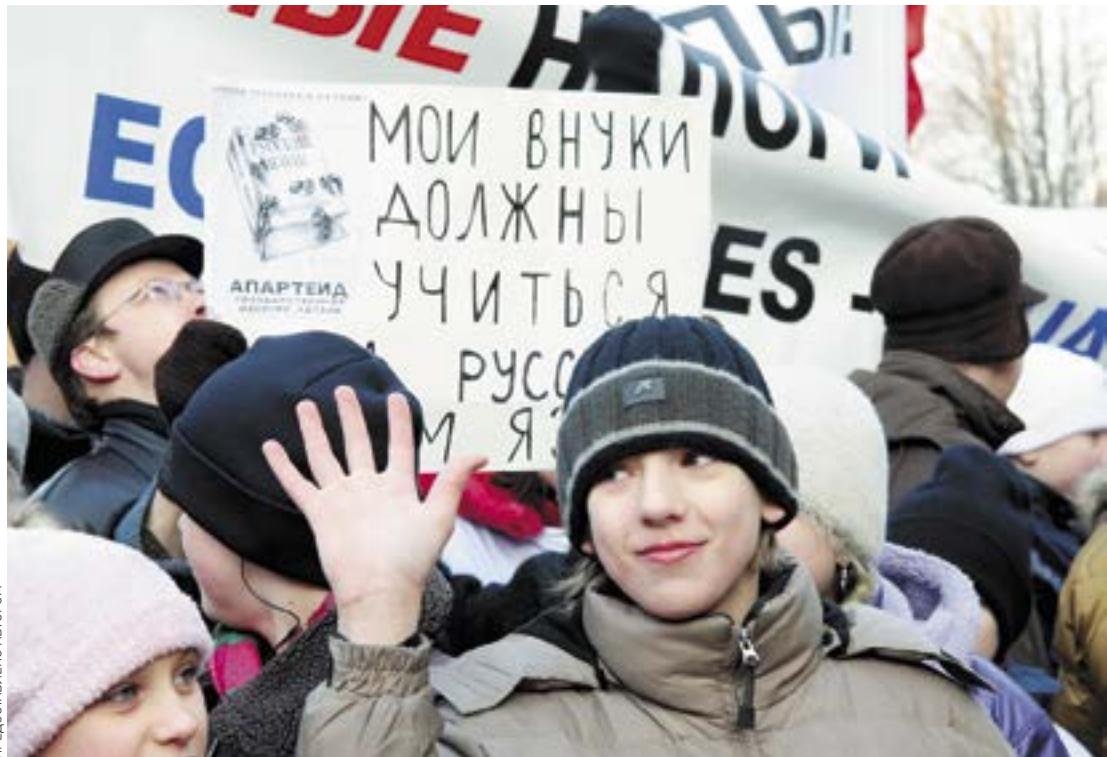
Я для того так подробно цитирую все эти шовинистические высказывания, чтобы было понятно, что предшествовало сбрую подписей за придание русскому языку статуса второго государственного. Нельзя не упомянуть активизацию и «языковой инквизиции», тем более что у этой армии проверяющих и штрафующих за «грешный мой язык» появился весьма ощутимый стимул: с 1 сентября 2011 года вступили в силу поправки к языковым правилам кабинета министров, почти в 20 раз (!) увеличивающие перечень должностей и профессий в частной сфере, для которых установлена определенная степень знания государственного языка. За три месяца до этого Сейм Латвии единогласно принял поправки к кодексу, в четыре раза увеличив максимальный размер штрафов за недостаточное использование госязыка. По предприятиям и частным фирмам в крестовый поход отра-

Мэр Риги Нил Ушаков не только подписался за референдум, но и своих единомышленников призвал следовать его примеру

Латвии объединен не на основе языка, а на основе демократии». Большинством голосов предложение националистов было отклонено, причем за это проголосовали и правые партии.

А спустя восемьдесят лет в том же самом парламенте национальное большинство устроило настоящую травлю депутата от русской общины города Лиепая Валерия Кравцова (партия ЦС), уличив его в слабом знании языка и требуя на этом основании лишить мандата народного избранника. Законных оснований для этого не нашлось, да и подобный скандал мог закончиться разбирательствами в судах ЕС, исход которых был бы не в пользу парламентариев... Нынешние мужи и дамы из Сейма, в отличие от своих предшественников, призывают народ Латвии объединяться не на основе демократии, а на основе «латышского». Да-да, именно этот дремучий термин, с подачи наиболее радикальных сил, был взят на вооружение многими латвийскими политиками. Впрочем, в Латвии уже ничему не удивляются. В разгар кампании по сбору подписей за русский язык представители правящего блока вроде бы собирались выступить с обращением ко всему народу Латвии, включая и русскоязычное население. И даже объявили о его подготовке. Но потом... передумали. Один рисковый, правда, нашелся. Лидер партии «Visu Latvijai!» Райвис Дзинтарс накануне празднования Дня провозглашения независимости ЛР опубликовал «Письмо латвийским русским, белорусам, украинцам...». Предложил начать диалог. Казалось бы, хорошее дело. Но с первых же строк русским, белорусам, украинцам ясно давалось понять, где их место и куда им надо ехать, если у них иные моральные ценности. «...Что придает смысл существованию государства? Что придает смысл существованию Латвии? Что ее отличает от России, Эстонии, Польши или Испании? – вспоминает автор послания и тут же отвечает: – Это – латышскость... Латвия не может быть иной, кро-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Массовые протесты в 2004 году против реформы русских школ спасли их от уничтожения

ме как латышской... Если мы взаимно хотим диалога, то нужно условиться об этой точке его начала». «Я считаю, что в Латвии живут и такие люди, которым много легче было бы отыскать свое счастье на земле своих предков. Они по разным причинам не нашли и не найдут комфорта в Латвии. Почему бы не помочь им информацией, советом, в пределах возможного – и пособиями?» – делегат намекает явный ученик доктора Слуциса.

Впрочем, русские Латвии особо не обращают внимания на недружелюбные выпады со стороны радикалов, понимая, что без этого тем никогда не попасть во власть. Но вот что действительно сильно задело русскоязычных граждан и неграждан, так это то, что партия «Центр согласия», за которую большинство из них проголосовало на октябрьских выборах в Сейм (260 тысяч человек), вновь не вошла в правящую коалицию, хотя и получила мест больше, чем какая-либо другая партия, – 31 из 100. Причем поначалу все шло к тому, что их пригласят в коалицию. Но в последний момент вместо ЦС в блок позвали «Visu Latvijai!». Между прочим, «центристы» далеко не сразу поддержали инициативу движения «Родной язык», тем самым вызвав нарек-

ния у своих избирателей. Но после того, как министр юстиции не только проголосовал против выделения средств на проведение общелатвийского опроса по поправкам к Конституции, что предусмотрено законом, но и назвал предстоящий плебисцит антигосударственным и аморальным, возмутился уже и лидер ЦС – рижский мэр Нил Ушаков. Он прилюдно не только поставил свою подпись в опросном листке за русский язык, но и призвал всех остальных следовать его примеру. Это сразу придало сильный импульс кампании, хотя и вызвало новый шквал обвинений со стороны правящих. Раздались призывы лишить мандатов всех депутатов, проголосовавших за русский язык как второй государственный. На том основании, что они нарушили присягу депутата Сейма, в которой поклялись верности латышскому языку как единственному государственному. Призывы эти не утихли и по сей день, охота на ведьм по-латвийски еще не окончена. И первой ее жертвой уже стал депутат Сейма Николай Кабанов (ЦС), который, по мнению комиссии по мандатам и этике, нарушил принципы этики, подписавшись в поддержку введения в Латвии второго языка. Депутату было решено

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

вынести письменное предупреждение с опубликованием его текста в правительенной газете. Сам Кабанов считает, что он выразил гражданскую позицию и воспользовался правом, гарантированным 28-й статьей Конституции, где сказано, что депутата нельзя наказывать за публичное выражение взгляда. Пытаясь разрядить ситуацию в обществе, «Центр согласия» предложил расширить возможности использования языка нацменьшинств в общении с государственными и муниципальными учреждениями там, где нацменьшинств проживает не менее 20 процентов, подготовив соответствующие поправки к Закону о госязыке. На что правящие тут же заявили, что в вопросе о языке компромисса нет и быть не может... Но как бы там ни было, рубеж преодолен: собрано достаточное количество подписей за референдум по статусу русского языка. Реакция среди латышского населения была различной: от «хватит унижать русских, давайте начинать нормальный диалог» до «латышский язык – наш Сталинград, никаких уступок!» и «пятая колonna сама себя зарегистрировала, спасибо за создание базы данных граждан Латвии, нелояльных своей стране»... Дело в

том, что всем участникам опроса ставили штамп в паспорте, чтобы они могли подписать только один раз. «Конечно, это сдерживало многих», – говорит один из лидеров движения «Родной язык», сопредседатель Объединенного конгресса русских общин Латвии, доктор экономических наук Александр Гапоненко. – У нас было несколько обращений от государственных служащих, в том числе латышей, работающих в полиции, школах, муниципальных предприятиях и частных фирмах. Они рассказывали, что на работе начальник их предупредил: уволит, если увидит штамп в паспорте. Мы это понимаем – что делать, тоталитарный страх в нашем обществе присутствует. Но то, что нам удалось раскачать нашу общину и собрать такое большое количество подписей, говорит о том, что потенциал у русского движения Латвии очень большой. Только вместе мы – сила, люди это уже поняли. Думаю, теперь националисты хорошо подумают, прежде чем начинать новые атаки на русские школы».

ЕВРОПА НАМ ПОМОЖЕТ?

Хотя на референдуме голосование будет анонимным, шансы набрать большинство минимальны, потому что для этого в

стране не хватает числа русскоязычных граждан, имеющих право голоса. Да и не все они придерживаются единой позиции. Много таких, кто считает, что государственным может быть только латышский язык, а русскому можно дать статус регионального или официального. Но в том-то и проблема, что пока правящие власти вообще не высказали ни одного позитивного предложения для решения давно назревшего «русского вопроса»! Президент Латвии Андрис Берзиньш, который, в отличие от своего предшественника, не отказывается общаться на русском языке, заявил, что лучше уйдет в отставку, но не будет тем президентом, который подпишет законопроект о русском языке как втором государственном. Правящая элита, в свою очередь, призвала граждан идти на референдум и голосовать против: тогда «весь мир увидит, что большинство граждан выступает за один госязык». Да кто ж в этом сомневался? Но разве демократия не предполагает уважение прав меньшинства? Особенно в сфере их национальной идентичности и культуры? По мнению организатора акции Владимира Линдермана, власти не могут отмахнуться от мнения 180 тысяч граждан страны, да и на референдуме тоже надо добиваться максимальных результатов. Если не удастся выиграть по всей стране, то конституционное большинство можно набрать хотя бы по отдельным регионам, где компактно проживает русскоязычное население. И при таком спросе на русский язык будет трудно найти аргументы для объяснений по поводу того, почему Латвия не подписывает Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств, хотя ПАСЕ рекомендовала сделать это еще в 2007 году. Кстати, надежды на Европу в стране сейчас возлагаются многие: ну уж теперь-то она заставит Латвию выполнить международные нормы и соблюдать права нацменьшинств?!

КОНЕЦ «ЗОЛОТОГО ВЕКА»

АВТОР

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН*

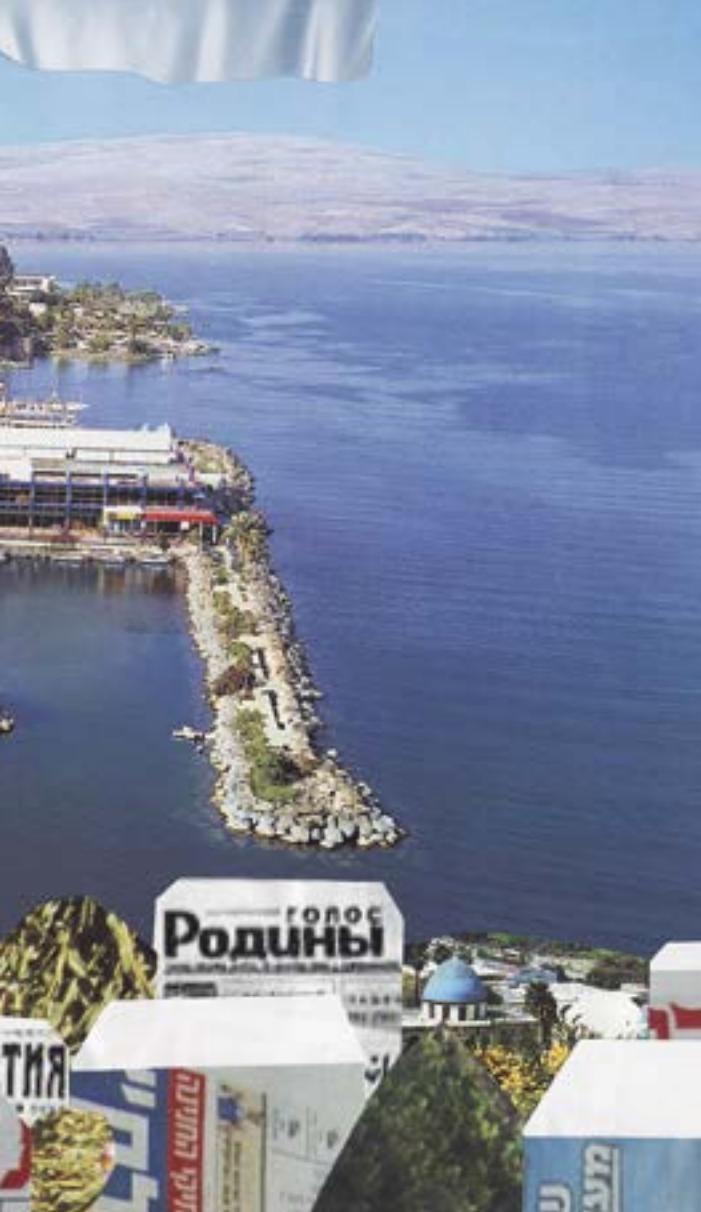
В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПЕЧАТНАЯ ПРЕССА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ИЗРАИЛЕ ПЕРЕЖИВАЕТ ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА. ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ САМИМ СЕБЕ И НЕ ПОЛУЧАЮЩИЕ ПОДДЕРЖКИ ОТ КОГО БЫ ТО НИ БЫЛО, ИЗРАИЛЬСКИЕ СМИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В БЛИЖАЙШЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ МОГУТ ПРЕКРАТИТЬ СВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ.

ПРЕССА НА РУССКОМ языке появилась в Израиле в середине 50-х годов XX века. Хотя родиться она могла бы и раньше, учитывая большое число выходцев из Российской империи в первых волнах сионистской иммиграции в страну. Однако немногие из этих людей читали по-русски, их родным языком, как правило, был идиш, кото-

рый они отвергали во имя иврита – идеально близкого языка борьбы за возрождение национальной государственности. В период британского мандата евреи Палестины/Эрец-Израэль издавали газеты, в частности, на английском и немецком языках, но на русском периодические издания не выходили. Интересно, что в итоге первым периодическим изданием на

русском языке в Государстве Израиль стал начиная с 1954 года «Бюллетень Землячества выходцев из Китая. В 1959 году на русском языке начал выходить ежемесячный журнал «Вестник Израиля», а в 1963-м – журнал «Шалом».

Эти издания обозначили два основных вектора, определивших существование большинства русскоязычных газет и журналов в Израиле до конца 1980-х годов. Часть из них, по сути, являлась функциональными многотиражками, служившими доказательством наличия тех организаций, от имени которых они выпускались. Остальные издавались государственными или окологосударственными структурами – Еврейским агентством, Федерацией профсоюзов, политическими партиями, которые преследовали при этом

В ПОИСКАХ «ЗОЛОТОЙ СЕРЕДИНЫ»

До начала массовой волны эмиграции 1990-х годов русскоязычные СМИ заведомо не могли быть рентабельными. Читателей было мало, покупателей – еще меньше. Однако лишь за 1990 год русскоязычное население Израиля практически удвоилось, а за 1991–1992 годы – утроилось. Причем если иммигранты 1970-х прибывали и учили иврит постепенно, то в начале 90-х в страну приехали сотни тысяч людей, в подавляющем большинстве своем совсем не владевших языком. Создалась крайне благоприятная ситуация для появления газеты принципиально нового в «русском Израиле» типа, которая бы соответствовала запросам читателей, а не служила рупором тех или иных государственных или политических сил. Такая газета могла стать первым коммерчески успешным израильским проектом на русском языке. Именно такая задача и была поставлена перед редакцией газеты «Время» (первый номер вышел 29 марта 1991 года. – Прим. авт.) ее владельцем, медиамагнатом Робертом Максвеллом. Возглавил газету легендарный диссидент-антисоветчик Эдуард Кузнецков, оставивший ради этого пост редактора новостного отдела русскоязычного радио «Свобода». И по содержанию, и по уровню публикуемых авторов газета «Время» (с 1992 года – «Вести») в 90-е не уступала лучшим газетам русской диаспоры, будь то нью-йоркское «Новое русское слово» или парижская «Русская мысль», опережая все другие израильские газеты, выходившие в то время: «Наша страна», «Новости недели» и «Спутник». Понятно, что, учитывая различия в читательских контингентах, в Израиле был нерелевантен формат «Русской мысли», которая, отвечая на запросы славянофильски и антисоветски ориентированной европейской русской эмиграции, практически вся была посвящена

общественно-политической и культурной жизни России. Вместе с тем, какой бы сионистской ни была мотивация иммигрантов, искавших свое место под солнцем в Израиле, их культурный багаж все равно был почти исключительно российским, а во многом – советским. Газете «Время»/«Вести» удалось найти некую «золотую середину» между форматом газеты русской диаспоры и форматом израильской газеты, выходящей на русском языке в прямом или опосредованном переводе с иврита. Изначально газета выходила еженедельно, потом появилось и ежедневное издание, куда менее содержательное.

Массовая иммиграция последнего десятилетия XX века привела к расцвету рынка русской прессы в Израиле, и во второй половине 90-х в стране одновременно выходило целых пять ежедневных газет на русском языке: «Вести», «Новости недели», «Время», «Наша страна» и «24 часа». К настоящему времени три из них прекратили свое существование, а «Новости» вернулись к еженедельному формату. Ежедневными остаются только «Вести». Процесс «сворачивания» русской прессы шел постепенно, но вектор этот остается неизменным на протяжении всего последнего десятилетия. На то есть много причин.

НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ

В первой половине 90-х годов из бывшего СССР в Израиль прибыли полмиллиона человек. Многие из них являлись представителями русско-еврейской городской интеллигенции, то есть довольно активными потребителями печатной продукции. В 2000-е годы темпы иммиграции резко упали: например, в 2010 году в Израиль из бывшего СССР приехало всего 7 тысяч новых граждан. При этом большинство из них прибыли вовсе не из крупнейших городов. Регулярно читавшие газеты и журналы люди старшего поколения, прибывшие в страну в ходе так называемой «алии 1990-х»,

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКИЯ

свои цели. Во-первых, им было важно способствовать культурно-политической аккультурации русскоязычных новых граждан Израиля, а во-вторых – формировать среди советского еврейства мотивацию к отъезду в «землю обетованную» (для решения этой задачи была создана и русскоязычная редакция радиостанции «Голос Израиля», передачи которой транслировались на территории СССР с 1958 года).

Израильские оппозиционные партии газет и журналов на русском языке не выпускали, и потому идеологического плюрализма на «русском» газетно-журнальном рынке не было. Это не значит, что все публиковавшиеся материалы проходили идеологическую цензуру, однако общее направление статей и обзоров не отклонялось от курса истеблишмента. Эти издания не были экономически рентабельными и содержались именно для того, чтобы служить «коллективными агитаторами и пропагандистами».

постепенно уходят из жизни, но на их место не приезжают новые потенциальные потребители русскоязычной прессы. Показательно, с какими российскими изданиями сотрудничают сегодня израильские газеты: не только таблоиды «Эхо» (в него вкладывается дайджест «Комсомольской правды»), «Луч» (дайджест российского «Собеседника») или «Секрет» (вкладыш материалов «Аргументов и фактов»), но и достаточно серьезная газета «Новости недели» не нашла себе лучшего партнера, чем «Московский комсомолец». Израильские русскоязычные газеты работают не с качественными российскими изданиями, а с массовыми таблоидами, что отражает вкусы читательской аудитории, весьма отдаленно напоминающей столичную интеллигенцию.

Еще один важный момент – по-всеместный переход молодежи на иврит. Речь идет о так называемом «полуторном» (приехавших в дошкольном и школьном возрасте) и втором (родившихся уже в Израиле в семьях новоприбывших) поколениях выходцев из СССР/СНГ. Эти выросшие в Израиле молодые люди, как правило, прилично владеют разговорным русским, но читать и писать им легче на иврите. Не стоит забывать, что за все эти годы в Израиле так и не возникло ни одной дневной школы, преподавание в которой шло бы на русском языке. Обучение в школах и вузах ведется только на иврите, а всеобщий обязательный призыв в армию, где русский язык не имеет никакого статуса, неизбежно формирует тенденции не дополняющего, а замещающего билингвизма. Для живущей в Израиле более десяти-пятнадцати лет русскоязычной молодежи и тем более для детей выходцев из СССР/СНГ, родившихся в Израиле, русский остается языком для общения с бабушками, но не для чтения газет и журналов, что приводит к дальнейшему сокращению их читательской аудитории.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ – НАШЕ ВСЁ

Существенный удар по печатной прессе нанесло появление израильских русскоязычных телеканалов. 12 ноября 2002 года заработал канал «Израиль плюс», что привело к массовому перемещению читателей газет к телевизорам. В 2003–2006 годах успешно развивался довольно качественный блок израильских программ русскоязычного канала RTVi. Но его деятельность существенно сократилась после того, как в мае 2006 года Верховный суд удовлетворил иск канала «Израиль плюс» (руководство которого утверждало, что только они из всех русскоязычных каналов, транслирующихся в Израиле, подчиняются регуляционным ограничениям и потому имеют право транслировать израильскую рекламу. – Прим. авт.). Однако существование на протяжении четырех лет двух русскоязычных израильских телеканалов нанесло очевидный удар по печатной прессе, а сокращение сетки вещания канала RTVi привело к оттоку зрителей к другим телевизионным каналам, но не к их возвращению к чтению газет.

ЗАБЛУДИВШИСЬ В ИНТЕРНЕТЕ

Еще одной проблемой стало то, что израильская русскоязычная печатная пресса не смогла адаптироваться к переходу в интернет-среду.

Можно спорить о том, должен ли сайт газеты или журнала быть идентичным печатному изданию или отличаться от него, должны ли материалы появляться в Сети одновременно с появлением печатной версии или нет, – на все эти вопросы конкретные издания отвечают по-разному. Однако необходимость наличия у любого уважаемого печатного СМИ приличного интернет-сайта сомнений не вызывает, и это очевидно как для российских газет, так и для израильской прессы на иврите и английском языке. Ряд периодических изданий уже полностью перекочевали в Ин-

тернет, отказавшись от печатной версии. По причинам, не поддающимся разумному объяснению, ни одна из израильских газет на русском языке, как существующих, так и вышедших в прошлом, не создала собственного сайта. Эта ниша была занята самостоятельными игроками, не имеющими отношения к печатным СМИ. Порталы Newsru.co.il, Cursorinfo.co.il, Zahav.Ru, Mignews.com, IzRus.co.il и другие, становясь частью глобального русскоязычного интернет-пространства, заполнили сегменты, на которые могли претендовать израильские газеты на русском языке.

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

ДЕФИЦИТ РЕКЛАМЫ

Изменения социально-демографических характеристик читателей печатной прессы привели к снижению интереса рекламодателей к русскоязычным газетам и журналам. Эта тенденция, естественно, не самым лучшим образом отражается на их и без того скучных бюджетах.

Люди молодого и среднего возраста, предпочитающие читать новости в Интернете, оказались потеряны для печатной прессы из-за отсутствия у русскоязычных газет и журналов собственных сайтов. Основной частью аудитории печатных СМИ на русском языке

остаются пожилые люди, в большинстве своем не заработавшие в Израиле полноценной пенсии и живущие очень скромно. Поэтому неудивительно, что эта пресса не слишком привлекает рекламодателей. В результате общий бюджет газет и журналов существенно сокращается. Это, в свою очередь, приводит к оттоку интересных авторов, ухудшению изданий в целом и, естественно, к продолжению оттока читателей. В итоге – новый виток сокращений рекламных бюджетов... Как выйти из этого замкнутого круга – не ясно.

ИНТЕРЕСЫ ОБЩИНЫ ИЛИ «ПРОСТО БИЗНЕС»?

Не стоит сбрасывать со счетов и еще одну серьезную проблему общинной прессы. За весь описываемый в данной статье период в Израиле не возникло ни одной газеты, которая бы находилась в собственности кого-либо из представителей русскоязычной общины. Все израильские газеты на русском языке принадлежали и принадлежат либо ивритоязычным израильским бизнесменам и издательским домам («Вести» – концерну «Едиот ахронот»; «Время» – группе «Миррор», а затем – концерну «Маарив» и т.д.), либо их российским коллегам (выходившим в 1997–2007 годах еженедельником «Русский израильтянин» владел «Московский комсомолец»).

Для владельцев израильских русскоязычных газет и журналов это – не более чем бизнес, перед ними не стоит задача решать информационно-просветительские задачи. В отличие от многих сотрудников редакций русскоязычных изданий они не стремятся внести вклад в общинное строительство. В результате сотрудники нередко справедливо воспринимают редакционный менеджмент как враждебную надстройку, выражающую интересы социально чуждых доминирующих слоев, заинтересованную в максимизации прибыли за счет того социально менее благополучного слоя общества, к которому принадлежат сами журналисты и редакторы.

Подобная атмосфера едва ли способствует формированию благоприятного климата в редакциях, приводит к текучке кадров, а также нередко становится причиной принятия решений, имеющих разрушительные последствия для развития того или иного издания.

При этом численность сотрудников русскоязычных газет и журналов была и остается крайне низкой в сравнении с ивритоязычными редакциями, хотя

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

ожидалось, что объемы газет и журналов на русском языке будут сравнимы с ивритоязычными аналогами. Выпуски израильских газет в конце недели включают многочисленные приложения, доводящие объем издания до 200–300 и даже более страниц. Подготовить все это силой редакции из пяти–семи человек при весьма скучном бюджете для оплаты труда внештатных авторов практически невозможно. В итоге в русскоязычных СМИ «в целях экономии» развилась поощряемая ивритоязычной администрацией практика масштабных пиратских перепечаток из российских, украинских, американских и западно-

европейских изданий. Иногда это становилось поводом для судебных исков: в феврале 2007 года суд Герцлии обязал концерн «Новости недели» выплатить российской компании «ОВА-пресс» 285 тысяч шекелей за пиратскую перепечатку 19 статей, в октябре 2010 года суд Ришон ле-Циона постановил, что газета «Вести» должна заплатить издательскому дому «Коммерсант» 230 тысяч шекелей за перепечатку более 50 статей, и т.д. Однако подобные разбирательства в суде единичны, так что тысячи пиратских перепечаток оставались без правовых последствий. Правда, реноме изданий они подрывали безнадежно.

ДЕШЕВОЕ СЛОВО

Крайне низкие гонорары внештатным авторам в русскоязычной прессе не позволяют редакторам заказывать статьи у успешных писателей, деятелей науки и культуры, которым публикация в «Вестях» или «Новостях недели» не нужна для каких бы то ни было своих целей. В 1990-е годы, когда литературно-художественное приложение к «Нашей стране» (в разное время оно последовательно называлось «Бег времени», «Знак времени» и «Звенья») редактировала Ирина Врубель-Голубкина, а литературно-публицистическое приложение «Окна» к газете «Вести» – Анна Исакова и Алек-

сандр Гольдштейн, можно было говорить о том, что в «русском Израиле» существовали издания, в которых публиковались лучшие из возможных авторов. В последнее десятилетие ситуация принципиально изменилась: «Бег времени» превратился в малотиражный элитарный альманах «Зеркало», выходящий один-два раза в год, а уровень «Окон» существенно снизился. Талантливые авторы печатаются в российских изданиях, где и тиражи, и гонорары сегодня, даже будучи относительно небольшими, существенно выше, чем в русскоязычных израильских СМИ. В результате интеллигентные читатели среднего возраста, покупавшие в первой половине 1990-х годов «Нашу страну» и «Вести», теперь нередко читают своих любимых писателей, эссеистов и публицистов преимущественно в интернет-версиях различных российских изданий. Надо сказать, что, вопреки прогнозам, практически никто из русскоязычных писателей и журналистов, даже прожив в Израиле долгое время, не перешел на иврит, на котором пишут молодые представители «полуторного» и второго поколений. Наиболее яркий и едва ли не единственный пример много и успешно работающей на иврите журналистики, выросшей в русскоязычной семье, – Наташа Мозговая, статьи которой с 2008 года на постоянной основе публикуются в газете «Ха'арец», хотя сама она все эти годы живет в США.

Это, кстати, еще одна тяжелая проблема – из Израиля в разные страны выехали ряд русскоязычных интеллектуалов, публицистов, а также перспективных медиаменеджеров. Если, к примеру, говорить о России и Украине, то это Демьян Кудрявцев (с января 2006 года – генеральный директор издательского дома «Коммерсант»), Антон Носик (с ноября 2008 года по март 2011 года – главный редактор и шеф-редактор портала деловых новостей BFM.ru, в прошлом – один из руководителей интернет-холдинга «Рамблер», первый руководитель сайтов

«Газета.Ru», «Лента.Ru», NEWSru.com и ряда других), Альберт (Элиэзер) Фельдман (с ноября 2009 года – генеральный директор компании «Digital Fly Ukraine», в прошлом – глава украинского интернет-холдинга «Обозреватель») и другие.

Отъезд значительного числа опытных и перспективных руководителей медиапроектов стал заметным «гвоздем в гроб» израильской русскоязычной прессы.

БЕЗ ТОЛСТЫХ ЖУРНАЛОВ

Заметно сократился и интеллектуальный сегмент рынка печатной прессы, представленный традиционно уважаемыми в среде русской и русско-еврейской интеллигенции толстыми журналами. Расцвет их пришелся на первую половину 2000-х годов, когда в Израиле на русском языке выходили журналы и альманахи «22: Москва–Иерусалим», «Иерусалимский журнал», «Зеркало», «Евреи в русском зарубежье», «Вестник Еврейского университета», «Новый век», «Время искать», «Nota Bene», «Еврейское образование», «Еврейский книгоноша», «Солнечное сплетение»... Сейчас из этих 11 изданий продолжают выходить только четыре первых, пятый («Вестник») выходит даже не каждый год, а остальные шесть вообще закрылись. Ни один из этих журналов и альманахов не достиг уровня самоокупаемости, их тиражи не превышали планку в тысячу экземпляров, вследствие чего прекращение спонсорской дотации изданий практически неминуемо вело к их немедленному закрытию.

К огромному сожалению, проекта, аналогичного «Журнальному залу» «Русского журнала», в Израиле не возникло, а потому большая часть публикаций этих журналов в принципе недоступна в Интернете. У журналов «Новый век», «Nota Bene», «Вестник Еврейского университета», «Еврейское образование» и «Еврейский книгоноша» полноценных сетевых версий не было никогда, тогда как сайты, на которых размещались номера журнала «Время

искать» (портал ассоциации «Теэна») или альманаха «Евреи в русском зарубежье» (русскоязычный портал, созданный на платформе колледжа «Орамим»), исчезли постфактум в связи с прекращением оплаты услуг хостинга и веб-мастера. Из всей интеллектуальной периодики «русского Израиля» в Интернете представлены сегодня лишь журналы «22: Москва–Иерусалим», «Иерусалимский журнал», «Зеркало» и архив ныне не существующего «Солнечного сплетения».

НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Перечисленные выше причины привели к серьезному сужению поля израильской русскоязычной периодики. Сегодня у нее еще остаются читатели, но их число все время сокращается. По данным опроса, проведенного в мае 2009 года сайтом «Курсор», менее 50 процентов выходцев из бывшего СССР верят, что у русскоязычной прессы в Израиле есть будущее. Причем треть из них считают, что она исчезнет уже в ближайшие десять лет (всего в голосовании приняли участие 3212 респондентов, из которых 3017 ответили на все вопросы). Лишь 2 процента респондентов сообщили, что ежедневно приобретают газету, 4 процента делают это два-три раза в неделю, а 31 процент – раз в неделю. Вообще не покупают газет 48 процентов опрошенных.

«Золотой век» израильской русскоязычной прессы остался в прошлом, и, если не случится ничего экстраординарного, скоро этот сегмент газетно-журнального рынка Израиля станет уделом лишь специалистов-историков. ●

* Автор – доктор социологических наук, преподаватель отделения социологии, политологии и средств массовых коммуникаций Открытого университета Израиля, автор книг «Израиль и проблема палестинских беженцев», «Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться», «Генезис и закат «левого» Израиля» и др.

КАК ВЫЛЕЧИТЬ ИСТОРИЮ

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

ПОЧЕМУ К 20-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ СОЗДАНИЯ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ НЕ БЫЛА ИЗДАНА СОВМЕСТНАЯ «ИСТОРИЯ СНГ», КОТОРАЯ МОГЛА БЫ ПОЛОЖИТЬ КОНЕЦ ЧЕХАРДЕ С УЧЕБНИКАМИ ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА?

НА ПРОСТОЙ ВОПРОС: «Когда развалился СССР?» – украинский, литовский, казахстанский и российский выпускники школ дают три «правильных», но разных ответа. Украи́нцы и казахи датируют это событие 19 августа 1991 года, когда случился путч ГКЧП. Литовцы привязывают его к 13 января 1991 года, когда «народное сопротивление Литвы остановило танки империи» у стен телебашни в Вильнюсе. А россияне считают, что СССР не стало 8 декабря 1991 года, когда было подписано Беловежское соглашение о создании Содружества Независимых Государств – СНГ.

Разночтения в определении даты эпохального события, как считают эксперты Ассоциации институтов истории стран СНГ, продиктованы разностью подходов национальных элит новых стран к оценке обретения собственной независимости.

– В большинстве постсоветских стран возобладал тезис национально-освободительного сопротивления империи в лице Кремля, – говорит Александр Чубарьян, директор Института всеобщей истории РАН. – В рамках этой концепции добровольное предоставление независимости бывшим советским республикам никак не вписывается

в идею сопротивления, что должно поднимать авторитет суверенных властей в глазах собственных народов. Поэтому укреплению их авторитета служат и национальные учебники истории, которые и есть лицо власти, ею создаваемое.

Правда, как признают эксперты Ассоциации, лицо это, скорее, имеет нечеткие черты и к тому же постоянно «обновляется» вместе с переписываемыми учебниками. Проблема в том, что многие учебники истории стран СНГ не выдерживают научной критики, поскольку часто сочиняются по лекалам мифов и легенд. Все это вызывает споры, недоверие и требует переписывания. А оно создает еще одну проблему исторического образования: учебники множатся, по-прежнему противоречиво интерпретируя национальную историю.

Итак, Ассоциация институтов истории стран СНГ, проанализировав школьные и вузовские учебники истории стран Содружества, пришла к неутешительному выводу: они не соответствуют принципам формирования исторического мышления нации, заменяя научный анализ и достоверность суррогатом – мифологией, которая часто строится на создании образа врага из соседа или оппозиции.

НЕУДАВШАЯСЯ ПОПЫТКА

Новый учебник истории, «История России. 1945–2008 годы» А. Филиппова, хотя и назывался экспертами Ассоциации «модельным», вызвал ожесточенные споры. Предполагалось, что этот труд должен был продемонстрировать объективный взгляд на собственную историю. Однако историки, публицисты всех мастей и философы видят в этой попытке «директивное издание», отражающее точку зрения властей на исторический процесс.

– Меня многое не убедило в этом учебнике, – говорит Александр Воробьев-Родосский, директор Института международного сотрудничества. – Например, г-н Филиппов проблемы людей с продовольствием в 70–80-е годы описывает ярко, а в конце 80–90-х годов этой проблемы и соответствующего раздела в учебнике просто нет, хотя «талоны» появились именно в эти годы. По учебнику, у народа в начале 90-х одна проблема – «выбор политических партий и президента». Реформы начала 90-х, согласно книге, не были привнесены извне, «холодную войну страна не проиграла». Нельзя так вырывать из контекста историю. Ученые с удивлением указывают на то, что российские школьники из нового учебника узнают, будто в октябре 1993 года не было разгона российского парламента, «поскольку парламента как такового не было, то есть его расстрел был нелегальным, но легитимным».

– Это тезис, или перл, который далеко не всякий ученый способен внятно объяснить, – говорит Георгий Дука, президент Академии наук Республики Молдова. – Тем более ребенку.

При этом члены Ассоциации соглашаются с тем, что история России эпохи президентства Владимира Путина оценивается как период стабильности. Но выражают недоумение: почему аналогичный период стабильности – эпоха Брежнева – называется в книге «источником многих современных проблем»? Эксперты Ассоциации в целом расценили учебник «как попытку решения проблемы восстановления позитивного общественного самосознания, которая пока во многом не удалась».

ЕВГЕНИЙ ГЛАЗКОВ

С МИРУ – ПО СТРОЧКЕ

В «Истории Республики Казахстан» сильна антироссийская составляющая. Правда, адресована она царской России и СССР. Так, Россия до 1917 года называется «хитрой и вероломной страной», которая «специально провоцировала джунгарское нашествие, чтобы потом «спасать», а на самом деле колонизовать казахов». Что касается советского времени, то оценки казахстанских историков еще суровее. Например, утверждается, что советское правительство конфисковало весь скот казахов, намеренно подвергнув народ голоду. А делалось это для того, чтобы на освободившихся территориях устроить лагеря. Минобразования и науки Казахстана признало эти пассажи спорными и рекомендовало проработать новые учебники истории для школ и вузов.

– Хорошие учебники истории еще не написаны, – говорит Мурат Орунханов, вице-министр науки и образования Казахстана, – или написаны так, что отвергаются большей частью общества. Они не принимаются потому, что призывают или оскорбляют историю соседей. Но, думаю, пе-

риод, когда ряд ученых, отвечая на запросы националистических кругов, писали историю на «патриотический» заказ, себя исчерпывает. Нам нужна взвешенная история. Возможно, создаваемая консорциумом ученых разных стран.

Настоящий скандал разразился в Киргизии: учебник истории для пятого класса «Рассказы по истории Кыргызстана» (или: «Краткая история Кыргызстана») был написан, как уверяли его авторы, «на основе народного эпоса». По учебнику получается, что «кыргызы произошли от собаки и сорока девушки».

– Когда встал закономерный вопрос: как учить детей по такому учебнику? – было уже поздно, – делится впечатлениями Акымбек Абыдакылов, ректор Бишкекского государственного университета строительства, транспорта и архитектуры. – Он был опубликован.

Но большинство школ его отвергает, опираясь на собственные учебные программы, что тоже плохо: единого взгляда в обществе на национальную историю пока нет. Его предстоит вырабатывать. Сегодня по

настоянию киргизских парламентариев учебники истории переписываются вновь. Какими они будут, ясности нет. Но в политизированных кругах ученых теперь популярна другая экзотическая версия – будто киргизы произошли от арийцев.

А вот латышские наци настолько давят на сознание современных латышей, что даже известный композитор Раймонд Паулс, который в 90-е годы, будучи министром культуры страны, добился издания первых независимых латвийских учебников истории, выступил с публичным их опровержением.

– Я изучал в архивах то, что происходило в 1917–1918 годах, – заявил он. – Кто были главными убийцами? Наши соотечественники – латышские стрелки. Что они творили на Украине и в России? Кто служил в охране Кремля и формировал чекистский аппарат? Поэтому наши наци уж лучше бы молчали об этих делах. Еще более одиозен взгляд латвийских учебников истории на Вторую мировую войну. «Латышские легионеры (Латышский добровольческий легион СС. – Прим. ред.) отличались

ЕВГЕНИЯ ГЛДКАЯ

в боях особой выносливостью, умением и отвагой», – внушает школьникам пособие «История Латвии: XX век», изданное в Риге при поддержке посольства США. При этом издание умалчивает, что легионеры воевали на стороне фашистов, но подчеркивает, что они являлись «несущей опорой национально-освободительного движения за восстановление независимости и освобождение от коммунизма». А фашистские концлагеря на территории оккупированных Латвии и Литвы, где наряду с легионерами служил и местный наемный персонал из гражданских лиц, создатели латвийских и литовских учебников называют «исправительно-трудовыми». Причем литовские учебники сообщают, что «в этих лагерях содержались преступники, дезертиры, бродяги, евреи и прочие». Наконец, историю обретения независимости в 1991 году все три Балтийских государства – Литва, Латвия, Эстония – преподносят в своих учебниках как «движение сопротивления», борьбу «народного фронта, политую кровью народа», перевирая и презирая историческую данность: не-

зависимость Балтии была дана указом президента РФ Б. Ельцина – «без предварительных условий».

Еще более интересные сведения сообщает эстонский учебник по истории. Например, такие: «Столичные были приданы к армии киевского князя Олега и сыграли ведущую роль при штурме в 907 году Константинополя».

О том, что первым азербайджанцем был сын Ноя Иафет, учащиеся азербайджанских вузов узнают буквально из первых строк учебника «Всеобщая история» Т. Мустафа-заде. Помимо искрометных сведений о том, как военных столкновений с азербайджанцами избегал Александр Македонский и как им мешали жить варвары с севера – славяне, учебник также сообщает, что те самые варвары со временем утвердили свое господство. В СССР «культурно-языковое угнетение закавказских народов со стороны советской власти приняло массовый характер».

– Все же я бы выделила два подхода в исследовании азербайджано-российской истории, – говорит Шалала Мамедова, преподаватель исто-

рического факультета Бакинского госуниверситета. – Академический, относительно последовательно отстаивающий концепцию того, что азербайджанская государственность постепенно формировалась под влиянием российской и в ее составе, принимая на себя все ее достоинства и недостатки. И популистский. Вот второй подход, к сожалению, за немением исследований и при нежелании проводить их, строится на мифологии. Другое дело, что академическая наука обвиняет Россию в двух грехах – в колониальной политике, проявившейся в событиях 1990 года в Баку, и в альянсе с Арменией, касающемся карабахского конфликта.

Что касается Армении, то здесь в учебниках особых претензий к России не предъявляется. «Армения, ослабевшая под гнетом Первой мировой войны и революции 1917 года, не была способна удержать независимость», – сообщает школьный учебник «История Армении». Здесь же читаем: «В СССР из аграрной страны Армения превратилась в индустриальную, села разрастались в города, в 1943 году была создана академия наук».

Но диаметрально противоположные точки зрения излагают в своих учебниках соседи – Армения и Азербайджан – на историю возникновения и развития территориального конфликта в Нагорном Карабахе. Каждая из сторон считает друг друга агрессором и предъявляет территориальные претензии. Кстати, именно этот момент стал одним из основных препятствий на пути создания общей монографии «История СНГ», которую планировалось выпустить в декабре 2011 года – к юбилею Содружества.

За исключением Армении и Белоруссии учебники истории всех новых государств выдвигают против России и СССР обвинения в геноциде своих народов. Но если в большинстве стран эта волна или пошла на убыль – с Украиной, Латвией, Литвой, Азербайджаном и странами Средней Азии России удалось создать межправительственные и академические комиссии по исследованию спорных и конфликтных моментов в совместной истории, – то с Грузией все наоборот.

Как «геноцид против грузинского народа» рассматривает вузовский учебник «История Грузии» события апреля 1989 года в Тбилиси, когда при разгоне запрещенного митинга погибли 19 человек. Дальнейшую граждансскую войну в стране учебник таковой не считает, называя ее «инспирированной извне агрессией». При этом местные учебники пересмотрели даже историю добровольного вхождения Грузии в состав России. Теперь это преподается как «насильственное колониальное подавление древней государственности Грузии». А история Второй мировой войны, во время которой из Грузии навсегда были изгнаны турки-месхетинцы, а часть грузин насильственно переселена в Абхазию, преподносится как «схватка двух тоталитарных режимов – коммунизма и фашизма».

– А у нас в историографии две опорные и спорные проблемы, – считает Евгений Бородин, доктор исторических наук, проректор Института государственного управления Национальной академии государственного управления при президенте Украины. – Взгляд на происхождение украинцев и русских и отношение

ко Второй мировой войне. Во многих учебниках излагается такая трактовка происхождения Киевской Руси, в которой нет места русским. Есть русины и «московиты». Вторая проблема – понятие «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» во многих учебниках отсутствует. Война трактуется как «национально-освободительное сопротивление бойцов УПА против фашистских и красных оккупантов».

Как полагают эксперты Ассоциации институтов истории стран СНГ, эти две историографические проблемы ставят перед украинской исторической наукой новую задачу: составление более взвешенных и объективных монографий. Пока же, согласно большинству местных учебников истории, школьных и вузовских, украинский язык – один из древнейших языков мира, а украинцы – все те же искомые арийцы. Например, автор учебника «Словарь древнеукраинской мифологии» Сергей Плачинда называет украинский язык «праматерью всех индоевропейских языков». Он отвергает общие корни русского, украинского и белорусского языков, выросших из единого славянского языка. Следующий «закономерный» посыл – в Киевской Руси общими корнями были только у украинцев и русинов (белорусы), «московиты» – пришлые.

Великая Отечественная война в украинских учебниках истории по аналогии со странами Балтии превращена в национально-освободительную войну бойцов УПА «против фашистских оккупантов», а городов-героев Севастополя, Одессы, Керчи в учебниках истории нет.

– Это еще одна общая проблема постсоветского мышления – вырванность национальной истории из общего исторического контекста, – считает Николай Багров, ректор Таврического национального университета. – В информационную эпоху, когда мир открыт, долго такое специфическое понимание истории не продержится. Людям нужна история, основанная не на мифах и пропаганде, а на документах и историческом анализе. Только такая история способна складывать единое духовное пространство, которое пока подтасчивается ядом национализма.

ПРОБНЫЙ ШАГ

Как шанс написать объективную историю Ассоциация институтов истории стран СНГ расценивает создание межгосударственных – российско-молдавской, российско-литовской и других – двусторонних комиссий историков (всего их пока образовано восемь) для решения проблем общего прошлого. Их принцип работы таков: эксперты выводят за скобки «недурядицы» двусторонних отношений, передавая проблему исторической науке. Ассоциация признала ущербной тактику, когда спорные вопросы общей истории обсуждались на высшем уровне.

– Дискуссии вокруг видения истории и учебников истории – это проблема выбора, – считает Юрий Пивоваров, директор Института научной информации по общественным наукам (НИИОН) РАН. – Выбора России и стран СНГ – куда им идти и как вплести в национальную историю то, что произошло в 90-е годы? Ведь в России в 90-е годы отношение к советскому периоду было отрицательным. Теперь власть пытается примирить россиян с прошлым. Иначе, как кажется власти, дальше созидать невозможно. В большинстве стран СНГ иная задача – формирование государственности идет за счет отрицания «колониализма» и «неоколониализма», которые превратились в борьбу с ветряными мельницами. Хотя болезненно, но приходит понимание, что истину, как компромисс, надо искать вместе.

В качестве пробного шага историки стран Содружества предложили написать серию совместных научных трудов по различным отраслям науки.

– Полагаю, одной из первых могла быть монография «История университетов Восточной Европы», – говорит Сергей Посохов, декан исторического факультета Харьковского национального университета. – Книга могла бы показать, как важно сохранять не только фундаментальное образование, но и общее духовное наследие.

Виктор Садовничий, ректор МГУ, предложил профинансировать издание книги за счет МГУ, но выдвинул условие: труд должен быть международным, отражать разные точки зрения, которые следует свести воедино, как это получилось с монографией «История университетов Европы», изданной Евросоюзом в 2010 году. ●

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ТРУДНОСТИ ПРИМИРЕНИЯ

АВТОР

ДЕНИС ТЕРЕНТЬЕВ

НА ФОНЕ ПРИВЫЧНЫХ РУССКИХ СЕЛЬСКИХ ПЕЙЗАЖЕЙ ТРУДНО НЕ ЗАМЕТИТЬ УКАЗАТЕЛИ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ. В УХОЖЕННОМ ПАРКЕ С ИСПОЛИНСКИМИ СКУЛЬПТУРАМИ ДЕРЕВЬЯ ПРОНУМЕРОВАНЫ, А ДОРОЖКИ УДИВИТЕЛЬНО РОВНЫЕ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

3 ДЕСЬ, МЕЖДУ ДЕРЕВНИМИ СОЛОГОБОВКА и Лезье, что под Санкт-Петербургом, находится самое большое в мире немецкое военное кладбище, насчитывающее более 40 тысяч захоронений. Названия этих мест – Синявинские высоты, Невский пятак – знакомы каждому школьнику. Здесь до сих пор на глубине штыка лежат останки павших солдат. Послевоенные похоронные команды собрали не более 1 процента погибших. Но, как известно, «война не закончена, пока не похоронен последний солдат». В том числе вражеский. К этой мысли наше общество только начинает привыкать, постепенно приходя к пониманию истинного смысла примирения с прошлым. Как ни странно, символом такого примирения в Сологубовке стал Успенский храм, чудом уцелевший во время войны и в послевоенной разрухе.

Ни один немецкий солдат на кладбище в Сологубовке не остался безымянным...

...А сама деревня стала местом притяжения интуристов

НАЧАЛО

– Немцы в подвале храма организовали госпиталь, а для нашей артиллерии купола были ориентиром, – рассказывает местный житель Дмитрий Кириенко. – Поэтому ни те, ни другие не хотели окончательно разрушать здание. Я был тогда еще мальчишкой, но помню, как немецкие саперы неделю снимали с церкви купола, чтобы сбить нашим прицел. Хотя сами молились, но не в нашем храме, а рядом – в деревянной пристройке. После войны в Успенском храме сначала устроили склад. Потом храм и вовсе пришел в запустение, даже дорога к нему заросла. Именно поэтому в начале 90-х его и выбрал для служения выпускник семинарии Вячеслав Харинов, который дал себе зарок прийти в самый безнадежный храм Ленинградской области. Успенский тогда был безнадежнее некуда: без кровли, с разрушенными сводами и отсутствием дороги – подъехать сюда

можно было только на тракторе. И так уж случилось, что в те же годы Россия выделила Народному союзу Германии по уходу за военными захоронениями пять гектаров земли в Сологубовке под устройство кладбища для солдат вермахта. Немцы поначалу решили храм взорвать.

Надо сказать, что Народный союз – очень влиятельная организация в Германии. Возникла она еще в годы Первой мировой войны. Сегодня эта общественная организация опекает около 800 военных кладбищ в 40 государствах, у нее 1,3 миллиона членов, 600 человек в штате и 13 тысяч добровольцев. У нее огромный бюджет, формируемый из членских взносов и отдельной статьи германского бюджета. Кстати, именно Народный союз опекает кладбища и захоронения около 800 тысяч советских воинов в Германии, на эти цели расходуется примерно 30 миллионов евро. И речь не только о территории бывшей Восточной Германии, где за могилами соотечественников до 1990 года следили военные из Западной группы войск. Например, в консервативной Баварии издана «Книга памяти» советских воинов, проведена компьютерная обработка данных на полмиллиона военнопленных, установлены места их захоронений.

– Немцы и не думали настаивать на сносе храма – они просто полагали, что руины никому не нужны и не подлежат восстановлению, – рассказывает отец Вячеслав. – Тогда я заговорил о том, что раз они разрушили храм, то они же должны

Иконостас
Успенского
храма расписал
бывший солдат
вермахта Андрей
Блок

Собор
существует
в основном на
пожертвования
приезжих
немцев

его восстановить. Существовали свидетельские показания, что именно немецкие саперы снимали с храма купола. Немцы принимали разумные доводы, правда, поначалу согласились восстановить только крышу здания. Я связался с ведущими германскими журналами, рассказал им про ситуацию в Сологубовке. И вскоре пошли крупные пожертвования, которых хватило на восстановление всех трех престолов храма и создание Парка Мира, за которым начинаются могилы немецких солдат.

Но вслед за этим священнику пришлось столкнуться с непониманием соотечественников. В Сологубовке, Лезье, Мге, Кировске живут десятки ветеранов войны, которые свято хранят память о погибших фронтовиках, а все, что связано с немецкими оккупантами, привыкли клеймить позором. Появился даже репортаж известного тележурналиста о том, как спустя шестьдесят лет немцы будто захватили Невский пятак.

ИКОНОПИСЕЦ БЛОК

В Парке Мира, созданном по инициативе отца Вячеслава, есть две скульптуры. Одна из них, дар немецкого мастера Урсы фон Ляйнер, изображает женщину с мертвым младенцем на руках и называется «Трагедия войны». Ура-патриоты тут же окрестили ее «немецкой Родиной-матерью», а факт установки назвали кощунством. Хотя на самом деле воплощенная в камне мать оказалась русской, и у нее есть реальный прототип. Молодую жительницу Сологубовки Ульяну Финагину немцы расстреляли в 1941 году на глазах у всех жителей села – она не выдала провокатора, который пришел в ее дом будто бы от партизан. У Ульяны было трое детей и грудная дочь, которую ей приносили кормить перед казнью. После расстрела Финагиной девочка тоже не выжила. В гибели этих двух людей разбирались на Нюрнбергском процессе.

– На войне люди ослеплены ненавистью, для которой каждый находит причины, – говорит отец Вячеслав. – Сюда приезжал старый немецкий офицер, который сказал, что не чувствует вины перед нами. До этого он прошагал всю Европу, соблюдая Женевскую конвенцию. А здесь советские солдаты сразу же вырезали санитарный батальон вместе с ранеными и врачами. И командование сказали им, что пленных можно не брать. В то же время я помню рассказ русского прихожанина, которого вместе с другими купающимися в речке детьми расстреливал немецкий летчик. А потом такие же немецкие асы сбрасывали бомбы на красные кресты, которыми помечали госпитальные суда. Война – ступок обоюдного греха, а не примитивное противопоставление «свои – чужие».

У священника хранятся дневники солдата вермахта Вольфганга Буффа, подаренные поисковиками: «Любите своих врагов, благословляйте проклинающих вас, – вот что всегда было ценностями немецкого народа». Буфф хотел стать священником, но война сделала его

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

артиллеристом-баллистиком. Он нашел свою смерть на Синявинских высотах, пытаясь вытащить раненого советского офицера с нейтральной полосы. А иконы Успенского храма принадлежат кисти другого оккупанта – Андрея Блока. Рядовой Блок потерял ногу под Сталинградом, а после войны учился на иконописца на Афоне. Когда он узнал, что в Сологубовке воссоздают немецкое кладбище и храм, он предложил отцу Вячеславу написать серию неканонических икон. Харинов вспоминает, что творчество увлеченного немца вообще мало напоминало иконопись: пылающие дома, танки и черти. Они долго спорили, пока священник не убедил Блока переписать лучшее из того, что он видел в Греции. Блок исполнил свое видение архаичных икон. Отец Вячеслав решил было, что в храме их никогда не поставит, но тут Блока разбил инсульт, и перед смертью он захотел увидеть свои работы в Успенском соборе в Сологубовке. Священник отказать не смог. Он думал, что это будет временная экспозиция, но постепенно иконы «прижились». Сегодня они украшают главный иконостас храма, а прихожане считают их «живыми» – в отличие от многих современных канонических работ. Отец Вячеслав называет эту историю «победой христианского духа».

Хотя тема поминовения – вне конфессий. Когда поисковики находят сбитый самолет с мертвymi летчиками, то зовут священника. Потому что самолет – это могила, вскрывать которую грех. Недавно был случай: по найденным в Ил-2 документам летчик оказался русским, а стрелок – татарином. Позвали и батюшку, и муфтия. Кстати, миф о поголовном атеизме советских воинов опровергают как раз находки на местах боев: тут и православные крестики, и образки, и ладанки.

Реальная трагедия войны запечатлена в камне – скульптура «Трагедия войны»

Рядом с Успенским собором разбит Парк Мира

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

– Многих из наших ребят немецкие останки интересовали сначала лишь как источник находок: оружие, награды, амуниция, – рассказывает поисковик Михаил Малахов. – Сами останки могли в костер бросить. В той же стезе воспитывалось и все военное поколение: если немецкое кладбище мешало земледелию, его пускали под бульдозер. А тут несколько стариков из Сологубовки ездили с нами в Германию по приглашению Народного союза и увидели, в какой чистоте и в каком порядке немцы содержат могилы наших. Причем за пристанищем солдат Первой мировой и при Гитлере следили очень хорошо. Надо было видеть глаза наших стариков! Рассказывают, что после их возвращения отношение к приезжающим в Сологубовку немцам изменилось. Конечно, их не встречают хлебом-солью, но открытая враждебность исчезла. Ни одного случая осквернения немецких могил не зафиксировано. Даже когда появилась информация, что среди не-

В Сологубовку приезжают как автобусы с немецкими гражданами, так и индивидуальные паломники

Здесь особенно понимаешь, что память персональна

мецких захоронений есть люди с русскими фамилиями: полицаи, власовцы или белоэмигранты, запутавшиеся, на чьей стороне правда в очередной мировой мясорубке. Самое главное: сегодня люди получают новые представления о том, как нужно заботиться о памяти павших. Даже отступая в 1944 году, немцы беспокоились о том, чтобы после войны их погребения смогли идентифицировать.

– Мы были потрясены, когда начали организовывать немецкое кладбище на месте военных захоронений у нас в Себеже: гробы лежали по 12 в ряд, на каждом солдате – медальон, – говорит участник ветеранской организации из Псковской области Андрей Воронин. – Из германских архивов привезли карту захоронений, по которой вскрываешь один медальон – и сразу видно, кто лежит рядом. Останки каждого, кто опознан, хоронят в отдельном небольшом гробу. Из Германии приезжают их родственники, находят по карте свою могилку, иногда ставят небольшие, сантиметров по тридцать, кресты. И долго стоят в молчании. Скорбь похожа у представителей всех народов, и она сближает людей, несмотря на любые противоречия в прошлом. Нельзя сказать, что Россия плохо заботится о памяти своих павших солдат. В той же Ленинградской области в память о сражениях Великой Отечественной воздвигнуты сотни монументов, мемориалов, скульптур. На правительственном уровне создается структура, которая займется систематизацией информации о жертвах войны и заботой о воинских захоронениях. Сегодня преобладает мнение, что не должно быть безымянных братских могил, как мы привыкли думать с детства. «Никто не забыт» – это означает, что погибший воин сохранил свое имя, а общество сделало для этого все возможное.

«ВСЕ РЕЖИССЕРЫ ИМЕЛИ СО МНОЙ ГОРЕСТНЫЕ ДНИ»

АВТОР

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВА

ФОТОГРАФИИ

АНТОНА БЕРКАСОВА

У ЛЕОНИДА ЗОРИНА СВОЕОБРАЗНАЯ И ОЧЕНЬ ДРАМАТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА. ЕГО ПЕРВАЯ КНИЖКА ВЫШЛА, КОГДА ЕМУ НЕ БЫЛО И 10 ЛЕТ. СТИХИ ЮНОГО АВТОРА ПРИШЛИСЬ ПО ВКУСУ САМОМУ МАКСИМУ ГОРЬКОМУ. В 17 ЛЕТ ЗОРИН СТАЛ ЧЛЕНОМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ. А В 23 ГОДА ОН – ВЫПУСКНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И СТОЛИЧНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА. В 25 ЛЕТ ДЕБЮТИРОВАЛ В КАЧЕСТВЕ ДРАМАТУРГА. И НЕ ГДЕ-НИБУДЬ, А В ЗНАМЕНИТОМ МАЛОМ ТЕАТРЕ. НА СЧЕТУ ЛЕОНИДА ГЕНРИХОВИЧА 50 ПЬЕС И НЕСКОЛЬКО ТОМОВ ПРОЗЫ. Но до сих пор каждый день он по-прежнему начинает у письменного стола. «НЕ МОГУ СПОКОЙНО ВИДЕТЬ ЧИСТОГО ЛИСТА БУМАГИ, – ГОВОРИТ ЗОРИН. – Я ДОЛЖЕН ПИСАТЬ. ПИСАТЬ – ЭТО МОЕ СЧАСТЬЕ, МОЕ СТРАДАНИЕ». САМА ЖИЗНЬ ЗОРИНА – УВЛЕКАТЕЛЬНЕЙШАЯ ПЬЕСА, НАПИСАННАЯ СУДЬБОЙ ПО ВСЕМ ЗАКОНАМ ДРАМЫ.

некоторое время Алексей Максимович написал обо мне в своей статье «Мальчик», которая была напечатана вначале в «Правде», а затем во всех газетах и вошла в его собрание сочинений. Горький в то время переживал очень тяжелый период – незадолго до этого он похоронил своего единственного сына. Но принимал нас он очень радушно. Угощал чаем. Ко мне обращался уважительно, на вы.

– Каким он вам запомнился?

– Он не выглядел молодящимся старичком. Поджарый, высокого роста, ясные голубые глаза и румяные щеки.

– В Баку вы стали самым известным мальчиком?

– Конечно. Я стал городской достопримечательностью. Тем не менее никакой звездной болезни у меня не возникло. Я был душевно здоров. Вел нормальный образ жизни. С удовольствием играл в шахматы и футбол и не был отягощен сознанием собственного миссионерства.

– И как же «городская достопримечательность» решилась уехать из родного города?

– Баку – поразительный город. Громадный, полуторамиллионный и вместе с тем на редкость домашний. Город-дом, ты повсюду в нем был своим. Особая магия – это же юг. Здесь, с одной стороны, сиеста, время идет не столь стремительно, с другой стороны, пылкие страсти. И всюду эти горбатые улочки, несущиеся к бульвару, к морю, к солнечной мазутной волне. Главное же богатство – люди. Болезнь дебилов – национализм – была в этом городе неизвестна. В моей футбольной команде бок о бок играли парни шести национальностей. Недаром в Баку всегда говорили с вызовом: «Национальность – бакинец». Я очень люблю Баку. Чувство родства с ним неистребимо. Расстаться с Баку, с семьей оказалось непросто. Мы были очень близки с отцом. Мой отъезд для него стал страшным ударом. Но он не удерживал меня. Понимал – мое место в Москве. И я это понимал.

– Москва вас приняла сразу?

– Я влюбился в этот город сразу. Понапачку все складывалось фантастически. Шел 1949 год. Я был молод. С упоением писал пьесы. А затем в моей жизни произошел счастливый случай. Я на улице встретил своего бакинского знакомого. А он, в свою очередь, был знаком с режиссером Малого театра Вениамином Цыганковым. Тот посетовал, что у них нет пьес о современности, и мой знакомый сказал обо мне. При всем своем южном легкомыслии я понимал, что такое Малый театр, и никогда бы не решился сам отнести туда свою пьесу. Я был потрясен, когда раздался звонок и Цыганков предложил мне встретиться. От растерянности я даже не догадался ответить, что могу прийти к нему сам, а сказал: «Заходите!» И, удивительное дело, несмотря на свой уже достаточно солидный возраст, он пришел ко мне, 23-летнему молодому человеку. Уверяю вас, я так сказал не из невежливости, а просто от растерянности. Когда я принес свою пьесу в театр, мне объяснили, что я должен зарегистрировать ее в литературной части. И когда я ее зарегистрировал, у нее оказался какой-то четырехзначный номер. То есть там лежали тысячи пьес. Ведь все авторы посыпали в Малый театр свои пьесы. Это наивно, но понятно. Тем не менее на мою обратили внимание. Но, в отличие от других, сам я бы ее не понес в Малый театр – так получилось, что инициатива пошла от них.

— Л

еонид Генрихович, вряд ли кто-нибудь еще может похвастаться столь ранним литературным дебютом. Как же ваши стихи дошли до великого пролетарского писателя?

– Я рано научился грамоте и очень рано, года в четыре, начал писать. Отец приносил мне бумагу, и я ее испытывал стихотворными строчками. Бедный отец не успевал своим каллиграфическим почерком переписывать мои каракули набело. К 8 годам я был поэтом со стажем. А в 9 лет в типографии вышла первая моя книга. Мы жили в Баку. Баку – город южный, честолобивый. Меня решили отправить в Москву, к Горькому. Я был мальчик развитой, начитанный и прекрасно понимал, кто такой Горький. Мы с мамой отправились в Горки, подмосковную резиденцию писателя. Вместе со мной за одним столом сидел Исаак Бабель, на которого Горький тогда показал мне глазами и сказал: «Гениальный человек». Я по просьбе Горького прочел свою поэму «Человеки». Поэму наивную, но он отчего-то растрогался и даже прослезился. Хотя, может быть, его больше удивило и тронуло, что ее сочинил 9-летний ребенок. Через

– Видимо, у вас есть ангел-хранитель?

– Думаю, есть. У меня было много передряг в жизни. Но я жив и до сих пор пишу.

– *Передряги начались после первой московской постановки?*

– Да. Я всегда писал о том, что меня волновало. Вот я и написал пьесу «Гости» – о перерождении нашей власти, нашего высшего круга, о неприкрытой буржуазности нашего высшего эшелона. И это было принято очень болезненно. К тому времени Сталин уже умер, но Берия был еще в полной силе. Пьесу поставил в Ермоловском театре его главный режиссер Андрей Михайлович Лобанов. Это был великий режиссер и великий человек. Мы по-человечески были очень близки. Лобанов был для меня высшим художественным и человеческим авторитетом. Из всех, кого я видел и знал, никто не мог встать вровень с ним. «Гости» стали водоразделом в его жизни. Спектакль прошел всего один раз. После чего со скандалом был снят. Андрей Михайлович тяжело заболел. А через некоторое время у него отняли театр. Вот этого он пережить не смог. До сих порчулюю свою вину за его ранний уход из жизни. Для меня же провал «Гостей» закончился длитель-

кровские ворота». Ее частенько показывают по телевидению, а в 70-х борьбу за нее Юрий Завадский вел целых три года и так и не дожил до премьеры. В чем тут дело?

– Думаю, в ее пафосе. В том, что поэт Кустов говорит «глупы люди» о тех, кто предал любовь по «государственной нужде», кто вместе со всей великой империей с ее флотом, армией, тайной полицией «кинулся на одну бабенку». Живучая тема. К тому же в 70-х годах слышать реплику: «Великой державе застой опаснее поражения» тоже было не слишком приятно.

Так получилось, что все режиссеры имели со мной горестные дни. Завадскому я сократил последние дни. Он уже не мог выйти даже на премьеру, лежал и умирал, когда «Царская охота» выходила. Он бился за нее как лев. Вспоминаю этот мартиролог – скольким людям я сократил жизнь, – и становится не по себе. Когда у меня брали пьесу, всегда предупреждал: будете иметь неприятности. Товстоногов внутренне надломился, Рубену Симонову крепко досталось – он ставил мои пьесы трижды. А Ролан Быков лез в петлю после того, как ему не дали сыграть Пушкина в «Медной бабушке» во МХАТе. Я видел его работу – это было ге-

«Драматургия – очень аскетический жанр. Она не должна быть болтливой, многоречивой. И проза, конечно, не должна быть болтливой, но, когда у вас есть желание высказатьсь, подумать, проанализировать, вы не можете обойтись короткими репликами».

ной серьезной болезнью. В течение двух лет я был главным героем всех газет. Можно было открыть любую и прочитать: «Зорин – клеветник» «Клеветник из политической подворотни» были самые нежные слова, сказанные обо мне в печати. Конечно, я был готов к тому, что идея моей пьесы не вызовет у властей восторга, но то, что я стану героем постановления самого высокого уровня, стало для меня неожиданностью. Я все держал в себе. Выпустить пар считал недостойным мужчины. Оказывается, это очень вредит здоровью. Неожиданно выяснилось, что у меня больные легкие. Для меня это стало полной неожиданностью – ведь я был спортсменом, играл в футбол. Но, как мне объяснил замечательный врач, академик Лев Константинович Богуш, нервное потрясение всегда находит слабое место в организме. У меня этим слабым местом как раз и оказались легкие. В 30 лет я внезапно ощутил, что моя жизнь подходит к концу. Пока лежал в больнице, мои соседи несколько раз менялись. Мои сопалатники чаще всего умирали в преддраматические часы. Я перенес несколько операций. Наверное, меня помимо искусства врачей спасло и желание писать. Я брался за ручку сразу же после операции. Врач сказал: «Пусть пишет. Не запрещайте. Ему так нужно». Это было суровое время. Но я писал каждый день, и это помогало мне жить.

– Ваши последующие пьесы тоже пробивались к зрителю с трудом, хотя ставили их великолепные режиссеры – Георгий Товстоногов, Рубен Симонов, Юрий Завадский. «Царская охота» давно успешно экranizирована, как и «По-

ниально. Он бредил ролью Пушкина. Чтобы сыграть ее, сел на диету и в течение недели похудел на несколько килограммов. В гриме Быков был неимоверно похож на поэта. Даже консультировавшие спектакль пушкинисты, увидев его, заявили: «Похож! Просто удивительно, как похож!» Однако в Министерстве культуры СССР решили иначе. Выездная сессия министерства во главе с Фурцевой, заседавшая во МХАТе, пришла к выводу, что Быков на эту роль не подходит. «Что вы нашли в этом уроде? – искренне удивлялась Фурцева. – У нас что, других актеров нет?» Помню, на обсуждении Степанова кручинилась: «Он маленький, неказистый, некрасивый». Рядом со мной сидел Натан Эйдельман. Он шепнул: «Она бы хотела, чтоб Пушкина сыграл Данте». Пушкин, кстати, ростом был ниже Быкова... Позже Ефремов все же выпустил спектакль, сам сыграл в нем Пушкина. Упрямый и верный был человек. Четыре года положил. Георгий Александрович Товстоногов – гениальный режиссер, но я убежден, что «Римская комедия» была вершиной его творчества. Ничего подобного в своей жизни я не видел. Забыть это чудо невозможно. Я говорю это, абстрагируясь от того, что я – автор. Это была гениальная постановка великого режиссера. Она, как и «Гости», прошла всего один раз. Но ленинградские театралы в конце 60-х делились на тех, кто видел, и тех, кто не видел «Римскую комедию». А Рубен Симонов, попавший на единственный публичный просмотр спектакля, и вовсе заявил, что погибнет, не поставив свою версию в Москве. И уже через семь месяцев на сцене

Театра Вахтангова состоялась премьера новой «Римской комедии» с Юлией Борисовой и Михаилом Ульяновым в главных ролях. Но в памяти многих советских театралов все равно оставалась так и не вошедшая в репертуар БДТ постановка. Через много лет после запрета он написал мне в письме, что рана не заастет никогда. Он до «Римской комедии» и после «Римской комедии» – это разные люди.

– Что же могло так смутить в этой пьесе, действие которой происходит в Риме в конце I века?

– Политические аллюзии. В ней разглядели прямую сатиру на хрущевскую эпоху. Цензура не дремала.

– Сейчас часто можно прочитать рассуждения о необходимости вернуть цензуру. Как вы относитесь к подобным высказываниям?

– Цензура – это невероятная удавка на шее. Лучшие, самые продуктивные мои годы пришлись на цензурный мрак. Я очень завидую молодым людям, которые не знали этого. Им трудно представить, что могли зачеркнуть слово «смеркается». Потому что слово это грустное, пессимистическое, ненужное. Это невозможно объяснить нормально-

Единственный случай – это как раз в «Покровских воротах». Между мной и Костиком нет зазора. А потому я согласился с его выбором артиста на роль Костики, только когда он нашел Олега Меньшикова. Минуты хватило, чтобы понять: он именно тот, о ком мечталось! Он был еще вчерашним студентом и словно излучал праздничный юмор весеннего возраста, но вместе с тем в нем легко угадывался острый, независимый ум.

– Наверное, «Покровские ворота» – ваша любимая вещь?

– Мне эта пьеса очень дорога, но, на мой взгляд, как литература «Медная бабушка» и «Римская комедия» намного выше. И еще большую роль в моей жизни сыграл «Пропавший сюжет».

– Пожалуй, по степени популярности и любви у зрителей с «Покровскими воротами» может сравняться лишь ваша «Варшавская мелодия». Ее ставили все театры. И до сих пор ее появление на афишах гарантирует аншлаги. У нее, как у «Покровских ворот», не было реальных прототипов?

– Нет. Конечно, такую конкретную историю я не знал. Таких историй было миллион. Но, естественно, любое про-

«Время – это элемент эстетики, в нем заключено свое эстетическое содержание. Наше время нервное, быстрое, истерическое в значительной степени. И сейчас, конечно, как мне кажется, читать длинные эпические произведения сложно».

му человеку. После «Гостей» мне вообще ни одной пьесы не удалось написать, чтобы она спокойно вышла.

– Даже любимые народом «Покровские ворота»?

– Эта вещь сугубо автобиографичная. Все ее персонажи имеют своих прототипов. В основе – история моей молодости в Москве, куда я перебрался из Баку. Единственный присочиненный персонаж – моя тетка, которой у меня в столице не было. Ею я заменил старушку, у которой снимал комнату в густонаселенной коммунальной квартире на Петровском бульваре. Ну и чтобы хоть немного закамуфлировать эту историю (в то время, когда я писал ее, многие прототипы были еще живы), я перенес действие в коммуналку у Покровских ворот. Так что писать эту пьесу мне было очень приятно, но немного грустно, потому что мне исполнилось 50 лет и яnostальгировал по своей юности. С режиссером этой картины Михаилом Козаковым мы были друзьями. Миша – один из тех редких режиссеров, которые чрезвычайно тонко чувствуют текст и прекрасно ощущают каждое слово. Эта пьеса стала его режиссерским дебютом в Театре на Малой Бронной. А потом он снял фильм по этой пьесе. Фильм пробивался к зрителю тоже непросто. К нему была масса претензий.

– Вы принимали участие в подборе актеров?

– Я никогда не влезаю в дела режиссеров. Считаю, что каждый должен заниматься своей профессией, а потому никогда не даю советов по подбору актеров. Никогда.

изведение рождается из личного опыта. Это банальная истина. Ничего нового я не открываю. Главное в этой пьесе – тема обреченности. Государство прошло катком по судьбам героев. Сломало им жизнь. Обреченнность чувства… Эта пуля била по зрительному залу. Каждый проектировал это на себя. Каждый в своей жизни кого-то любил, и у каждого было ощущение хрупкости счастливого мига. Миг пройдет – и это исчезнет. Всегда есть какой-то надсмотрщик. Неизвестно какой: сама ли держава или то устройство жизни, которое она создает. И это не даст этому мигу осуществиться. Очень хорошо сказал один писатель: чтобы написать что-то стоящее, надо настрадаться.

У пьес, как у детей, судьба бывает разной. Не все мои пьесы уцелели. Не каждая из них шла во всех театрах страны и еще в 16 странах. У «Варшавской мелодии» – счастливая судьба.

– Почему вы, столь успешный драматург, перешли к prose? Разлюбили театр?

– Дело не в этом. Это получилось естественно. Человек проходит разные этапы своей жизни. Драматургия – очень аскетический жанр. Она не должна быть болтливой, многогречивой. И проза, конечно, не должна быть болтливой, но, когда у вас есть желание высказаться, подумать, проанализировать, вы не можете обойтись короткими репликами. У драматурга много ограничений. Пьеса – жанр лаконичный. 60 страниц, и все. Если сильно

больше, она плохо смотрится. Я своим студентам всегда говорил, что писать надо лаконично, четко, овладеть искусством реплики, чтобы это не давило на людей. Нельзя задавливать текст. Это должны быть короткие реплики, но большой емкости. Надо многое в них вложить, только не за счет растекания по древу. А к исходу жизни меня тянет и порассуждать, и внести в ткань повествования всякие отступления. В повести можно остановиться, сделать передышку. Кроме того, в прозе может быть выражено личностное начало автора. В пьесе же вы обязаны раствориться в своих героях. И если из них «прет» автор, это очень нехорошо. А вот авторская проза вполне допустима, исповедальную прозу многие любят. И сам я к ней иногда склонен.

– Вы пишете «маленькие романы». Чем вас привлекает именно этот жанр?

– Время подсказывает свои размеры, свои форматы. Вообще, я считаю, что время – это элемент эстетики, в нем заключено свое эстетическое содержание. Наше время нервное, быстрое, истерическое в значительной степени. И сейчас, конечно, как мне кажется, читать длинные эпические произведения сложно. Хотя, возможно, в самом времени заключен свой трагический эпос. И он будет когда-нибудь отражен. Но когда его пишешь непосредственно сегодня, то входишь в его ритм. А ритм – это основа произведения. Это известно. И мне кажется, ритм сегодняшне-

го творческого отражения жизни – это ритм, который не может быть растянутым, основательным. Мне кажется, маленький роман, относительно лаконичный, лапидарный, больше отвечает духу сегодняшнего периода.

– Но в театр-то вы сейчас ходите?

– Весьма редко. Я работаю каждый день. Без выходных. С утра сажусь за письменный стол и пишу. Пишу только от руки, на обычных листах бумаги. Причем, прежде чем отдать рукопись для набора на компьютере, я ее несколько раз переписываю, вношу необходимые дополнения. А свои черновики не храню, ориентируясь на завет Пастернака: «Не надо заводить архива...» Вряд ли кто-нибудь будет изучать мои каракули. Когда начинаю писать новую вещь, она уже не отпускает меня. Могу встать и ночью, чтобы записать мелькнувшую мысль. Мне многое надо обдумать, а потому я берегу время. Его запас убывает стремительно. А сказано между тем не все.

– Что вы сейчас пишете?

– Готовлюсь написать повесть и делаю сценарий по своей повести «Юдифь». Двухсерийный фильм по ней хочет поставить режиссер Дмитрий Барщевский. Мы работали с ним вместе над «Тяжелым песком».

– Что вас сейчас больше всего радует?

– Встреча с талантом.

ОН ЖЕ ПАМЯТНИК!

АВТОР

ДЕНИС ТЕРЕНТЬЕВ

ФОТОГРАФИИ

ПАВЛА ГОЛОВКИНА

ПЕТЕРБУРГСКИЙ СКУЛЬПТОР ВЛАДИМИР ГОРЕВОЙ – ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ МОГИКАН КЛАССИЧЕСКОЙ МОНУМЕНТАЛИСТИКИ. ШУТКА ЛИ: ПОЛУЧИЛ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПРЕМИЮ РСФСР ЕЩЕ В 1978 ГОДУ, А ЧЕТЫРЕ ДЕСЯТКА ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ КРАСУЮТСЯ ОТ САН-РЕМО ДО КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ. ОН УКРАСИЛ ПЕТЕРБУРГ ПАВЛОМ I И АЛЕКСАНДРОМ НЕВСКИМ, АХМАТОВОЙ И ЗАХАРЖЕВСКИМ, БЕТАНКУРОМ И АЙВАЗОВСКИМ, УЧАСТВОВАЛ В СОЗДАНИИ ГРАНДИОЗНОЙ КОМПОЗИЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ЗАЩИТНИКАМ ЛЕНИНГРАДА, И В ВОССТАНОВЛЕНИИ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ В МОСКВЕ.

ВСВОИ 66 ЛЕТ ГОРЕВОЙ БОДР, ПОЛОН ТВОРЧЕСКИХ планов и скромен: в Интернете невозможно найти ни одного полноценного интервью с мастером. В единственном изданном фотоальбоме его произведений о нем лично не говорится ни слова, а фотографию размером со спичечный коробок как будто спрятали на предпоследней странице. Разумеется, издание альбома было осуществлено за счет средств самого Горевого.

Скульптор всегда однажды оказался в центре громкого скандала: в 2005 году к юбилею великого Петра Клодта он за собственный счет изготовил четырехметровый памятник коллеге и самовольно установил его в саду Академии художеств. По словам Горевого, ему надоели вечные разговоры о том, что творения Клодта привлекают в Петербург миллионы туристов, а город не потрудился даже мемориальной доски открыть в его честь. Сегодня скульптуру Горевого включают в фотоальбомы о городе на Неве.

– Владимир Эмильевич, вам часто говорили, что вы ничего не понимаете в искусстве?

– В старом вестерне «Великолепная семерка» у главного героя все время спрашивают, есть ли у него враги. А он отвечает: «Живых – нет». У меня та же картина. В лицо не говорят, но я вижу, что многие успешные чиновники и бизнесмены уверены, будто разбираются в искусстве, а также в спорте и политике. Редкое исключение – финн Юсси, отец моего друга. Я сделал с него небольшую скульптуру, сантиметров пятьдесят, и хотел понять, нравится она ему или нет. Он пять или шесть раз уходил от ответа: мол, ничего в скульптуре не понимаю. Я не унимался: «А как же вы согласились мне позировать? Как вы будете показывать произведение гостям? Вдруг я сделал чушь?» А он: «Мой сын навел о вас справки, а я ему верю».

– Как вам работалось в советские времена?

– Из меня никогда не пытались сделать идеологического бойца, но советское общество я долго воспринимал как данность. До определенного возраста я особо не задумывался, насколько плоха или хороша наша система. Потом читал Солженицына, слушал по радио вражеские голоса. Это был для меня период роста.

– Не мечтали обняться с кем-то из вождей?

– Мне что, обниматься не с кем? Вообще, близость с вождями чревата. Иван Грозный очень любил собор Василия Блаженного и спрашивал каких-нибудь приезжих зодчих, желающих прославиться: «Можете лучше?» – «Можем, батюшка». – «Выколоть им глазки». А Иван Грозный – это нежный щенок по сравнению со Сталиным.

– А если бы вам предложили сделать памятник какому-нибудь бандиту вроде Котовского?

– Котовского я бы сделал. Понятно, что он находится за пределами общепринятых законов морали. Но работа над любым памятником не зря начинается с изучения исторических материалов. Человек идет против течения в великой русской литературе, но обычные люди чаще живут в доставшейся им системе отношений. И если разобраться в поступках, то какой-нибудь критик на месте Ленина и Дзержинского вел бы себя много хуже.

– Скульптор в целом склонен оправдывать своих героев?

– Если взялся кого-то лепить, то герой уже чем-то нравился. Мне интересны люди, которые руководствовались не только личными интересами. Не хотелось бы называть имена, но я отказался делать памятники некоторым нашим современникам, которые мне антипатичны.

– Дзержинский, получается, в их число не входит?

– Дзержинского я делал с удовольствием. Для всех Железный Феликс – основатель советских спецслужб, а он ведь еще и железные дороги восстанавливал, и приюты для беспризорников организовывал. С этой точки зрения он вполне эффективный госслужащий.

«Я не люблю анонимные скульптуры рыбакам, скорнякам, водопроводчикам. По мне, на постаменте лучше смотрится человек с биографией».

– Что произошло с приоритетами в искусстве на сломе эпох?

– В советские времена в скульптуре господствовал реализм. Если взять мой околоток, это означало, что человек должен быть похож на человека, а не на обезьяну. Тогда была понятна система отсчета, а сейчас действует принцип «пусть цветут все цветы».

– Нет таможни – нет контрабандистов?

– Таможня осталась. Но нет списка разрешенных товаров. И пока идет говорильня, товар портится, купцы разоряются.

– Вы ощущаете наступление поп-культуры в вашем околотке?

– У меня ощущение, что сегодня требуется не красота, а неожиданность. Распятый Христос, даже если это Бенвентуто Челлини, уже не так интересен. Распятый Будда – это новый ход.

– Перестройка кажется вам блажью?

– Люди непосильными жертвами создавали эту империю, и нельзя было с такой легкостью относиться к их достиже-

ниям. Реформы – это продуманный комплекс мер. Чтобы от советской экономики перейти к капиталистической, нужны десятилетия, как это происходило в Китае: вначале один завод, потом один регион. Все примеры хромают, но пример Китая, где я был и в перестройку, и в прошлом году, это и есть ответ о степени вины Горбачева. Там по-другому люди выглядят, потому что они объединены общей задачей, а у нас многим до сих пор мешает Ленин в мавзолее.

– А вы партбилет сдали?

– Нет, хотя к ленинизму отношусь без пietета. Сегодня многие ругают советский строй за уравниловку, забывая, что определенная социальная справедливость существовала. Но любую идею можно испортить дуростью.

– Вас не раздражают разговоры про тяжелые времена?

– Никогда не было легких времен. Вы хоть раз слышали, чтобы глава государства сказал с трибуны: «Сограждане! Наступили легкие времена!» Бессмысленно спорить, когда жизнь была лучше – в советские времена или в постсоветские.

– А когда было лучше художнику?

– Настоящий художник чаще всего востребован при любом режиме. Я не стараюсь замылить вопрос общими фразами, поверьте! Большевики взрывали церкви, талибы – статуи чужих богов. Казалось бы, такое возможно только на фоне общего бескультурья. Но мы же знаем, что в сталинские годы в СССР творили Булгаков, Шолохов, Шостакович. О том времени правильнее судить по ним. Сейчас идеология потребления вывела на пик развития поп-культуру без ярких героев. Но если верить Марксу, все развивается по спирали. А значит, настоящее искусство еще будет востребовано.

– Зачем, по-вашему, сегодня нужна монументальная скульптура?

– Чтобы граждане чувствовали свою общность, что они народ, а не быдло. Правда, сегодня в моем жанре трудно стать заметной фигурой. Известность – не только профессиональный аспект, сколько политический. Например, не все выпускники физкультурного Института имени Лесгафта чемпионы, но есть критерии, определяющие уровень мастерства. Взял высоту или не взял. В искусстве нет точки отсчета. Поэтому демагогию часто принимают за наличие вкуса. Многие современные художники стали известны благодаря своей гражданской позиции. Например, такому был участником знаменитой выставки современного искусства в ДК Газа в 70-е годы. Та выставка действительно наделала шума, потому что власти не давали развиваться абстракционистам. С точки зрения борьбы за свои права это был прорыв. Другое дело, я присутствовал на той выставке и не увидел ничего интересного с философской или художественной точки зрения.

– Отношение в обществе к художнику часто мечется от одного полюса к другому: то он гений, то бездельник...

– Это часто говорит об уровне самого общества. Один мой коллега всегда представлялся как «художник-супрематист». Он учился в советские времена на художественном факультете у нас в академии, мечтал о всемирной славе. Никогда не забуду его дипломную работу под названием «Северный полюс-2»: половина холста в белом цвете, половина – в синем, а по середине маленькая юрта с красным флагом. Складывалось впечатление, что это накалякал пятиклассник. Однако идеологически тема была выбрана верно, поэтому работу одобрили, и она некоторое время висела в большом зале академического музея. Коллегу это вдохновило, и он начал искать пути донести свое искусство миру. Он с риском для жизни совершил побег с парохода, который по пути из Севастополя в Батуми дважды выходил в нейтральные воды. В Америке он сварив цепи с какими-то шестерenkами и называл это скульптурой. Не встретив понимания за океаном, он привез свое творчество в Париж, где я его и повстречал в одной коммуне художников. Поймите, я не против современного искусства, не против абстракций. Если разобраться, абстракция – это часть любого реалистического искусства. Когда художник пишет, например, рябь на воде, он создает атмосферу через абстрактное восприятие. Лес на картинах Шишкина – ничего более реалистичного нельзя и представить. Однако если взять отдельный фрагмент холста, где все иголки прописаны, – это чистая абстракция. Но нельзя забывать, что любому делу нужно учиться. Чтобы писать вашу статью, нужна грамотность, падежи, словосочетания. А чтобы стать абстракционистом, учиться не нужно. С классическими художниками они соотносятся как знахари с дипломированными врачами. Но некоторым помогают именно знахари.

– Современное искусство – что это? Прежде всего бизнес?

– Это прежде всего поп-искусство. Я однажды был в одной нью-йоркской галерее, где в тот момент проходила выставка

двух братьев-китайцев, которые рисуют пальцами, без кистей. Мне их работы напомнили фузу. Это когда при чистке палинты происходит случайное смешение красок, образующих серо-буро-малиновую кляксу. Судя по всему, стиль этих мастеров позволяет создавать огромное количество работ. При мне небольшую картину примерно 70 на 80 сантиметров продали за 11 тысяч долларов. Я спросил галерейщицу, как ей удается выручать такие деньги за подобную ахинею? Она ответила, что уже десять лет раскручивает этих художников... Дошло до того, что одно из течений в современном искусстве назвало себя «примитивистами». А весь смысл искусства в том, чтобы созданная мастером вещь не была примитивной.

– *Талант имеет право на все?*

– По крайней мере, на очень многое. Вот я, например, не люблю анонимные скульптуры рыбакам, скорнякам, водопроводчикам. По мне – на постаменте лучше смотрится человек с биографией. Но вот вижу фигуру грузчика, кото-

рой поставил в Антверпене великий Менье, – и любуюсь. Там все красиво, все по уму. На плече он несет крест, стоит мощно, в нем есть философское содержание. По сути, мастер сделал из обычного пролетария необыкновенно гармоничного Давида. Хотя в самой профессии грузчика ничего романтического нет.

о том, как Захаржевский вернул Николаю I сто тысяч рублей, которые сэкономил на благоустройстве. Еще одно интересное свидетельство нашел в архивах. Николай I гулял по Царскому Селу с садовником, который был обласкан царем и держался при нем достаточно свободно. Они обсуждали устройство регулярного сада как равные компетентные эксперты, когда садовник вдруг побледнел, подобрался и вытянулся в струнку. Николай поинтересовался, почему это парня так перекосило. «Захаржевский идет», – шепотом сообщил садовник. И хотя сегодня в городе Пушкине есть улица, названная его именем, в целом потомки обошлись с памятью Якова Васильевича крайне некрасиво. В 1939 году большевики взорвали в Пушкине собор Святой Екатерины, который возводился Константином Тоном при поддержке Захаржевского и в которой похоронили останки управляющего.

– *Остались еще люди, которых вы хотели бы увековечить?*

«У меня ощущение, что сегодня требуется не красота, а неожиданность. Распятый Христос, даже если это Бенвенуто Челлини, уже не так интересен. Распятый Будда – это новый ход».

ую поставил в Антверпене великий Менье, – и любуюсь. Там все красиво, все по уму. На плече он несет крест, стоит мощно, в нем есть философское содержание. По сути, мастер сделал из обычного пролетария необыкновенно гармоничного Давида. Хотя в самой профессии грузчика ничего романтического нет.

– *Учитывая, что в Петербурге до сих пор 19 монументальных памятников Ленину, может, и неплохо сделать шаг в сторону от культа личности?*

– Вопрос только, в какую сторону. Про грузчика Менье я уже говорил. Мне, например, непонятно, почему памятник Остапу Бендеру стоит на Итальянской улице перед Русским музеем, на фоне Пушкина и филармонии. И дело не в том, что лично я вижу в образе Бендера типаж кавказского уголовника. Он связан с Петербургом только как сын лейтенанта Шмидта, а местами его обитания были Одесса, Кавказ, Поволжье, Москва. Памятник Бендеру говорит о предпочтениях общества, и не важно, что де-юре он принадлежит ресторану. Сегодня все здесь дышит Бендером.

– *В истории с памятником Клодту вы ведь надеялись скорее на овации, чем на выговор?*

– Я нисколько не сожалею, что установил этот памятник. Грядущие поколения будут мне благодарны.

– *Кто из ваших героев больше всех запал в душу?*

– Из последних – Яков Захаржевский, безусловно. Героический офицер, лишившийся ноги в Лейпцигской битве, почти пятьдесят лет управлял Царским Селом, снискав множество наград от трех российских императоров. При нем в Царском Селе был устроен Лицейский сад, новое здание дворцовового госпиталя и много других объектов. Меня потрясла история

– Конечно. Например, художник-баталист Николай Верещагин, бесстрашный морской офицер, погибший в Цусимском сражении. Под него есть и прекрасное место рядом с моим Айвазовским в Кронштадте. В последнее время загорелся Николай Тесла. Предложил его дипломнику, а тот не справился. Возможно, сделаю его сам.

– *Кто-то готов заказать вам Теслу?*

– Не все работы делаются по заказу. Тесла как переменный ток, куда угодно может встать. За границей ему много памятников, в России нет ни одного. Это даже не человек с какими-то достижениями, он существует как явление природы.

– *А если бы предложили сделать Наполеона, Маннергейма или кого-то воевавшего с Россией?*

– В 1975 году я делал бюст Героя Соцтруда, уже забыл его фамилию. Он был интернированный немец, создал лесхоз-рекордсмен. Но в партию его так и не взяли, потому что подростком он вступил в гитлерюгенду. Когда началась перестройка, он вернулся в Германию, где ему выплатили пенсию за все проведенные в СССР годы и назначили экспертом по приемке древесины из Союза. Вот вам история из серии «Они сражались за Родину», свидетельствующая о том, что в мире живут люди, которых нельзя просто поделить на красных и белых. Людей связывают куда более сложные взаимоотношения и судьбы.

– *Вы гордитесь военными победами, к которым приложил усилия и ваш отец, прошедший четыре войны?*

– Моя сопричастность этим викториям очень сомнительная. «Наши деды – славные победы» – это не мое. Часто наблюдаю, что люди гордятся национальностью. Это страшно. Предмет гордости должен быть вне этой темы. ☩

ИМЕНИТЕЙШИЙ ГРАЖДАНИН ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

АВТОР

ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ

В ТРУДАХ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА ЗАРОЖДАЕТСЯ КОНСЕРВАТИВНАЯ МЫСЛЬ РОССИИ. С ЕГО ПОДАЧИ СОДЕРЖАНИЕ КОНСЕРВАТИВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СТРАНЕ ОПРЕДЕЛЯЛА НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ, СИНТЕЗИРУЮЩАЯ ПАТРИОТИЗМ С УВАЖЕНИЕМ К ТРАДИЦИЯМ, ОБЫЧАЯМ, ЦЕННОСТЯМ И ИДЕАЛАМ РУССКОГО НАРОДА.

В СТАТЬЕ «О ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ И народной гордости» Карамзин писал: «Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения – и потому не все люди имеют его. <...> Я не смею думать, чтобы у нас в России было не много патриотов; но мне кажется, что мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, – а смижение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут». Но патриотизм Карамзина не переходит в национализм, не служит основанием для водружения России на пьедестал беспорочного величия. Хорошо известна его фраза: «Если бы отвечать одним словом на вопрос: что делается в России, то пришлось бы сказать: крадут». В «Истории» он не скрывал неприглядных черт в характере россиян, когда описывал праздность, пристрастие к крепким напиткам, распутство и корыстолюбие, жестокость и «окаменение сердец». В правдивом изображении событий и нравов и состоит долг патриота.

Поднятая Карамзиным тема «Россия – Европа» тоже оказалась в центре внимания всей последующей социально-политической дискуссии. Он понимал, что Европа опередила нас в развитии. Но она – не единственный свет в окошке. Он уверен, России по плечу догнать европейцев: «Немцы, Французы, Англичане были впереди Русских

по крайней мере шестью веками: Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их». К тому же история Запада дает Карамзину немало оснований для упреков, на фоне которых российская выглядит совсем неплохо. Он был уверен: «Иностранные глубокомысленные политики, говоря о России, знают все, кроме России». Но при этом нередко стремятся поучать, что Карамзину представлялось излишним. Не отделяя Россию от европейской цивилизации, Карамзин отводил ей особое место: если европейские народы в своем развитии шли приблизительно общим путем, то россияне – своим собственным, причем более трудным. Россия, по мысли Карамзина, не Восток и не Запад, а самобытная цивилизация, впитавшая наследие множества великих культур.

Главную цель государственной власти Карамзин видел в «счастии гражданина», «счастии народном». Народ, как главный носитель национальных традиций, является гарантом этой власти. Он предстает в единстве национального духа, а правители – его носители, воплощающие лучшие черты национального характера. Причем значение государственного деятеля определяется степенью его связи с народом, и только в ситуации «народ плюс власть» силы государства удается реализовать в полном объеме.

Одна из глав девятого тома «Истории государства Российского» названа «Любовь россиян к само-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

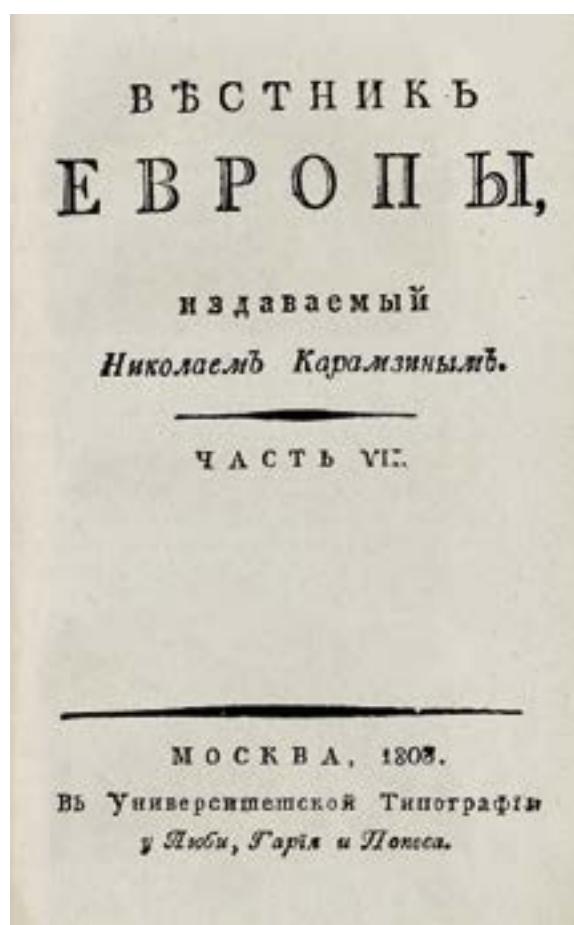
державию». Именно это представляется Карамзину главным доводом в пользу российского самодержавия, так как русский народ даже в годы тирании понимал спасительность монархии для России. В вере российских подданных в самодержавное правление Карамзин усматривал главную « силу государственную ». Ну а истинное, «мудрое» самодержавие рисовалось ему как равнодействующая и созидающая сила, подчиняющая интересам государства аристократию и олигархию, противостоящая центробежным тенденциям и анархии. « Нет, оставим мурзования ученические и скажем, что наш Государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблениях власти: да царствует добродетельно! – доказывал Карамзин. – Да приучит подданных ко благу! »

Главное – не степень индивидуальной свободы, а то, что такие качества русских людей, как идеализм, духовность, стихийный аполитизм, почитание верховной власти, мессианство, органически вырастают из особенностей истории народа. Их «природный» характер сводит на нет все критические эскапады недоброжелателей России.

Карамзина можно назвать одним из первых авторов легитимной модели российской государственности. Он обосновывал законность монархической власти не только на фундаменте русского права, но и на основе самобытных, естественно-исторических начал. По его убежде-

Николай
Михайлович
Карамзин
(1766–1826).
Художник
Ж.Б. Дамон-
Ортолани,
1805 год

нию, преимущество монархии перед республикой заключается не только в том, что «единая, нераздельная, державная воля может блюсти порядок и согласие», но и в том, что монархическое правление «не требует от граждан чрезвычайностей и может возвышаться на той степени нравственности, на которой республики падают». И если в «Письмах русского путешественника» Карамзин весьма сочувственно отзывался о нравах жителей швейцарских кантонов, то в «Вестнике Европы» он писал уже о «моральном падении Гельвеции», разгуле «личных страстей, злобного и безумного эгоизма», господстве «торгового духа». Тем, что Карамзин считал самодержавие наиболее органичной для России формой правления, он отталкивал многих современников. Историк и публицист Александр Кизеветтер был убежден, что Карамзин писал «Историю» лишь для того, чтобы «придать внешний блеск и оживление тому, что дряхлело». Это не так. Карамзин доказывал выгоды абсолютной власти не для утверждения существовавшего самодержавия с его недостатками, а для укоренения в сознании русских людей идеи монархической власти как подлинно самобытного русского начала, предопределившего величественное развитие России. Для Карамзина самодержавие являлось синонимом независимости и могущества государства. А государственные нравы он считал гораздо более важными, чем государственные институты. В этом

он явно идет вразрез и с настроениями либеральных кругов того времени, и с политикой Российской власти. Он не видел большого смысла в активном новом законотворчестве. Зато считал совершенно необходимым исполнение законов и монарший контроль над судом. Как главные средства борьбы с коррупцией.

Столпы Российской власти для Карамзина – дворянство и православная церковь. Как дворянин и землевладелец, он не мог не задумываться над проблемами крестьянства и крепостничества. Отмену последнего он считал вредной идеей, а решение вопроса видел прежде всего в великодушии просвещенных помещиков: «Главное право русского дворянина – быть помещиком, главная должность его – быть добрым помещиком; кто исполняет ее, тот служит отечеству как верный сын, тот служит монарху как верный подданный <...>»

Николай Михайлович Карамзин выводил из русской истории такие рецепты властевования, которые можно признать актуальными для всякого времени. Попробуем суммировать их. Целостность страны – главный приоритет власти. «Безопасность собственная есть высший закон в политике».

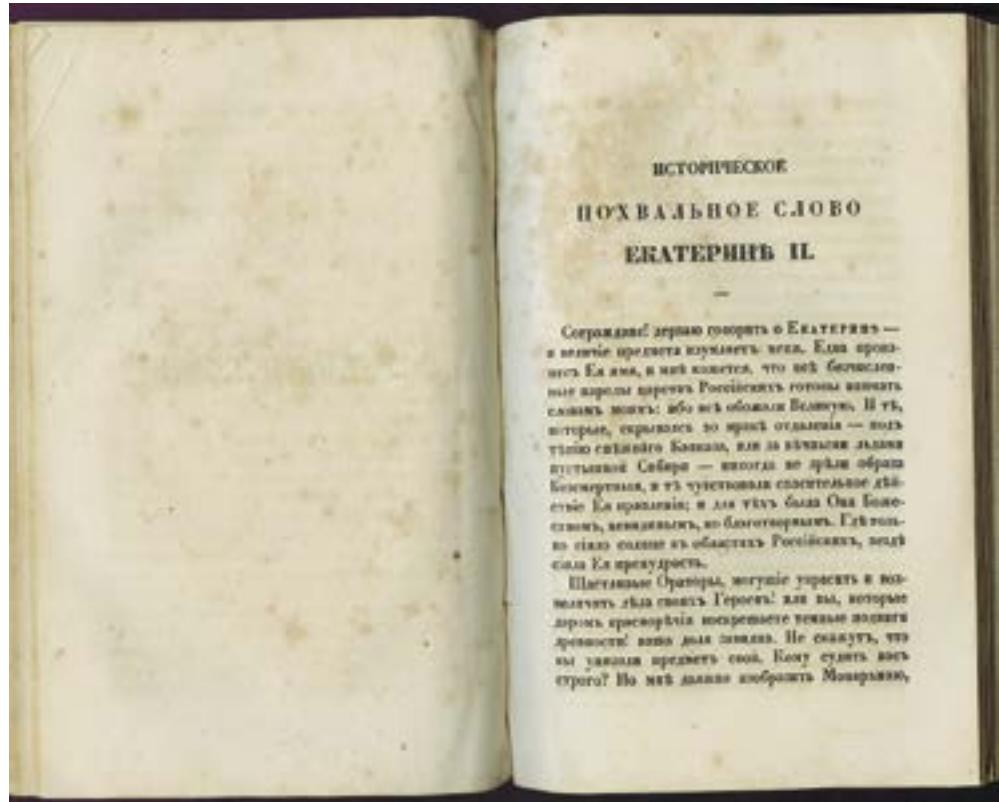
Необходимо понимать, какой страной ты правишь. «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан».

Пишите законы на мраморе. Екатерина II – лучший пример. «<...> Самое пламенное желание осчастливить народ может родить бедствия, если оно не следует правилам осторожного благоразумия <...> Она беспрерывными шагами шла к своему великому предмету, писала уставы на мраморе неизгладимыми буквами, творила вовремя и потому для вечности <...>».

Опасайтесь нововведений. «Всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надобно прибегать только в необходимости <...>».

Не узурпируйте власть и не следуйте собственным прихотям. «Самое вышнее искусство Монарха состоит в том, чтобы знать, в каких случаях должно употребить власть свою: ибо благополучие Самодержавия есть отчасти краткое и снисходительное правление».

Используйте стимулы, прежде всего нематериальные. «Здесь напомним две аксиомы: 1) за деньги не делается ничего великого; 2) изобилие располагает

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

человека к праздной неге, противной всему величому».

Важны и кнут, и пряник. «Мало ангелов на свете, не так много и злодеев, гораздо более смеси, то есть добрых и худых вместе».

Не теряйте времени. Фактор внезапности всегда важен. «В случае государственных чрезвычайных опасностей и жертв, главное правило есть действовать стремительно, не давать людям образумиться, не отступать в мерах, не раздумывать».

Проявляйте осмотрительность, берегите себя. Слова, которыми выразил эту мысль Карамзин, запомнил Пушкин, поставивший их эпиграфом к своей статье «Александр Радищев»: «Честному человеку не должно подвергать себя виселице».

В 1811 году Карамзин удостоился чести читать Александру I избранные листы из своей «Истории». Тогда же он представил ему записку «О древней и новой России». Как несложно заметить, Николай Михайлович отзывался критически о некоторых предках Александра I, как, впрочем, и о нем самом.

Записка была рассчитана на одного читателя – императора, которому Карамзин сказал, что правление его не принесло обещанного блага России, но еще более укоренило зло, породив безнаказанность казнокрадов. Погодин назвал ее «важнейшим государственным сочинением, стоявшим «политического завещания Ришелье». Записка произведет большое впечатление и на Пушкина, который прочтет ее в конце 1830-х годов. «Карамзин написал свои мысли о Древней и Новой России, со всею искренностию прекрасной

души, со всею смелостию убеждения сильного и глубокого. <...> Когда-нибудь потомство оценит <...> благородство патриота». А вот у Александра I записка, понятное дело, вызвала раздражение. Впрочем, вскоре все обиды померкли перед большой общей бедой.

1812 год – Отечественная война. Карамзин намеревался идти в ополчение. Он отправил семью в Ярославль, вручив супруге «лучший и полный» экземпляр готовых томов «Истории государства Российского». Из Москвы он спасается за несколько часов до вступления в город войск Наполеона. А вот его знаменитая библиотека сгорает в огне не менее знаменитого пожара. В разрушенную Москву Карамзин вернется в августе 1813-го.

Лишь к 1815 году, когда он уже заканчивал работу над первыми томами «Истории», император простил официального историографа. В феврале 1816 года Карамзин приехал в Петербург, где провел два очень непростых месяца, добиваясь аудиенции у императора и разрешения на публикацию «Истории». Из его писем к супруге в Москву можно понять, что он тогда переживал: надежду, неуверенность в успехе предприятия, постоянные отсрочки приема, унижаемое достоинство... Но все закончилось благополучно. После череды приемов и чтений «Истории» в императорской семье состоялась беседа с Александром I, за которой последовали исключительные знаки отличия. Карамзин сделан статским советником, получил орден Анны 1-й степени, а также 60 тысяч рублей на издание «Истории».

В начале 1818 года вышли первые восемь томов «Истории государства Российского». На суд общественности был представлен многолетний труд, прославивший Карамзина не только как историка, но и как писателя. Трехтысячный тираж разошелся менее чем за месяц. «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную», – писал Александр Пушкин. Сам он, в то время болевший, читал «Историю» «в постели с жаждостью и вниманием». Откуда же тогда его известная эпиграмма на Карамзина: «В его «Истории» изящность, простота // Доказывают нам, без всякого пристрастья, // Необходимость самовластья // И прелести кнута»? Или запись одной из бесед с Николаем Михайловичем, во время которой Пушкин упрекал историка почти в тех же выражениях: «Однажды начал он при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспаривая его, я сказал: Итак, вы рабство предпочитаете свободе. Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души». У Карамзина были причины обидеться: он нигде не писал о прелестях кнута. У Карамзина и Пушкина был двухлетний (1818–1820) период охлаждения отношений. Кто-то склонен объяснить его ухаживанием Пушкина за супругой Карамзина, которая была на восемнадцать лет старше юного поэта. Полагаю, гораздо большее значение имели обнаружившиеся в те-

годы политические разногласия. Для Пушкина это было время максимального увлечения революционными идеями, общения с будущими декабристами, оды «Вольность». Александр Сергеевич не появлялся у Карамзиних два года. Но в 1820 году над поэтом сгустились тучи. За вольнодумные стихи ему грозили Соловки. Тут Пушкин и бросился к Карамзину. Николай Михайлович взялся похлопотать у императора, добавив в письме Ивану Дмитриеву: «Мне уже поздно учиться сердцу человеческому: иначе я мог бы похвальиться новым удостоверением, что либерализм наших молодых людей совсем не есть геройство или великодушие». Позже Карамзин напишет князю Вяземскому: «Пушкин, быв несколько дней

**«Патриотизм есть любовь
ко благу и славе отечества
и желание способствовать
им во всех отношениях.
Он требует рассуждения –
и потому не все люди имеют его.
<...> Я не смею думать, чтобы
у нас в России было не много
патриотов; но мне кажется,
что мы излишне смиренны
в мыслях о народном своем
достоинстве, – а смижение
в политике вредно. Кто самого
себя не уважает, того,
без сомнения, и другие уважать
не будут».**

совсем не в пийтическом страхе от своих стихов на свободу и нескольких эпиграмм, дал мне слово унаться и благополучно поехал в Крым месяцев на пять. <...> Долго описывать подробности; но если Пушкин и теперь не исправится, то будет чертом еще до отбытия своего в ад». С того момента как Пушкин отбыл в поездку, о Карамзине он не напишет ни одного дурного слова. Более того, будет защищать его от нападок писателя и критика Николая Полевого, который предлагал не искать в «Истории государства Российской» «высшего взгляда на события» и противопоставил ей собственную «Историю русского народа». «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец, – напишет в ответ Пушкин. – Свою кри-

Н.М. Карамзин.
«История
государства
Российского».
Титульный лист
первого тома.
Первое издание

и Вашему отцу... Государь, я презираю скоростпелых либералистов, я люблю лишь ту свободу, которой никакой тиран не в силах у меня отнять... Я не нуждаюсь более в Вашем благоволении. Может быть, мы говорим с Вами в последний раз». Но разговор был не последним, о чем известно из «Нового прибавления» к записке для потомства, сделанного в 1825 году. Карамзин переживет Александра I. «Я ошибся: благоволение Александра ко мне не изменилось, и в течение шести лет (от 1819 до 1825 года) мы имели с Ним несколько подобных бесед о разных важных предметах. Я всегда был чистосердечен, Он всегда терпелив, кроток, любезен неизъяснимо <...> В последней моей беседе с Ним, 28 Августа, от 8 до 11,5 часов вечера, я сказал Ему

**«Державы, подобно людям,
имеют определенный свой срок:
так мыслит Философия, так
вещает История. Благоразумная
система в жизни продолжает
век человечества; благоразумная
система Государственная
продолжает век Государств.
Кто исчислит грядущие лета
России? Слыши пророков
близоконечного бедствия,
но, благодаря Всевышнего,
сердце мое им не верит;
вижу опасность, но еще
не вижу погибели».**

тикой он принадлежит истории, простодушием и апофегмами хронике. <...> Нравственные его размышления, своюю иноческою простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую прелест древней летописи».

В 1821 году вышел в свет девятый том, посвященный Ивану IV. «В Петербурге оттого такая пустота на улицах, что все углублены в царствование Иоанна Грозного», – констатировал декабрист Николай Лорер. Книга имела эффект разорвавшейся бомбы. Карамзин не пожалел темных красок и не поспутился на кровавые подробности. Удивлен был Рылеев: «Ну, Грозный! Ну, Карамзин! Не знаю, чему больше дивиться, тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тасита». Позже, во время следствия, некоторые декабристы сошлись на девятый том «Истории» как на источник их революционного вдохновения.

...После выхода первых томов «Истории» Карамзин стал чаще видеться с императором. Они подолгу разговаривали. В 1819 году он представил новую записку – «Мнение русского гражданина», где фактически упрекал Александра I в нарушении долга перед отечеством и народом, поскольку его действия начинают принимать черты «самовластного произвола». «Мнение» свое он зачитал императору лично. Как несложно догадаться, разговор вышел непростой. Вот что писал сам Карамзин: «Не хочу описывать всего разговора моего с Государем, но между прочим вот что я сказал Ему по-французски: «Государь, вы слишком самолюбивы... Я не боюсь ничего – мы все равны перед Богом. То, что я сказал Вам, я сказал бы

как пророк: «Государь, Ваши годы сочтены, Вы не можете более ничего откладывать и должны еще столько сделать, чтобы конец Вашего правления был достоин его прекрасного начала». <...> Я любил Его искренно и нежно, иногда негодовал, досадовал на Монарха и все любил человека, красоту человечества своим великодушием, милосердием, незлобием редким. Не боюсь встретиться с Ним на том свете, о котором мы так часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба веря Богу и добродетели». В 1824 году, когда вышли из печати десятый и одиннадцатый тома «Истории государства Российского», из которых Пушкин черпал материалы для своего «Годунова», император удостоил Карамзина чина действительного статского советника.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«ВИЖУ ОПАСНОСТЬ, НО ЕЩЕ НЕ ВИЖУ ПОГИБЕЛИ»

Восстание декабристов, последовавшее за кончиной Александра I, произвело на Карамзина тягостное впечатление. Об этом он писал Ивану Дмитриеву 19 декабря 1825 года. «Я был во Дворце с дочерьми, выходил и на Исаакиевскую площадь, видел ужасные лица, слышал ужасные слова, и камней пять-шесть упало к моим ногам. Новый Император показал неустрашимость и твердость. Первые два выстрела рассеяли безумцев с Полярною Звездою, Бестужевым, Рылеевым и достойными их клевретами. <...> Как скоро грянула первая пушка, Императрица Александра Федоровна упала на колени и подняла руки к небу. Она несколько раз от души говорила: «для чего я женщина в эту минуту!» Добротельная Имп. Мария повторяла: «что скажет Европа!» <...> В большой зале дворца толпа знали час от часу редела; однажды все было тихо и пристойно. Молодые женщины не изъявляли трусости. <...> В полночь я с тремя сыновьями ходил уже по тихим улицам, но в 11 часов утра, 15 Дек., видел еще толпы черни на Невск. Пролегли. Скоро все успокоилось, и войско отпустили на казармы. <...> Солдаты были только жертвою обмана. <...> Я только зритель, но устал душою: каково же Государю? Он умен, тверд, исполнен добрых намерений: призываю на Него благословение Божие.

Холодный день 14 (26) декабря 1825 года, проведенный на Сенатской площади, не прошел для Карамзина бесследно: он заболел воспалением легких. Доктора советовали ехать на лечение в Европу. Император Николай I предоставил для этого и транспорт, и средства. Но Карамзин был уже не в состоянии покинуть Петербург. Он работал

Остафьево.
Комната
Н.М. Карамзина
в главном
усадебном
доме – здесь
он работал
над «Историей
государства
Российского»

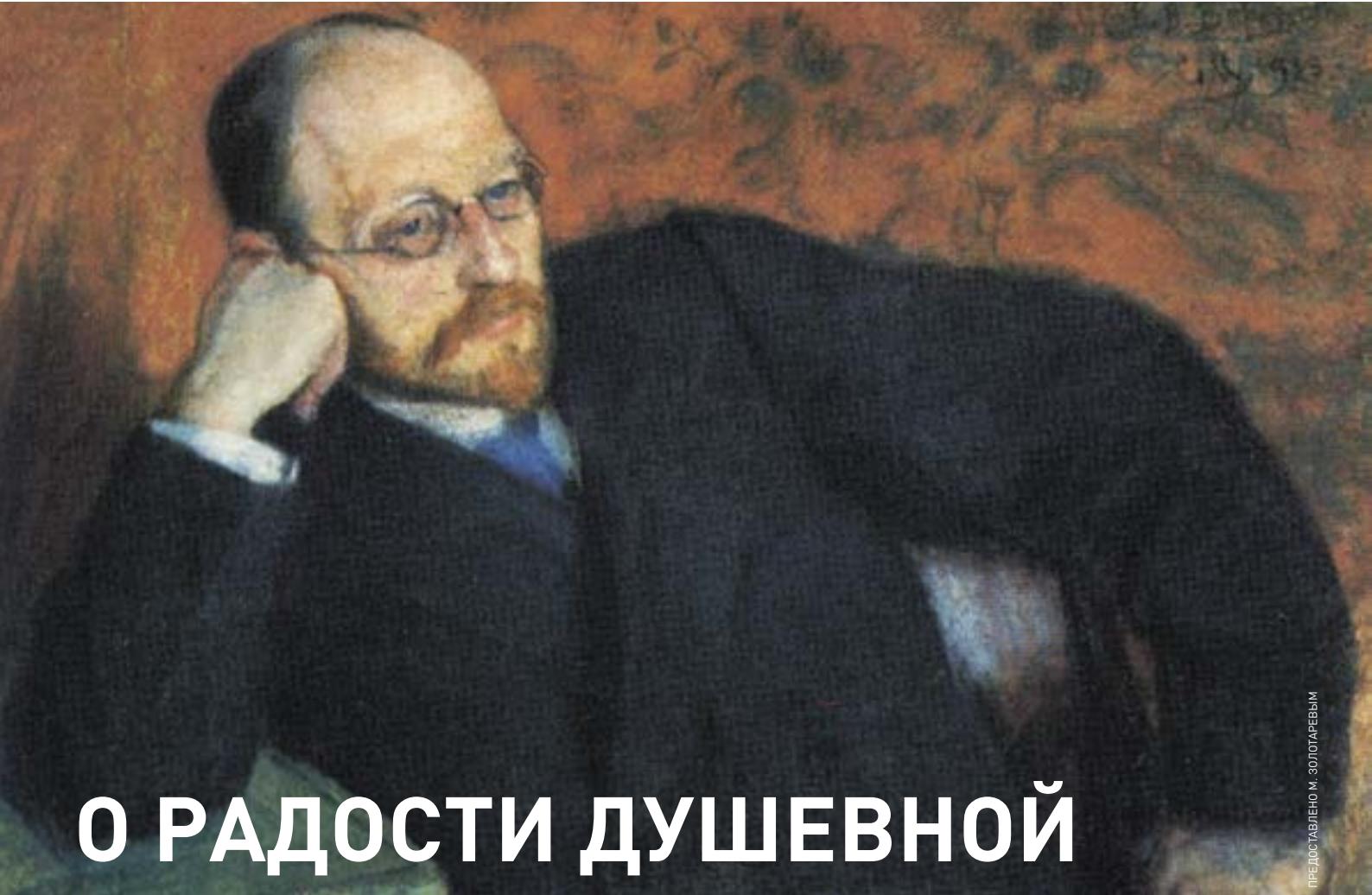
над «Историей», описывал Смуту и борьбу Минина и Пожарского с интервентами. Рукопись оборвалась на фразе: «Орешек не сдавался»...

22 мая (3 июня) 1826 года Карамзина не стало. Незадолго до кончины Карамзин написал «Мысли об истинной свободе» – очень четкое политическое завещание. «Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто из вас может похвальиться искренностию? Вы все Авгуры, и боитесь заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху. Аристократы, Сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод. <...>

Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить на верху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание.

Для существования нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божией. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к Провидению!» Карамзин – истинно великий гражданин России. Он видел ее величие. Но как историк и мыслитель, не мог не испытывать беспокойства, думая о ее будущем. Еще в «Письмах русского путешественника» он философски замечал: «Наблюдайте движения Природы; читайте историю народов; поезжайте в Сирию, в Египет, в Грецию – и скажите, чего ожидать не возможно? Все возвышается или упадает; народы земные подобны цветам весенним; <...> Одно утешает меня – то, что с падением народов не упадет весь род человеческий; одни уступают свое место другим – и если запустеет Европа, – то в средине Африки или в Канаде процветут новые политические общества, процветут науки, искусства, художества». К размышлению о будущем Карамзин вернется и в записке «О древней и новой России»: «Державы, подобно людям, имеют определенный свой срок: так мыслит Философия, так вещает История. Благоразумная система в жизни продолжает век человечества; благоразумная система Государственная продолжает век Государств. Кто исчислит грядущие лета России? Слыши пророков близко-конечного бедствия, но, благодаря Всевышнего, сердце мое им не верит; вижу опасность, но еще не вижу погибели».

Размеры современной России, границы которой гораздо ближе к ее пределам времен Ивана Грозного, нежели Александра I, не обрадовали бы Николая Михайловича. Но Россия жива. А многие идеи Карамзина сегодня больше, чем в прошлом, вдохновляют людей, которые считают себя государственниками, желают нашей стране могущества и процветания.

О РАДОСТИ ДУШЕВНОЙ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ВЕРЕСАЕВ БЫЛ НЕ ПИСАТЕЛЬ. ВРАЧ – ДА, МЕМУАРИСТ – ДА, ПОЛЕМИСТ, ПУБЛИЦИСТ, ИСТОРИК ЛИТЕРАТУРЫ, ПЕРЕВОДЧИК – ВСЕ ЭТО У НЕГО ВЫХОДИЛО ХОРОШО, Но ОН МЕДЛЕННО, ТРУДНО, СТАРАТЕЛЬНО ПИСАЛ ВТОРОРАЗРЯДНУЮ ПРОЗУ. ОН БЫЛ НЕ СТОЛЬКО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ПИСАТЕЛЕМ, СКОЛЬКО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ РУССКИМ ИНТЕЛЛИГЕНТОМ – ЕЕ ТИПИЧНЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ, ЕЕ ГЛАЗАМИ, ЕЕ ГОЛОСОМ.

ХХ века. Это его сверстники до исступления спорили за чашкой чая о судьбах родины, штудировали «Капитал» и со всем юным пылом несли в народ практическую пользу, знания, теории. Его поколение голодало, воевало, эмигрировало, тщетно пытались уберечь своих детей – пушечное мясо Первой мировой и Гражданской войн. Его поколение пережило красный террор, белый террор, сталинский террор и Вторую мировую. Он был одним из немногих, кому удалось пронести сквозь кошмары истории когда-то мучительно выстраданный и закаленный оптимизм. Он родился в интеллигентной тульской семье с польскими корнями и по рождению был Смидович. Отец был врач, мать открыла первый в Туле – и, возможно, один из первых в России – детский сад. Семью в городе уважали: отец насаждал в

ЕГО ПОРТРЕТОМ МОЖНО иллюстрировать словарные статьи о русской интеллигенции: очки, бородка, высокий лоб, переходящий в лысину, внимательные глаза, слегка поджатые губы. Он родился в 1867 году; что скажет дата рождения?

На семь лет моложе Чехова, на четыре – Федора Сологуба, на два – Мережковского. На год старше Горького, на два – Зинаиды Гиппиус, на три – Ленина, Бунина и Куприна, на пять – Деникина. Ровесник Бальмонта и патриарха Сергия. Это его поколение делало Россию начала

провинции представления о санитарии и гигиене, основал городскую больницу. Семья была дружная, многодетная – восемь детей, верующая и интеллигентная в том самом смысле идейного и бескорыстного служения, который издавна вкладывался в это понятие. Детей растили на классической литературе и внушали им христианскую этику. Викентий блестяще учился в тульской классической гимназии – всегда был первым учеником и больше всего любил ненавистные многим латынь и греческий. По складу ума это был чистый гуманист из тех, что потом идут в науку; писал стихи с 13–14 лет, переводил любимых античных авторов. И мучился вопросом о смысле жизни. Отцовская вера ответа ему не давала, и юноша, окончив гимназию с серебряной медалью, решил поступать в Петербургский университет на историко-филологический факультет, на отделение истории: молодые люди, которые ищут в книгах по истории ответы на свои последние вопросы, есть во все времена. Время было неспокойное – студенчество решало вопросы общественного устройства, собирало кружки самообразования, обсуждало политику и экономику, выбирало способы службы стране и народу и устраивало политические сходки, а то и бунты.

НА ПОВОРОТЕ

За примером служения юноше Смидовичу не надо было далеко ходить: все это он видел в своей семье. Молодой историк увлекался народничеством, зачитывался Михайловским и вопрос о том, что делать дальше, решил для себя однозначно: едва окончив исторический факультет в Петербурге, поехал в Дерпт и поступил на медицинский факультет тамошнего университета. Поступок был взрослым, осознанным, выношенным – но, конечно, идейных мотивов тут было больше, чем природной склонности к медицине. Медицина была не целью, а средством понять человека – для того, чтобы стать пи-

сателем. Шесть лет он учился в Дерпте, продолжая при этом писать стихи и прозу. В 1892 году он поехал на практику в Донбасс, на Юзовский рудник, где разразилась эпидемия холеры. Работать на холере для врачей было опасно не потому даже, что можно было заразиться, а потому, что народ по дремучести своей обвинял врачей в распространении холеры; личные наблюдения и горький опыт Вересаева получили отражение в его повести «Без дороги» – в ней молодой врач умирает, избитый теми самыми людьми, которых приехал лечить. Юношеские иллюзии, столкнувшись с реальной жизнью, потускнели. В рассказе «Товарищи», написанном в это же время, его герои уже не несут света знаний и пользы народу, а тихо тупеют в провинции. В дневнике он повторяет фразу: «Истина, истина, где же ты?»

В 1894 году он окончил Дерптский университет и отправился в Тулу, получив назначение на должность врача. Проработал всего несколько месяцев под руководством отца, но, обнаружив, что знаний его недостаточно для самостоятельной работы и испугавшись колossalной ответственности, которая ложилась на его плечи, уехал в Петербург. В дневнике он писал в это время: «Кончил я одним из лучших, а между тем с какими микроскопическими знаниями вступаю в жизнь! И каких невежественных знахарей выпускает университет под именем врачей!» В столице он поступил в Городскую баракную в память Боткина больницу на должность сверхштатного ординатора. Сверхштатные работали, как он сам пишет в «Записках врача», не за деньги – за опыт.

В Петербурге он вновь окунулся в стихию интеллигентского идейного бурления, которая и раньше, во время учебы в университете, увлекала его. Сейчас он стал взрослее, приобрел серьезный жизненный опыт и растерял юный пыл, с которым готовился служить народу. Народничество и в общественном сознании, и в сознании молодо-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В.В. Вересаев –
студент Санкт-
Петербургского
университета.
1885 год

Елизавета
Павловна
Смидович,
мать писателя

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Викентий Игнатьевич Смидович (1835–1894), известный врач и общественный деятель Тулы. Отец писателя

го врача уступало место марксизму, который, казалось, все толково объясняет и дает замечательную перспективу: вот куда следует идти!

Может быть, профессия врача наложила отпечаток на творчество Вересаева: названия его произведений словно ставят диагнозы его персонажам: «Без дороги» (герой не знает, куда идти) – «Поветрие» (молодая героиня «Без дороги» уверовала в марксизм и в этом рассказе объясняет свой идеальный выбор) – «На повороте» (герой находит в себе силы выйти из тупика и не покончить с собой). В его произведениях очень много говорят и очень мало действуют – не русская классическая проза, а какие-то сократические диалоги. Впрочем, и в самом деле, как и в древние времена, русская литература в конце XIX века была всем – и публицистикой, и социологией, и думской трибуной; литература решала задачи, которые ей вовсе не свойственны, толстые литературные журналы обсуждали вопросы социального устройства и развития. Произведения Вересаева оказались очень удобным материалом для такого обсуждения: в них не люди жили, аходящие общественные функции, типичные представители русской интеллигенции, на чьем примере было очень легко обсуждать ее заблуждения, озарения и мучения. И чем больше в прозе типичных интеллигентских диалогов, тем более острого современной и вос требованной была она тогда и тем невозможнее читать ее сейчас: острота проблем ушла, а художественные достоинства вересаевской прозы скромны. Помимо интеллигентских идеальных мук была у него и еще одна тема: ужасный народный быт. Благо собственных наблюдений тут у него было больше, чем хотелось бы.

Однако совершенно равен он своему таланту не в художественной прозе, пусть даже и той, где искренне рвется наружу его томление по истине и настоящей жизни, его ужас и тоска от зрелища окружающего его убожества повседневной народной жизни. Лучше всего ему удалось не это,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иллюстрация
к книге
В.В. Вересаева
«Записки
врача».
Художник –
П.Я. Карабченцов

а «Записки врача» – занесенные на бумагу страстные и откровенные размышления о профессии: об ограниченности медицинского знания, о тяжелом личном опыте, об ответственности, о медицинской этике. В книге среди прочего шла речь о необходимости считаться с нравственными чувствами пациента, о недопустимости опытов на живых людях – Вересаев приводит множество случаев, когда медики из исследовательского интереса, например, прививали своим пациентам сифилис. «Записки врача» имели мощный резонанс. Медицинское сообщество возмутилось тем, что молодой врач вынес на суд публики профессиональные вопросы, приоткрыл дверь над тайнами профессии – и, по сути, прокричал во всеуслышание: «Король-то голый!» Вересаеву пришлось даже оправдываться в специально написанной статье «По поводу «Записок врача». Ответ моим критикам». Все это время он помогал революционерам – «Союзу борьбы за освобождение рабочего клас-

са». Он устроил склад нелегальной литературы в больничной библиотеке, которой заведовал, предоставляя свою квартиру для сходок и печатания прокламаций... Кончилось это обыском, увольнением из больницы по предписанию градоначальника и высылкой на два года в Тулу с запрещением жить в столичных городах. Правда, формальным поводом для этого стало его участие в протесте против подавления студенческой демонстрации. К этому времени он уже открыто заявлял о себе как о марксисте (и потому разошелся с редакцией «Русского богатства», которая поначалу очень радушно его приняла). В Туле он оставался два года – на самом деле в это время много ездил: сначала в Европу, потом в Крым (где встретился с Чеховым), потом к Толстому в Ясную Поляну. Все это время он работал с местными социал-демократами, устраивал литературные вечера для сбора средств в их пользу и однажды даже написал прокламацию. Когда срок высылки прошел, Вересаев переселился в Москву, где примкнул к литературной группе «Среда». Кружок собирался у писателя Телешова, в него входили Бунин, Куприн, Скиталец, Горький, Чириков, Андреев и другие – те, кого вскоре объединяли сборники «Знание»; с Горьким и Андреевым подружился.

В ТУПИКЕ

В 1904 году с началом японской войны его как врача запаса призвали на службу. Удручающих впечатлений о хаосе, развале и бездарности руководства армией у него хватило на целый сборник «На японской войне», который даже не был полностью опубликован до 1928 года. Один из персонажей его, обычный русский солдат, задается вопросом, за что он воюет: «Ваше благородие! Вот в «Вестнике маньчжурской армии» пишут, что мы тут за веру воюем! За царя и отчество. Как это так? Веры нашей никто не трогает, царя не обижают. А отчество – китайское».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Революцию 1905 года Вересаев встретил радостно: слишком многое уже настало и настало. А теперь, казалось, повеяло свежим ветром. Убежденный марксист, уверенный в прекрасном будущем революционных рабочих (и даже пытавшийся изображать прогрессивный класс в своем творчестве), он писал теперь о зародившейся в России «светлой свободе». Впрочем, светлая свобода поманила и ушла, оставив общество в глухой тоске. Реакция закручивала гайки, в культуре стал силен модернизм; писатели заговорили о тоске, о смерти, о потустороннем. Вересаев пытался возразить: написал роман с программным названием «К жизни» – само собой, герой-интеллигент в нем сначала отвернулся от идеи революции, а потом пережил идеиный перелом и вернулся к ней. Роман получился еще более головной и сухой, чем прежние произведения, и Вересаев сам счел его неудачным; марксисты, которых он попытался изобразить как положительных героев, тоже не про-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Панорама Тулы.
Начало XX века

В ссылке
в Тульской
губернии.
1902 год

никлись, сочтя, что он слишком увлекся описанием переживаний ренегата. Как бы то ни было, переживания ренегата были в какой-то мере его собственными переживаниями. Идея революционного насилия больше не увлекала его: насилием счастья не добьешься. После этой неудачи Вересаев временно отошел и от художественной прозы: она не вмещала того, о чём

он думал и что хотел высказать. Следующая его книга, «Живая жизнь», – это, скорее, литературное, философское и этическое исследование творчества Достоевского и Толстого в первой части и Ницше – во второй. Аполлоническим и дionисийским тогда кто только не увлекался! Вересаев однозначно утверждает доброе, светлое, аполлоническое, толстовское начало в жизни в противовес темному, дionисийскому,льному, достоевскому.

В 1911 году Вересаев организовал «Книгоиздательство писателей в Москве», которое издавало авторов, входивших в кружок «Среда». Делами издательства он занимался вплоть до самой революции, положившей конец всякой частной инициативе в деле книгоиздания. Первая мировая вмешалась в его работу: врачи снова требовали на войну. Четыре года, с начала войны до революции, Вересаев возглавлял военно-санитарный отряд Московской железной дороги. Революцию, как писали советские литераторы, он принял

восторженно – в конце концов он был чуть ли не единственным последовательным марксистом среди известных русских писателей. Он стал председателем художественно-просветительской комиссии при Совете рабочих депутатов в Москве, однако уже в 1918 году переехал в Крым, где некоторое время удерживалась советская власть. Там он стал заведовать отделом литературы и искусства Феодосийского народа. Красная власть продержалась очень недолго, в Крым вступила Добровольческая армия; Вересаев поддерживал связь с большевистским подпольем, на даче у него даже проходила подпольная конференция большевиков. Белье, предупрежденные осведомителем, нагрянули на дачу; как Вересаеву удалось выкрутиться – решительно непонятно: газеты успели известить о его расстреле.

Уже тогда, в Крыму, он начал писать свой роман «В тупике», где та самая русская интеллигенция, о которой он писал еще в 1890-х годах, переживает новые потрясения и пытается понять, как жить. Роман получился не особенно удачным – может, потому, что сам художественный метод Вересаева, замешанный на классическом русском реализме, оказался неадекватен вызовам времени. Юрий Тынянов в своей рецензии («Литературное сегодня») очень коротко и четко обозначает главные проблемы романа: «Главные герои – члены одной семьи: отец – старый народоволец, дочь – коммунистка, племянник – коммунист, другая дочь – героиня, русская девушка; это дает возможность племяннику спасти от расстрела дядю, а дочери-коммунистке, которая думает, что отец расстрелян, добровольно отдаваться в руки врагов. Роман отличается необычайной интеллигентностью; при всем напряжении фантазии трудно представить, чтобы дело шло о современности, хотя все в этом смысле как будто обстоит благополучно (есть даже расстрел – впрочем, тоже очень интеллигентный), – вы все время чувствуете

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

себя в небольшом, уютном кузове идейного романа 90-х годов. Герои очень много говорят и любят плакать. Пример: «Иван Ильич рыдал. Долго рыдал. Потом поднял смоченное слезами лицо и ударил кулаком по столу. – Да! И все-таки... Все-таки, – верю в русский народ! Верю! [...] И будет прежний великий наш, великолужный народ, учитель наш в добре и правде!» Примеры, приводимые Тыняновым, убийственны: тут вам и «красавец-брюнет с огненными глазами», и «глубоко в глазах была просветленная печаль и серьезность... хорошая, bla-

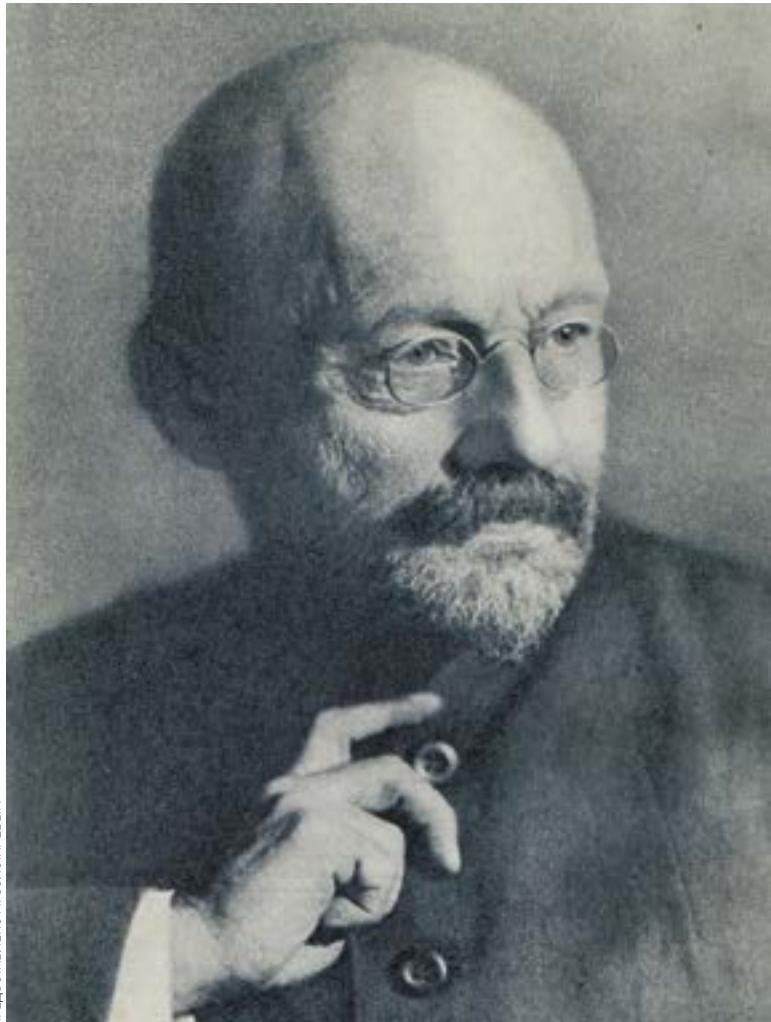
Фронтиспис
и титульный
лист книги
В.В. Вересаева
«Пушкин
в жизни».
Издательство
«Академия»,
1932 год

В.В. Вересаев
во время Русско-
японской войны
1904–1905 годов

гонамеренная русская проза 1890-х... Роман, в который было вложено столько труда и мысли, читатели не оценили, а критики обругали за идеиную вредность. Вересаев к этому времени уже вернулся в Москву и стал работать в литературной подсекции Государственного ученого совета Наркомпроса. Когда появился литературный журнал «Красная новь», редактировал в нем художественный отдел. Стал председателем Всероссийского союза писателей – кому, как не ему, старому революционеру и русскому интеллигенту, известному своей порядочностью, было его взглянуть. Собственно, у него все было для того, чтобы быть прекрасным писателем. Не было одного – художественной мозги. Поэтому ему так хорошо дается все невыдуманное, пережитое – и так безнадежно вянет его стиль при всякой попытке художественного обобщения, порождая ужасные «огненные глаза» и «души, наполняемые восторгом». «Я махнул рукою и занялся изучением Пушкина и писанием воспоминаний, – самое стариковское дело», – написал он Горькому в 1925 году. Ездил на юг, жил на даче в Коктебеле, расставил цветы, занимался Пушкиным – чего еще желать?

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В. В. Вересаев.
Начало 1930-х
годов

свидетельств современников, из которых складывается живой человеческий облик классиков. Литературоведение и переводы позволили ему пережить времена репрессий и даже принесли Сталинскую премию первой степени, присужденную ему в военном 1943 году.

В последние годы жизни он писал книгу, которую назвал для себя «Без плана» – литературные мемуары, воспоминания из жизни, дневниковые записи, философские рассуждения соседствуют в ней, складываясь в необычное произведение вне четких жанровых границ, но с твердым моральным посыпом: недостаточно переделать мир, надо еще переделать человека. Три первых года войны Вересаев провел в Грузии, работая над воспоминаниями; к вручению Сталинской премии вернулся в Москву. Выступал с антифашистской публицистикой. В 1943 году он написал свой последний рассказ, «Euthymia» («Эйтемия»), – такой же дидактический, как и все его художественное творчество, такой же сократически-диалогический, только вместо привычных интеллигентов-народников в нем действуют советский архитектор, смутный, тревожный, вечно чем-то недовольный, и его смертельно больная жена, в чьи уста старый Вересаев вкладывает свои заветные мысли: «Ясность духа, бесстрашные перед жизнью и перед страданьями – вот счастье!» И еще: «Знаешь, Леня, в смерти определенно есть какая-то скрытая радостность. И умирать, оказывается, очень интересно. Вдруг настолько становишься выше жизни! Я никак ничего этого не ожидала. Ой, как хорошо!»

И сам рассказ называется «Радостнодущие», и весь он – о том, какое это счастье – жить. Это он и оставил вместо завещания – выношенное, горячее убеждение в том, что можно научиться жить счастливым. Через два года он умер – вскоре после Победы, в цветущем и радостном июне 1945 года.

EUTHYMIA

И все же он не вполне отказался от писательства. Он пытался ответить сам себе: что это за общество возникает на руинах привычного ему мира, куда оно идет, что из этого получится? Его опыт не давал ему представления о том, чем живут люди в этом новом мире. Поэтому он устроился на калошную фабрику «Красный Богатырь» санитарным врачом, снял комнату в квартире рабочего и стал заниматься привычным делом, наблюдая жизнь новых людей, размыщляя над проблемами, которые мучили его молодых героев: новые отношения, новый быт, новая семья, брак – и привычная общечеловеческая этика. Полтора года, проведенных на фабрике, принесли свои плоды. Рассказы и роман «Сестры», написанные на фабричном материале, явно симпатизируют мо-

лодым героям... и остаются стилистически в прошлом веке... Может быть, он и сам это понимал – по крайней мере, художественной прозы почти не писал, кроме нескольких рассказов. Его сейчас увлекало другое: древние греки, любимые еще с гимназии. Переводы древних дали ему прекрасное дело и заработок во времена, когда художественное творчество само по себе стало почти невозможно и опасно. Вересаев заново перевел «Одиссею» и «Илиаду», всю Сафу, всего Архилоха, оставив немало эталонных, классических переводов. Другое его достижение – новый для России биографический жанр. Составленные Вересаевым «Пушкин в жизни» и «Гоголь в жизни» – произведения без авторского текста, хронологический монтаж из дневниковых записей, писем,

ПЕРЕМЕЛЕТСЯ – МУКА БУДЕТ

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

МЕЛЬНИЦЫ ДОЖДАЛИСЬ ВЕТРА ПЕРЕМЕН –
РОССИЯ ПЕРЕЖИВАЕТ БУМ РЕСТАВРАЦИИ
МУКОМОЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ.

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В нескольких областях страны, преимущественно северных, отреставрировано более десятка мельниц. Утратив полвека назад практическое назначение, мельницы сегодня возвращаются к жизни в культурно-исторической ипостаси. Как неотъемлемая черта крестьянского быта, чудо народной технической мысли или живописная

деталь национального пейзажа. Практически каждый этнографический музей страны ради полюбившейся в последние годы «интерактивности» либо установил на своей территории мельницу, либо мечтает об этом. Правда, по-настоящему смолоть муку для выпекания пирожков для туристов у музейщиков пока не выходит. Восстановить профессию мельника оказалось сложнее, чем мельницу.

В ОЖИДАНИИ «ЖАРЕНОГО ПЕТУХА»

В этом году Вологодская область, сто лет назад считавшаяся одним из самых богатых на мельницы регионов России (только вблизи Вологды крыльями врашали более 5 тысяч мельниц), едва не потеряла последнюю подлинную ветреницу («ветреница», «ветряк» – название ветряной мельницы. – Прим. ред.). Мельница в заброшенной деревне Борок Тотемского района, попавшая в список ценных объектов деревянного зодчества еще в 1979 году, ждала своего спасения более тридцати лет. Но не дождалась и рухнула. К счастью, обрушение произошло в грибной и ягодный сезон, иначе лежать бы мельнице месяцы и годы без внимания общественности: между деревней Борок и ближайшим населенным пунктом 8 километров. Лесная дорога, заросшая и заболоченная, умножает расстояние еще на пять – следы тракторных гусениц на ней не отпечатывались более десяти лет, чего не скажешь об отпечатках резиновых сапог грибников.

– Местные жители позвонили и сообщили, что мельница обрушилась, и, если мы не поторопимся, следующей весной найдем на ее месте груду гнилых бревен. Поиск средств на вывоз и консервацию мельницы занял несколько месяцев. К счастью, мы успели до снега. Особая ценность этой мельницы в отличной сохранности «начинки» – жернова, вал, зубчатое колесо, шестеренка будто вчера вырублены, – рассказывает заведующий реставрационно-строительным отделом Архитектурно-этнографического музея, расположенного в селе Семенково под Вологдой, Степан Анкудинов.

Мельница была построена в 1919 году. Известно, что в 1940-м ее перебрали и частично обновили. В послевоенные годы она кормила Борок и соседние деревни. В точности установить, когда мельница окончательно вышла на пенсию, не удалось – скорее всего, это произошло в 60-е или в начале 70-х годов прошлого века. Историки говорят, что продолжительность трудовой деятельности мельницы зависит от того, как долго добиралась цивилизация в тот или иной район страны. Известно, что в глухих деревнях Архангельской области водяные мельницы мололи муку вплоть до начала 80-х годов.

В 1979 году вблизи Вологды был создан Архитектурно-этнографический музей, и мельница попала в список кандидатов в экспонаты. Судя по фотографиям тех лет, борковская мельница уже тогда стояла без лопастей. Организовывать срочную спасательную операцию не стали: в те годы только в Тотемском районе насчитывалось более десятка заброшенных мельниц подобного типа. Сейчас – уже ни одной. Жизнь борковской мукомолки продлило запустение деревни, которое произошло в 90-е годы. Как известно, большинство бесхозных деревянных памятников гибнет по вине человека – от пожаров или хулиганства.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В конце 80-х годов сотрудники музея детально описали мельницу – составили чертежи и даже сосчитали бревна. Вывоз откладывался буквально с месяца на месяц, но с началом 90-х музей почти перестали финансировать. Бюджет не выживания, а развития появился в Семенково лишь спустя десять с лишним лет.

– В 2005 году мы были готовы к перевозке новых экспонатов, – рассказывает Степан Анкудинов. – Старались найти такие, которые бы разнообразили нашу экспозицию.

Заброшенная мельница в деревне Чирши, что в часе езды от Казани

Главный реставратор вологодского музея «Семенково» Степан Анкудинов: «Мельница – шедевр технической мысли»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Перевезли из деревень два необычных дома, несколько стариных амбаров. К мельнице подступались не раз, но не могли до нее дойти. И в прямом, и в переносном смысле. Она была как заколдованная. Когда музейщики оказывались в ближайшем к заброшенной деревне Борок населенном пункте, в дело вступала стихия. То невиданный снежный занос, то лиvenь со шквальным ветром... Осенью 2011 года мельницу в разобранном виде все же удалось перевезти в выстроенный специально для нее на территории музея ангар. Отличная сохранность механизма позволяет сделать мельницу действующей, и сотрудники рассчитывают, что уже в следующем году она будет вращать лопастями в сельскохозяйственном комплексе музея.

– Для нас это незаурядный экспонат, который иллюстрирует не только быт русского крестьянина, но и его техническую мысль, – говорит Степан Анкудинов. – Диву даешься, как люди, не имевшие образования и в глаза не видевшие чертежей, творили на стыке нескольких наук и топором рубили сложную механику. Внутренние детали ветряных мельниц делались примерно по одному типу, но территория имеет свои особенности, и мастерам приходилось включать смекалку и изобретать, что называется, на месте. Причем на глазок. Так наизобретали, что в случае повреждения хотя бы одного, самого маленького колесика или шестерни их сегодняшним образованным коллегам нелегко понять, как работала мельница.

Для Вологодской области были характерны три типа ветряных мельниц-столбянок – шатровая, на «реже» (конусообразный сруб) и на ножках. Борковская принадлежит к последнему. Два других в музее планируют рубить с нуля – по чертежам, фотографиям и лубочным картинкам.

МЕЛЬНИЧНОЕ ПОВЕТРИЕ

Истории спасения и утрат русских мельниц повсеместно практически одинаковы. Програв в неравном бою прогрессу, мельница несколько лет со скрипом вращает лопастями вхолостую, после чего теряет «крылья» и замолкает навсегда. Затем сооружение нередко растаскивается на дрова. Больше везет тем, за которые вступаются поселковые власти или местные краеведы. Некоторым мельницам удалось пережить перестройку и лихие 90-е и сохраниться до сегодняшнего реставрационного бума.

Крупные музейные комплексы не жалеют средств для возрождения к жизни особенно ценных экспонатов. Для того чтобы вернуть ветряной мельнице из карельской деревни

Водяная мельница в Кенозерском национальном парке неподалеку от Архангельска

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Сто лет назад на территории современной России крутились жернова более 200 тысяч мельниц. С Украиной, Белоруссией и Финляндией, входивших в состав Российской империи, их количество превышало 300 тысяч. Ветряки перерабатывали более половины урожая зерна империи. Отличительная особенность российских мельниц состояла в том, что практически все они были полностью деревянные, тогда как ветряные мельницы в Европе это в большинстве своем фундаментальные каменные сооружения, похожие на небольшие замки. В наше время больше всего ветряных мельниц сохранилось в Голландии (около тысячи). Среди них есть сооружения, возраст которых превышает четыреста лет.

Середка прежний вид, музей-заповедник «Кижи» закупил в Финляндии 23 тысячи штук дранки. В России ее не производят. А архангельский музей «Малые Корелы» для реставрации мельницы из деревни Колгачиха выписал молинолога (так называются специалисты по ветряным мельницам. – Прим. авт.) из Голландии. Эта страна считается главной мельничной державой мира, к тому же именно голландская традиция строительства мельниц прижилась в России. В Нидерландах, да и в других европейских странах, ветряные мельницы не только мололи зерно, но и пилили бревна, перекачивали воду, давили лен и даже делали бумагу. В Удмуртии в музее-заповеднике «Лудорвай» мельницу восстановили на средства областного бюджета, превратив в одну из главных достопримечательностей края.

Впрочем, радужная картина с мельницами царит далеко не wszędzie. Чаще повторяется вышеописанный вологодский вариант: о близкой гибели очередного памятника власти узнают из сигналов энтузиастов. Иногда они звонят не в администрацию, мэрию или музей, а во все

колокола. Например, студентка Университета Казани Мария Маркова, потратив немало времени на изучение заброшенной мельницы в деревне Чирши, что в часе езды от столицы Татарстана, защитила по этой теме дипломную работу. И буквально на следующее утро копии этой работы получили все муниципальные органы, способные помочь в возрождении мельницы. А в Кировской области историки-любители на собственные средства организовали экспедицию для «мельничной переписи». В результате разыскали и описали несколько уникальных мельниц, доживших до наших дней. Ветряных, водяных и даже остатки одной паровой (в селе Оричи умельцы заставили молоть зерно старый паровоз). Отчет экспедиции лег в основу проекта музея мельницы, который планируют открыть в Кировской области.

МЕЛЕТ КАК ЧАСЫ

В старицу ремесло возведения мельниц часто было семейным делом – секреты мельничных механизмов передавались от отца к сыну и тщательно хранились. Жертвами незнания их нередко становятся современные реставраторы с архитектурным

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

и инженерным образованием. Например, в Белоруссии реставраторы решили перенести мельницу из низины на пригорок, открытый всем ветрам. Операция отняла время и деньги. Но лопасти, вопреки ожиданиям, на новом месте врашивались гораздо медленнее. Выбор места – большое искусство. Как выяснилось, старые деревенские мастера лучше просчитали условия аэродинамики и, устанавливая более ста лет назад мельницу в низине, учли восходящие и нисходящие потоки воздуха. А в знаменитом новгородском этнографическом музее «Витославлицы» еще в 70-х годах XX века при переносе мельницы решили поступить просто и по-современному. Произвели замеры старых полустанчих деталей механизма мельницы и в точности воссоздали колесо и валы из свежих бревен. Привет из прошлого дал себя знать во время испытания механизма – неожиданно шестеренки стали крошить зубцы друг у друга, обломки летели в стены, пробивая их насквозь, и мельничный амбар очень скоро приобрел такой вид, словно его обстреляли. Установили старые детали – мельница заработала идеально.

Архангельский мастер Василий Харланов от звания одного из лучших российских молинологов откращивается, называя себя «обычным плотником». Отработав многие годы на рубке изб и бань под заказ, три года назад Василий Харланов в предпенсионном возрасте получил приглашение принять участие в реставрации водяной мельницы в Кенозерском национальном парке неподалеку от Архангельска. Вслед за первой мельницей в том же парке отреставрировали вторую, и снова с участием Харланова. Проявленные плотником мастерство и изобретательность воссияли мельницы, а самому Василию Васильевичу принесли всероссийскую славу, множество наград и место главного реставратора национального парка (дабы присматривал за «своими» мельницами). Придуманные Харлановым технологические решения особенностей памятников гидротехники были использованы во многих музеях России. Например, при воссоздании водяной мельницы на территории музея-заповедника А.С. Пушкина в Михайловском.

– Прежние мельницы мы воссоздавали почти из ничего – род-

ных деталей механизма было немного, необходимо было восполнить пробелы и воссоздать не только внешний облик, но и «начинку». Ведь мельницы должны работать, – рассказывает Василий Харланов. – В библиотеках наши специалисты почти ничего не нашли. Главное ведь не сам механизм – он более или

менее ясен и повторяется в других мельницах, – а соотношение деталей. Чтобы процесс пошел и крутящий момент был передан с колеса на жернова, все детали механизма должны быть идеально подогнаны друг к другу. Знаете, как в часах. Пришлось влезать в шкуру старых мастеров. Исходя из того, для какой деревни, большой или маленькой, строилась мельница, какой полноводности река здесь была раньше, я делал выводы, какой производительности могла быть мельница. А это диктовало и размеры конкретных деталей. Много полезного я почерпнул, беседуя с местными жителями. Все-таки до чего человеческая память хваткая: древний старишок вдруг в мелочах вспоминает, как мальчишкой лазал на мельницу, и рисует мне на клочке газетки, где какое колесо стояло. Муку на наших мельницах пока не мелем, хотя планируем. Есть опасение насчет мышей. В механизмах мельницы есть пустоты, и мука туда обязательно забьется, да так, что не выскоблишь. Мышей не избежать, а у нас музей и посетители. Хотя если уж решили воссоздавать этнографию до конца, то какая же мельница без мышей? ☺

додо

автор

МИХАИЛ БЫКОВ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА НЕ ТЕРПЕЛА СЛОВО «ПОЭТЕССА». ЕСТЬ НА СВЕТЕ ЗАНЯТИЯ, КОТОРЫЕ НЕСУТ В СЕБЕ НЕКОЕ ИЗНАЧАЛИЕ, СУЩНОСТЬ, МЕНЯТЬ КОТОРУЮ И УЖ ТЕМ БОЛЕЕ БОРОТЬСЯ С НЕЙ – ДЕЛО БЕССМЫСЛЕННОЕ.

Графиня
Евдокия Петровна
Ростопчина,
урожденная
Сушкича
(1812–1858).
Портрет
неизвестного
художника.
1830-е годы

С ОЛДАТ, КОСМОНАВТ, игрок, мать... Поэт... «М» и «Ж» тут абсолютно ни при чем. Солдатки, космонавтки, игрунки и поэтессы имеют место, разумеется. Как словообразования. Но не как сущности. И первый родивший мужчину, если таковой, упаси бог, все-таки появится, будет, по сути, матерью. И – никем

иным. Как бы его там потом ни прозвали.

Можно взглянуть на ситуацию и с другой стороны. Есть ли качественная разница в словах «поэт» и «поэтесса»? Не эту ли разницу имела в виду Марина Ивановна, когда столь требовательно относилась к определению собственного труда? Согласитесь, присутствует в слове «поэтесса» что-то искусственное,

мелкое, глупенькое, лишнее. Все то, чего истинная поэзия не приемлет по определению. Что так, что эдак, графиня Евдокия Петровна Ростопчина была поэтом. Без всяких натяжек и сантиментов. Правда, в хрестоматиях и биографиях ей частенько приписывают лишнее, называя одной из первых женщин-стихотворцев в России. Не по уровню дарования и влиянию на литературу, а по хронологии.

Одной из первых Евдокия Петровна, известная всему XIX веку как Додо, не была. Если о Додо Сушкивой-Ростопчиной сегодня еще помнят, то подавляющее большинство ее предшественниц и современниц вовсе забыты.

Варвара Анненкова, приходившаяся родственницей Лермонтовым. Анна Бунина, по воспоминаниям Анны Ахматовой – «тетка ее деда». Княгиня Зинаида Волконская, в России почти не жившая и искренне любимая римлянами до сих пор. Надежда Дурова, кавалерист-девица, поменявшая уланскую пику на перо литератора. Софья Закревская, Александра Зражевская, Анна Жукова – все они родились раньше, чем наша героиня, появившаяся на свет в январе 1812 года в семье действительного статского советника Петра Сушкича и его супруги Дарьи Ивановны (она была Пашковой) в басманной части Москвы. Кстати, если уж говорить о первой женщине-поэте, то, скорее всего, это будет Анна Сергеевна Жукова, урожденная Бутурлина. Известен год ее смерти – 1799-й. Но когда родилась и где – тайна. Впрочем, ее стихи, напечатанные в журнале «Иппокрена», говорят нам, что их автор все-таки – поэтесса. Не более.

На литературном поприще XIX века Додо Сушкива-Ростопчина не была женщиной-одиночкой. Авдотья Панаева, сестры Надежда и Софья Хвошинские, Юлия Жадовская, рожденные в первой трети столетия, равно как и перечисленные выше представительницы века осмынадцатого, писали с разной степенью

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

успеха. И даже печатались. Почему ж тогда именно Евдокия Петровна воспринимается как главная женская литературная фигура «золотого века» русской поэзии и прозы?

По рождению Евдокия не принадлежала к родовой русской аристократии. Но и к «захудалому дворянству» ее родителей отнести нельзя. Мать Дарья Ивановна умерла, когда Додо едва исполнилось 6 лет. Отец был занят по службе, и воспитанием

Великосветский салон. Акварель неизвестного художника.
1830-е годы

Дом Ростопчинах в Москве на Большой Лубянке

девочки занимались в доме родственников Пашковых. А двери пашковского особняка в Москве были открыты для самых знатных и ярких людей Первопрестольной. Мальчиком здесь часто бывал Мишель Лермонтов, учившийся в Благородном пансионе при Московском университете. Евдокии минуло 16, когда этот порог однажды переступил Александр Пушкин. К этому времени юная Сушкова получила отличное домаш-

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

нее образование, свободно читала на пяти языках и уже пять лет, как сочиняла сама. Ее стихи знали, хвалили, находя в них ясность изложения, легкость рифмы и самостоятельность чувств и мыслей. Способствовало первым успехам и то, что дядя Николай Васильевич Сушкин держал литературный салон в собственном особняке в Старопименовском переулке. Дом, к слову, сохранился до сих пор. Ростопчинские места в Москве – это отдельная тема. Додо в этом смысле повезло удивительно. Почти все адреса, связанные с ее именем в столице, можно найти и сегодня. Не только на карте, но и в «живом» виде. Понятно, что почти все перестроено, если не сказать – изуродовано. Но все-таки, все-таки...

На Новобасманной улице уцелел особняк Сушкиных, где Додо родилась, на той же улице, ближе к Красным Воротам, стоит храм Петра и Павла, где ее отпевали. В Потаповском переулке стоят остатки дома Пашкова, где Евдокия воспитывалась. На Большой Лубянке сохранился особняк Ростопчинах, родителей ее мужа – графа Андрея Федоровича. На Садовой-Кудринской стоит здание, купленное супругом для семейной жизни, известное в свое время богатой живописной галереей и библиотекой. Впрочем, Ростопчины во главе с отцом семейства графом Федором Васильевичем, знаменитым генерал-губернатором Москвы в 1812 году, появились в жизни Додо несколько позже, чем началась ее взрослая жизнь. Первая любовь – князь Александр Голицын, совсем мальчик. Брак намечался, но сорвался. И тогда среди ухажеров уже «вшедшей в возраст» девушки появился Андрей Ростопчин. И на сей раз события развивались непросто. С одной стороны, родовитый жених, наследующий гигантское состояние. С другой – репутация графа Андрея, коею он обзавелся в гвардейских кирасирах. Довольно сказать, что он вышел корнетом в полк, так и не окончив курс

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА Е.П. РОСТОПЧИНА

Пажеского корпуса. Один из современников писал в письме: «Дай Бог, чтоб были счастливы! От нее зависит: ей надобно держать его в руках».

Были ли они счастливы, станет ясно из дальнейших событий личной жизни Додо Ростопчиной. Но начиналось все довольно весело. Настроение не портили даже бесчисленные пересуды в московских салонах. Там откровенно говорили о том, что Ростопчин женился от обиды на опекунов, не позволивших ему жениться по любви на другой, а «маленькая м-ль Сушкова» дала согласие на брак исключительно по расчету.

После венчания в мае 1833 года молодые супруги некоторое время провели в провинции, в одном из имений графа. Но в 1836 году деревенский покой наскучил, и они отправились в Петербург. Там Додо уже ждали и, признаться, заждались.

Еще в 1831 году князь Петр Вяземский, вхожий к Сушковым, тайным образом позаимствовал из дневника Додо стихотворение «Талисман» и передал его в Петербург редактору альманаха «Северные цветы». Стихи напечатали, подписав условным псевдонимом. Дома Евдокию за это ругали, но дебют состоялся. И успешный!

В Петербурге графиня Евдокия сразу превратилась в светскую львицу. Балы, маскарады, приемы, литературные и музыкальные салоны – жизнь пошла кругом. Муж развлекался по собственному графику: карты, лошади и все остальное, что было свойственно отставному гвардейскому офицеру.

Удивительно, как Додо успевала писать стихи и вести серьезные разговоры в гостях у Жуковского, Вяземского, Соллогуба, Смирновой-Россет, Карамзина. Именно у Карамзина ее посетила большая любовь. «Предмет» – сын великого историка и литератора Андрей Николаевич. Взаимность оказалась полной. По столице поползли слухи. В определенном смысле Евдокии Петровне повезло с мужем.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

П.А. Федотов.
Портрет графини
Е.П. Ростопчиной.
1850 год

Ему, увлеченному мужскими забавами, оказалось глубоко все равно, как проводит время его жена. Если что и тревожило, так это досужие пересуды света. Поэтому в 1838 году рожать первого ребенка, дочь Ольгу, графиня отправилась в деревню. Вторая дочь, Лидия, появилась на свет при похожих обстоятельствах. Отцовство приписывали Карамзину. Но затем родился сын Виктор, и в данном случае в отцовстве Ростопчина сомневаться не приходилось.

В это время Додо много работала. Ее пьесы ставили в лучших театрах столицы. Пишутся повести, объединенные общим называнием «Очерки большого света». В 1841 году вышел из печати первый сборник стихов, написанных в 1829–1839 годах. Она последний раз видится с Лермонтовым, собирающимся воз-

вращаться после прерванного отпуска на Кавказ и мучимым дурным предчувствием.

Хвалят все, даже строгий Белинский. Еще в 1838 году он так реагирует на стихи Ростопчиной, опубликованные в «Современнике»: «Кроме двух произведений Пушкина можно заметить только одно, подписанное знакомыми публике буквами «Г-ня Е. Р-на». Лучшие композиторы, в частности Глинка и Даргомыжский, перекладывают ее стихи на музыку романса.

В жизни разменявшей четвертый десяток Ростопчиной все меньше светских интересов, все больше литературы. И совсем из этой жизни исчезает Андрей Карамзин. Видимо, сила любви самой Додо значительно превосходила интерес к ней со стороны Андрея Николаевича. Отношения зашли в тупик.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В 1846 году Карамзин поставил точку. Женился на известной красавице – вдове уральского магната Павла Демидова Авроре Карловне, урождённой баронессе Шернваль фон Валлен, и уехал управлять Тагильскими сталелитейными заводами. Он погибнет спустя восемь лет на Крымской (Восточной) войне, куда уйдет добровольцем в Дунайскую армию. Тогда Додо напишет: «Некому теперь разгадывать мои стихи и прозу».

Сами Ростопчины покинули Петербург в 1845-м. Обратной дороги в столицу после заграничного вояжа им не было. Император Николай I весьма нервно отреагировал на публикацию стихотворения «Насильный брак», углядев в нем критику на собственную внешнюю политику. Ростопчиной запретили въезд в Петербург, и муж решил осесть в Москве. Купил особняк на Садовой, куда перевез знаменитую коллекцию картин, собранную его отцом. Чем был хорош граф Андрей, так это тем, что не был склонен из-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

менять привычкам. Львиную долю времени занимал Английский клуб, карты и лошади. Евдокия Петровна устроила литературный салон. По субботам на втором этаже ростопчинского дома собирался литературно-театральный цвет Москвы. Бывали Тургенев, Гоголь, Толстой, Тютчев, Островский, Полонский, Погодин, Щепкин... Для всех этих людей она оставалась той Додо, что принима-

Усадьба Ростопчинах
Вороново
в Подольском
уезде.
Голландский
домик.
Архитектор
К.И. Бланк

Церковь
Петра и Павла на
Новобасманной
улице,
где отпевали
Е.П. Ростопчину.
Фотография
начала XX века

ла у себя в Петербурге на Дворцовой набережной Александра Сергеевича за день до роковой дуэли. Той Додо, которой спустя год после смерти Пушкина Жуковский передал перевязанный крепко-накрепко пакет. В нем пряталась последняя пушкинская тетрадь. Гений приготовил ее для новых, никогда так и не написанных стихов.

Но стихи самой Додо интересовали публику все меньше. И молодых коллег по литературному цеху – тоже. Уходили последние, влюбленные в «блестящий Александров век», старела на глазах казавшаяся вечной Николаевская эпоха.

Графиня реагировала без сантиментов. В письме Погодину она призналась, что хотела бы часик побыть Богом, чтобы вторым потопом утопить коммунистов, анархистов и злодеев. Чувствовала, чем обернется для России грядущая эпоха варваров, понимала, что принесут ей чернышевские.

Последние годы жизни Ростопчина проводила в основном в подмосковной усадьбе Вороново, верстах в 50 от Москвы по Старо-Калужской дороге. Многое, в частности храм, главный дом и чудный голландский домик, сохранились там доселе. В 1857 году обедавший с графиней врач по случаю поставил страшный диагноз – рак.

Графиня Евдокия Ростопчина скончалась в декабре 1858 года. Александр Дюма, путешествовавший по России в то время, получил от графини приглашение посетить ее в Москве. Он провел в гостях у Додо два часа и был поражен удивительно теплой энергией, которую излучала эта уже обреченная дама.

Брат Сушковой-Ростопчиной Сергей Петрович оставил такое описание юной Додо: «...черты правильные и тонкие, прекрасные и выразительные карие глаза, выражение лица чрезвычайно оживленное, подвижное, часто поэтически-вдохновенное, добродушное и приветливое...»

И видно, годы ничего не изменили. ☺

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ТРОЙКА — НЕ ПТИЦА

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН СТРАНСТВОВАТЬ ЛЮБИЛ. КТО-ТО ПОДСЧИТАЛ, ЧТО ПО КАЗЕННОЙ И ЧАСТНОЙ НАДОБНОСТИ ПОЭТ НАЕЗДИЛ ПО РОССИИ ПРИМЕРНО 34 ТЫСЯЧИ ВЕРСТ. ТО ЕСТЬ 40 ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ. ПО НЫНЕШНИМ ВРЕМЕНАМ ВРОДЕ НЕМНОГО. Но давайте прикинем: при средней скорости передвижения транспорта пушкинского времени около 10 верст в час Александр Сергеевич провел в дороге почти полгода. Это без обедов, ночевок, ожиданий на почтовых станциях и прочая. Полгода чистого времени в бричках, каретах, санях, кибитках, телегах...

В

1887 году историк русской литературы князь Павел Вяземский опубликовал в журнале «Русский архив» работу «Лермонтов и госпожа Гоммер де Гель в 1840 году». Сын князя Петра Вяземского, известного литератора и друга Пушкина, был уже в изрядном возрасте, пользовался авторитетом в научных кругах. Во многом по этой причине рассказ о романе Лермонтова с французской путешественницей и поэтикой приняли было всерьез. Однако очень быстро сошлись на том, что 67-летний князь запустил в печать остроумную мистификацию. Литературные ро-

Н.П. Грузинский.
На почтовых
зимой

Въезд
нидерландского
посольства
Кленка в Москву
в 1675 году.
Гравюра
в амстердамском
издании
1677 года
путешествия
Кленка

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

зыгрыши в России всегда были в моде, а уж на заре Серебряного века тем паче. История приняла почти скандальный оборот, но закончиться не успела. В следующем году князь Павел Вяземский скончался.

Среди прочих «открытый» князя в этой публикации обращает на себя внимание прежде всего вот что: из писем, якобы написанных мадам де Гель осенью 1840 года, следует, что Лермонтов в эти дни был в Крыму, в Ялте. Схватить княжью утку за крылья – дело нехитрое. Довольно посмотреть послужной список поручика Тенгинского пехотного полка Лермонтова за осень 1840 года, чтобы убедиться: в указанный срок офицер находился в отряде генерала Галафеева в Чечне. И не просто находился, а сражался. И не просто сражался, а героически. О чем и свидетельствуют реляции начальников.

Казалось бы, все ясно. Но лишние аргументы не помешают. И захотелось проверить: возможно ли было в первой половине XIX века быстро и незаметно добраться, скажем, из Ставрополя, где Лермонтов точно присутствовал в ноябре 1840 года, до Ялты? Дальше – больше. Локальный случай поручика Лермонтова – отличный повод углубиться в тему русской дороги. И еще раз проверить, так ли тождественны для нашей державы два этих понятия: дороги и дураки.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЭХ, ДОРОГИ!..

К маршруту Ставрополь – Ялта вернемся позже. А пока общие сведения. Понятно, что дороги существовали в России испокон веку. Хотя в раннем Средневековье они, скорее, соответствовали «направлениям». Путешествовали больше по воде или по льду – в зависимости от времени года. Первое упоминание об организованном транспортном

Герберштейн
в санях.
Гравюра
из базельского
издания
1556 года

Подорожная
1866 года

сообщении относится к 1493 году. Сохранились сведения, что уже тогда выписывались подорожные грамоты. Нечто сродни нынешним командировочным удостоверениям.

В начале XVI века некий барон Герберштейн, посетивший Москвию, сообщал, что «великий князь Московский имеет по разным местам своего княжества ямщиков с достаточным количеством лошадей». Он же писал о том, что езда по дорогам быстра и дешева. В подтверждение своих слов приводил примеры. По части быстроты – один из слуг барона добрался из Новгорода до Москвы за 58 часов. По части стоимости – ямщики брали 6 денег за 10–20 верст. Извозом занимались охочие люди, но, едва у кого возникала такая охота, он тут же переводился в разряд людей служилых.

В конце XIX века по инициативе директора Почтового департамента барона Велио вышел монументальный труд об истории российской транспортной системы. В нем утверждалось, что слова «ям» (почтовая/дорожная станция) и «ямщик» имеют татарское происхождение. Первое переводилось как «дорога», второе – как «проводник».

Казалось бы, что общего между почтой и транспортной системой? В России – больше, чем может показаться. Допустимо утверждать, что сами официальные пути сообщения появились благодаря почте. И царь, и государевы службы нуждались в почтовом ведомстве. А чтобы нарочные могли перемещаться по стране беспрепятственно, требовалось снабжать их свежими лошадьми, содержать места отдыха и т.д. В XVI веке возникла весьма разветвленная система «ямов». Первое министерство транспорта и почты – Ямской приказ при царе Михаиле Федоровиче – возглавил... князь Дмитрий Пожарский. Тот самый, что вместе с Кузьмой Мининым освободил Москву от поляков в 1612 году. А заодно – и от Смуты. Во второй половине XVII века в России появилась альтерна-

тивная частная почтово-транспортная служба, организованная, разумеется, иностранцами. Она занималась перевозкой почты и пассажиров преимущественно к западной границе и далее.

Первый в полном смысле слова государственный тракт открылся уже при царях Петре и Иване. Он соединил Москву с Архангельском. Дело пошло шустрее, когда Петр Алексеевич стал править единолично. Возникли новые тракты, упорядочили отношения между путешествующими и обслуживающим персоналом, пересмотрели прейскурант. Появились хоть какие-то базовые документы: указ об организации почт в европейской части России в 1720 году и в Сибири – в 1724-м.

Хотя надо признать, что весь XVIII век почтово-дорожное ведомство лихорадило. С одной стороны, сеть государственных дорог расширялась, принимались меры по защите ямщиков и почтовых лошадей, почту в Тобольск в 1745 году доставляли уже два раза в неделю, а за тридцать лет до этого – раз в месяц. С другой стороны, состояние дорог пугало, сервис на почтовых станциях пугал вдвое, государева почта пропадала, ДТП на разбитых путях считались за норму. А произвол начальников...

Ну да к этому не привыкать. Был случай, когда по приказу государыни Елизаветы Петровны в Петербург из Москвы должны были срочно доставить певчих. Пока дьякона не привезли, движение по тракту оказалось полностью заморожено. Согласитесь, чем-то сродни нынешним перекрытиям на Рублевке. Что это значило по тем временам? Почта шла от Первопрестольной до Северной Пальмиры две недели. Пассажиры добирались еще дольше. А тут – дьяконы едут!

Общая протяженность трактов, обслуживаемых государством в середине XVIII века, всего-то 20 тысяч километров. А Русь тогда уже приросла Малороссией и Сибирью. Вот-вот собирались прирасти Кавказом, Новороссией, Бессарабией и Крымом.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Александр
Андреевич
Безбородко
(1747–1799),
русский
государственный
деятель

ПРАВИЛА В ПУТИ

Екатерина Великая на почтово-дорожное ведомство поставила графа Безбородко. При нем дело пошло. Так или иначе стал интенсивнее обустраиваться Сибирский (Московский) тракт, указ о создании которого вышел еще в 1689 году. Приступили к обустройству дорог в землях донского казачества. Нормально заработал Могилевский тракт, соединявший Россию с Польшей. Звучит удивительно, но для жителей Могилева подписка на газету «Санкт-Петербургские ведомости» теперь стоила 6 рублей в год с гарантией доставки номеров. Первая половина XIX века стала временем расцвета русского тракта. «Почтовый дорожник», официальный манускрипт за 1829 год, сообщает, что в России

Карта времен
Александра I.
Из книги
Н.К. Шильдера
«Александр I.
Его жизнь
и царствование».
Издание
А.С. Суворина

имелось без малого 3 тысячи государственных почтовых дорог, по которым перевозилась львиная доля пассажиров. В 1815 году появился пассажирский морской маршрут: Петербург – Кронштадт. Такой вид путешествия для русских был в диковинку, а возможности пассажирских судов – весьма скромные.

В 1820 году была запущена первая линия междугородного общественного транспорта – дилижанса. Но вплоть до появления железнодорожного сообщения в 1837 году в России предпочитали пользоваться привычными почтовыми тройками.

В наше время трудно представить, как двести лет назад люди умудрялись скрупулезно измерять версты, отделяющие одну почтовую станцию от другой, как тщательно разрабатывали правила перевозки людей и багажа и как придирчиво следили за их выполнением. Регламент, казалось, предусматривал все: от проездных документов до размещения конвоя и арестантов на Сибирском тракте во времяnochлегов.

Фантастическое разнообразие транспортных средств и запряжек, казалось бы, контролю поддаваться не могло. Ах нет! И в этом вопросе существовали строгие правила.

Преимущество на тракте всегда имела почтовая транспортная служба. Если вы собирались ехать куда-то самостоятельно, используя собственный экипаж, лошадей и кучера, рассчитывать на официальную и, стало быть, бескорыстную помощь почтово-дорожных служащих не приходилось. Кроме того, даже в этом случае количество впряженных лошадей регламентировалось табелью о рангах и общественным положением путешественника. Такой способ езды по трактам обходился дешевле, но времени занимал уйму. Не случайно говорили: поехал на «долгих».

Да-да, езда на почтовых влетала в копеечку. Это при Петре Великом за версту брали одну деньгу. При Александре I – уже 2 ко-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

пейки. При Николае Павловиче появились тарифы. Самый дешевый – на Сибирском тракте, 1,5 копейки за версту. Но если помножить на эти самые сибирские версты, получится, что проезд от Томска до Иркутска обходился в сотню рублей. Плюс, разумеется, «на водку» ямщикам. С 1870 года за версту взималось уже от все тех же 1,5 до 7,5 копейки.

Почтовые – особенно курьерские (для особых случаев) – добирались до цели не в пример быстрее. Пушкин не раз ездил из Петербурга в Михайловское. Дорогу длиной 430 верст преодолевал на почтовых обычно дня за три. Но для путешествия на почтовой тройке мало было заплатить. Требовался официальный документ – подорожная, выданная по казенной или частной надобности. Что-то наподобие нынешней визы в загранпаспорте. Без подорожной не только могли не пустить в город, но и лошадей на почтовых станциях не давали. Подорожная по казенной части была также и финансовым документом. Служебные транспортные расходы оплачивало государство. Те, что без подорожной, путешествовали на свой страх и риск, договариваясь с перевозчиками неофициально. Обычно вдоль трактов в деревнях имелись мужики, занимавшиеся частным извозом. И занимались они этим извозом точно современные бомбилы в аэропортах. Драли с пассажира безбожно. Тому подтверждение – в очерках кавалерист-девицы Надежды Дуровой, однажды рискнувшей таким способом добраться до столицы. Георгиевский кавалер, а справиться с ямщиками-частниками не смогла.

Почтовые станции на трактах стояли часто. Среднее расстояние между ними – 30 верст. Таков был и пробег лошадей в упряжке, далее следовала перемена тяги. В день, таким образом, перепрягали в зависимости от времени года раза три-четыре. При условии, что были свободные лошади. Поря-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

док же предоставления лошадей определялся опять-таки чином проезжающего, казенной или личной надобностью.

Мы помним пушкинского станционного смотрителя и его унылую станцию-избу. Конечно, и таких на российских трактах хватало. Особенно на Московском тракте и на второстепенных межгубернских. Но имелись и другие. На направлении Петербург – Ревель – Рига (первоначально – Ямбургский тракт) строились типовые станции из кирпича, оштукатуренные, с большим конным двором. Могилевская станция располагала двухэтажной каменной гостиницей с 8 комнатами, фурштатной, конюшней на 45 лошадей и жильем для служащих и ямщиков.

Русская тройка.
Фотография
А. Мазурина.
1890-е годы

Перевозка почты
на собаках
в Восточной
Сибири

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВОТ МЧИТСЯ ТРОЙКА. ПОЧТОВАЯ?

А почему, собственно, тройка? Потому что удобно, быстро и лошадям по сердцу. Такая запряжка – коренник, бегущий рысью, и две пристяжные, идущие караваном, – русское изобретение! И в России предпочитали запрягать именно так. Но это не значит, что только так. К тому же не всегда имелись три лошади. Обер-офицеру или коллежскому асессору полагались только две, например. И купцам – также. Пару запрягали тоже по-разному. Когда по-европейски, на равных. Когда по-русски: с тем же коренником и одной пристяжной – «пара с отлетом». Использовали и четверки, и шестерки. В этом случае, как правило, запрягали цугом. Но бывало, что четверку лошадей ставили в одну колонну. Многое зависело от маршрута. Насколько широк тракт, каковы перепады, много ли снега выпало, давно ли ливень лил...

Разумеется, зависело это и от того транспортного средства, в которое запрягали. Тройка, кстати, это ведь термин, обозначающий только запряжку, но не объясняющий, во что именно придется садиться. А садиться приходилось в коляски и брички, фаэтоны и лан-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

до, кареты и дормезы, пролетки и тарантасы, дороги и линейки, шарабаны и кибитки, наконец, зимой – в розвальни и возки. Попадались еще рыдваны и колымаги, эгоистки и таратайки. Но это – реже. О дилижансах, появившихся, как уже было сказано, в 1820 году, – отдельно. Их не любили прежде всего потому, что это европейское изобретение, как позже и евровагон железной дороги, предназначалось только для сидячего проезда. Их даже прозвали в России «нележансами».

Дормез и карета, если имелась финансовая возможность ехать с комфортом, предусматривали «положение лежа». Хорошо спалось и в некоторых других модификациях, в частности в зимних крытых возках. Не все перечисленное использовалось для езды на дальние расстояния. Скажем, трудно представить себе перегон Москва – Петербург в двухколесном одноконном открытом шарабане. Но вот в бричках по России, вопреки расхожему мнению, путешествовали охотно. Довольно одного Чичикова вспомнить.

Тракты делались широкими. В документах первой четверти XIX века фигурируют размеры 10–15 саженей в ширину. По-нашему – 20–30 метров. Поэтому лобовых столкновений на «федеральных» путях-дорогах не опасались. Другое дело, что, несмотря на огромное количество обязательных для исполнения требований к качеству

Джордж Кеннан
в Сибири
около саней.
Фотография
Дж. Фроста.
Между 1885
и 1886 годами

Сретенск.
Отправление
почты после
открытия
навигации
по реке Шилке.
Начало XX века

тракта, на практике делалось мало. Дорожное начальство настаивало на рытье боковых канавок для стока воды, разделятельного бруствера посередине трассы, инженеры рассчитывали угол дороги, ширину мостов. Помогало далеко не везде.

Уже в конце XIX века, за считанные годы до постройки Транссиба, Антон Чехов оценивал Московский тракт как самую безобразную дорогу на свете. Двадцатью годами ранее его предвосхитил американец Кеннан, забравшийся зачем-то в Сибирь: «Я не видел в своей жизни худшей дороги».

Но вот что интересно: подвергая уничтожающей критике качество дорог, Кеннан хвалил орга-

низацию работы на них. «Пожалуй, нигде в мире не найдется так хорошо и так широко организованного способа доставки пассажиров на лошадях, как казенная почта в России. Вся империя покрыта сетью почтовых дорог», – писал американец.

Вопреки плохому состоянию, русские тракты позволяли почтовым тройкам «разгоняться» до крейсерской скорости в 8–12 верст в час. В течение дня в среднем преодолевалось 100–120 километров. Это был тяжелый труд. И для лошади, и для ямщика, и для пассажиров, членами трясущихся без дела за спиной возницы. Но никакого другого способа перемещаться по огромной державе вплоть до середины XIX века наши соотечественники не имели.

ПОРУЧИК БЕЗ ПОДОРОЖНОЙ

Кто такая эта мадам Жанна Адель Эрио Оммер де Гельль? Для начала – абсолютно реальная фигура, поэтесса и красавица, вместе с мужем Ксавье Оммером де Гельль путешествовавшая по России и жившая на Кавказе в 1839–1841 годах. Оставила книгу «Путешествие по прикаспийским степям и югу России», вышедшую в Париже в 1860 году. В ней упоминаются некоторые люди, входившие в

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

круг знакомых Лермонтова. Но о самом Лермонтове – ни слова. Отрицать факт встречи русского поэта и французской поэтессы на Кавказе не стоит. Равно как не стоит утверждать, что они хоть раз в жизни встречались. Лучше – о другом. Мог ли Лермонтов совершить то самое путешествие в Крым осенью 1840 года, о котором писала в письмах неизвестной подруге мадам де Гелль той же осенью?

Пустое дело – пытаться найти свободное окно в боевом графике Лермонтова той горячей осенью. Экспедиции следовали одна за другой. 9 октября он вырвался в Ставрополь. Но вскоре возвращается на передовую в Чечню – в район крепости Грозная.

Даже от Ставрополя до Ялты по прямой, через море, верст 600, не меньше. А по тракту того времени – 842 версты. И это только до Тамани. Дорога №2710. Дальше – переправа на полуостров. Наконец, Керчь – Ялта, сотни две, не меньше. Даже если представить себе, что часть пути Лермонтов проделал бы верхом, что крайне маловероятно, на тысячу верст ему понадобилась бы минимум неделя пути. Выходит – полмесяца на туда-обратно. Ну, и какое-то время поэт провел бы с мадам де Гелль. А иначе – какой смысл так рисковать? Предпринять подобное путешествие без подорожной было не только крайне рискованно,

Карло Боссоли.
Алушта. 1856 год

Невель,
Псковская
губерния.
Конная станция
середины
XIX века.
Фотография
начала XX века

но и бессмысленно с точки зрения достижения результата. Тысячу верст по приграничью, по почтовым станциям, где гарнизоном стоят солдаты? Настроение Лермонтова осенью 1840 года, особенно после гибели в бою у него на глазах декабриста Лихарева, разжалованного в солдаты, известно: либо пусть убют, либо скорее выслужить отставку. Последнее возможно в том случае, если будут подвиги. И Лермонтов старается. К середине осени уже есть понимание, что начальство отправит в Петербург соответствующие рапорты о награждении. Осталось чуть-чуть – и мечта сбудется, он расстанется со службой и займется только литературой.

Каким бы романтиком и смельчаком Лермонтов ни был, решиться на несанкционированное путешествие в Крым мог только безумец. В медицинском смысле слова. Или – безоглядно влюбленный человек. 1841 год показывает, что ни безумием, ни всепоглощающей страстью Лермонтов не страдал.

В «письмах мадам де Гелль» сообщается, что Лермонтов находился с ней в Мисхоре и Ялте в последних числах октября, а 5 ноября – в Балаклаве.

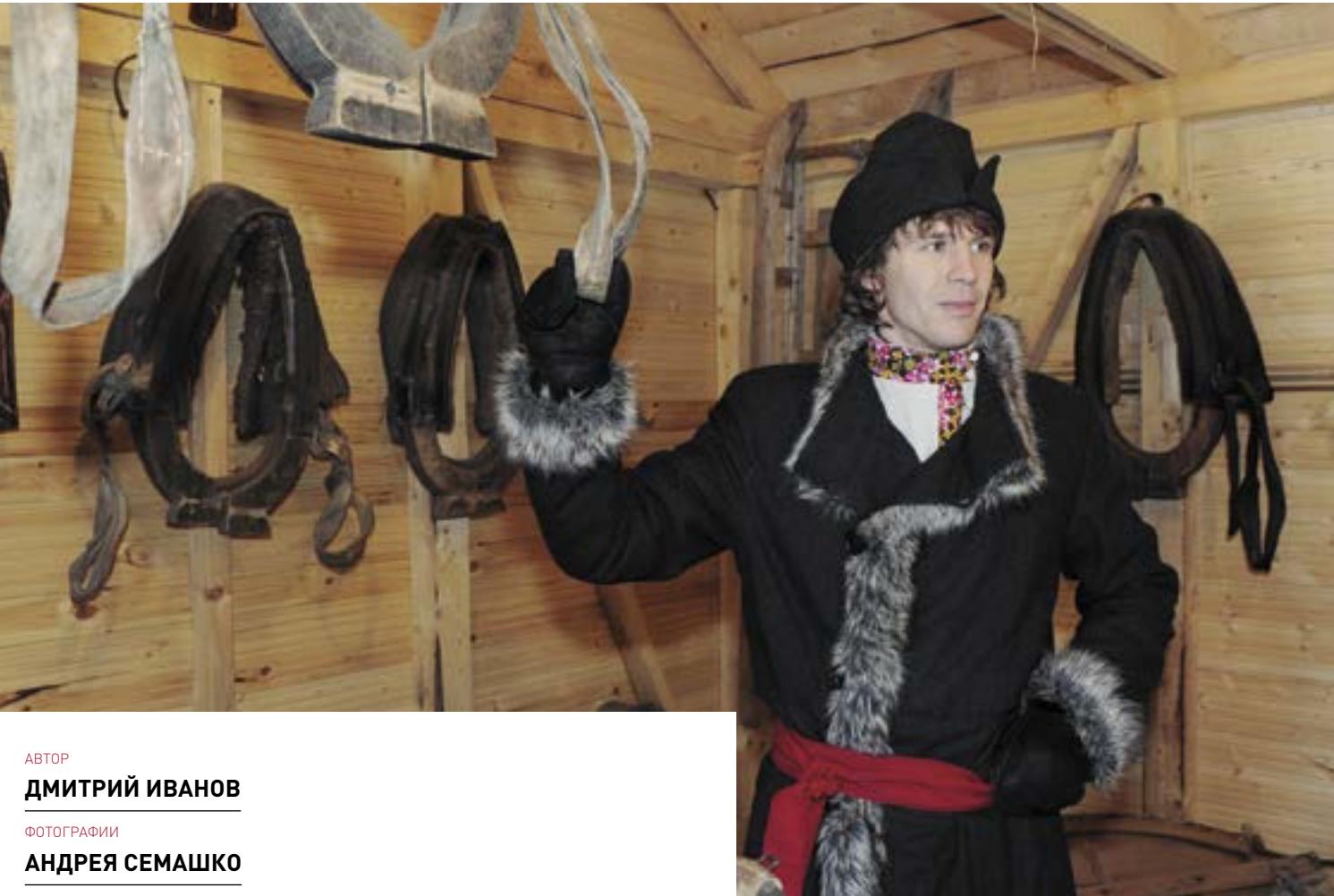
В эти дни, согласно послужному списку, Лермонтов сражается в Чечне. Обо всем этом не мог не знать публикатор «писем француженки» и, очевидно, их автор князь Павел Вяземский. Сам, к слову, много поездивший по русским трактам, будучи профессиональным дипломатом. Сдается, накладывая даты одна на другую, он давал понять всем читающим: «письма мадам де Гелль», господа, это шутка, всего лишь милая шутка!

Но вот беда: снова появились такие, кто любую шутку воспринимает исключительно серьезно. И тут же начинает писать диссертации. Спросить бы у Гоголя, это какая беда по счету – вторая или уже третья? Про дороги мы и без Николая Васильевича вон сколько наговорили. Эх, птица-тройка!

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НА КОННОЙ ТЯГЕ

АВТОР

ДМИТРИЙ ИВАНОВ

ФОТОГРАФИИ

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ЕСТЬ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ НЕБОЛЬШОЙ ГОРОДОК ГАВРИЛОВ-ЯМ. МЕСТНЫЕ ЖИТЕЛИ ИСПОКОН ВЕКОВ ЗАНИМАЛИСЬ ЯМСКИМ ИЗВОЗОМ. А ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД ПОЯВИЛСЯ ЗДЕСЬ МУЗЕЙ ЯМЩИКА, И СТАЛ ГАВРИЛОВ-ЯМ ИМЕНОВАТЬСЯ ЯМСКОЙ СТОЛИЦЕЙ РОССИИ.

ДОСТОВЕРНЫХ СВЕДЕНИЙ о происхождении названия Гаврилов-Ям не сохранилось. Но согласно легенде, основал поселение некий Гаврила, беглый холоп галицких князей. Здешние края, богатые зверем и рыбой, приглянулись беглецу. На берегу реки Которосль поставил Гаврила избу, рядом с ней появилось вскоре еще несколько дворов. Так возникла деревня.

Первое упоминание о поселении встречается в списках Троице-Сергиевого Варницкого монастыря и относится к 1545 году: «Деревня Ворь, Гаврилово тож, а в ней крестьян семь дворов». Слово «вор» упоминается в этой записи неслучайно: так в ту пору называли беглых холопов. Для их поимки отводился срок – пятнадцать лет. Если за это время возвратить беглеца не удавалось, он считался свобод-

ным. Вероятнее всего, свободу получил и легендарный Гаврила, основавший деревню.

Во второй половине XVI века, во времена правления Ивана IV, село получило статус ямской слободы и стало именоваться Гаврилов-Ям. Жители, занимавшиеся извозом, обслуживали Костромскую и Сузdalскую дороги, на пересечении которых находилось село. Место было бойкое, золотое времечко для здешних ямщиков длилось более полутора столетий. А затем Гаврилов-Ям оказался в тени быстро растущего соседнего села Великое. Это было крупнейшее село в России, центр ремесел, выделки тканей. В Великом располагались свои фабричные

Ямщик Гаврила. Он же – сотрудник музея, экскурсовод, актер и поэт Вадим Губинец

Старинный сарай, расположенный на окраине Гаврилов-Яма, превращен в Музей ямщика

производства, ежегодно проводилась ярмарка. Конкуренции с богатым соседом Гаврилов-Ям не выдержал, ямскую станцию перенесли в Великое. А Гаврилов-Ям постепенно пришел в запустение.

Второе рождение этого села связано с именем купца Алексея Локалова, который в 1872 году построил здесь льняную мануфактуру. Через пять лет захудалое село в 27 дворов превратилось в крепкий рабочий поселок с 10-тысячным населением. Однако ямским промыслом здесь уже больше не занимались. О старинных ямских традициях и истории Гаврилов-Яма и его окрестностей вспомнили совсем недавно.

УДИВИТЕЛЬНОЕ РЯДОМ

Директор гаврилов-ямского Центра туризма Ирина Смирнова – москвичка. Но родным считает и ярославский край. Изъездила вдоль и поперек всю область, местные достопримечательности знает наперечет. Несколько лет назад Ирина задумала открыть туристический маршрут и в Гаврилов-Ямском районе. Поначалу ее предложение в местной администрации восприняли скептически, всем казалось, что в округе нет ничего примечательного.

Тогда Смирнова пригласила районных чиновников на экскурсию и повезла их на автобусе по хорошо знакомым дорогам и селам. Во время этой поездки она показала своим экскурсантам великолепную усадьбу купца Александра Алексеевича Локалова, которую построил знаменитый архитектор Федор Шехтель, шестистолпный храм Рождества Богородицы, возведенный в 1712 году в честь победы русского оружия под Полтавой, храм Покрова Богородицы середины XVIII века. И, конечно, много рассказы-ва-

Директор гаврилов-ямского Центра туризма Ирина Смирнова

На каретном дворе собраны многочисленные средства передвижения былых веков. Один из музейных экспонатов – сани

ла Ирина Смирнова о местных ямских промыслах и старинном производстве льняных тканей, которыми славились здешние села. «У тех, кто родился и вырос в этих местах, глаз, как говорится, замылился, – объясняет Ирина. – Что-то стало казаться обыденным, привычным. Люди искренне считали, что туристам в наших краях показывать нечего. Экскурсия помогла на многое взглянуть по-новому, скептиков не осталось». Так в районе появился свой туристический маршрут, а в Гаврилов-Яме открылся единственный в России Музей ямщика. Под здание музея отвели старинный сарай, стоящий с незапамятных времен на окраине городка возле купеческой усадьбы. Его отремонтировали и устроили в нем экспозицию. Экспонаты для музея собирали по крупицам. С просьбой о помощи даже обращались к местным жителям по радио. Народ откликнулся, люди стали приносить старую утварь, предметы, связанные с ямской службой и бытом. Вскоре музей обзавелся своим каретным двором, где были собраны повозки, сани, розвальни. В Гаврилов-Ям потянулись туристы. Сегодня взглянуть на необычный музей приезжают экскурсанты со всей России и даже из-за ее пределов.

ГУЖЕВАЯ СТОРОНА

На пороге ямской избы нас встретил ямщик Гаврила, его роль исполняет сотрудник музея Вадим Губинец. Ямщик оказался человеком весьма образованным и предложил нам совершить небольшой исторический экскурс в те времена, когда распространенным средством передвижения была ямская тройка. «Ямскую систему на Русь привнесли монголы, которые заимствовали ее у китайцев, – рассказывает «Гаврила». – Завоевав северные провинции Китая, Монгольская империя воспользовалась многими достижениями своих соседей».

В музее воссоздана обстановка ямской избы. Предметы домашнего обихода соседствуют с развесщенными по стенам текстами царских указов, относящихся к ямской повинности. Вдоль одной из стен стоит длинный деревянный стол со скамьями – ямская станция должна была приютить и накормить путников.

– Обычно все путают ямщика и извозчика, – объясняет Вадим Губинец. – Но изначально сам ямщик извозом не занимался. Это был служилый человек, который следил за исполнением ямской повинности. Он избирался местными жителями, а затем ехал в Москву, в Ямской приказ, где приносил присягу и где подтверждались его полномочия. В подчинении у ямщика были так называемые ямские охотники, служившие по найму. Вот они и занимались извозом. Ямщик, сам управляющий повозкой и лошадьми, образ гораздо более позднего, XIX века. Основная обязанность ямщика – обеспечивать проезжающих свежими лошадьми и предоставлять извозчиков. Ямщик должен был принять путника, взять его подорожную грамоту, спросить чин, звание, поменять лошадей или оставить гостя на ночлег. Все эти данные ямщик вписывал в загонную книгу, в которой велся учет, кому и сколько лошадей было выдано и в какую сторону направил-

Ямской колокольчик, прикрепленный к деревянной дуге небольшим металлическим колечком – згой

В ямской избе можно увидеть старинные предметы повседневной жизни, необходимые в быту

ся путник. Поэтому ямщиком мог стать только человек грамотный. Он нанимал на службу ямских охотников. Это были люди попроще, обладавшие национальными конными извозом и умев-

шие обращаться с упряжью. На службу они, как правило, являлись со своими лошадьми. И ямщик, и ямские охотники освобождались от крестьянских повинностей и податей. Жалованье им выплачивалось из денег, собранных за прогон лошадей. Поэтому доход ямщика и его подчиненных напрямую зависел от числа проезжающих через станцию. Вадим Губинец показал любопытный экспонат музея – восьмиугольный стол. Каждый угол этого стола символизирует одно направление, которое обслуживала ямская станция. Место, где сходилось восемь направлений, сулило хороший достаток и было мечтой многих ямщиков.

Ямские станции располагались через 40–50 верст, но из-за дороживши прогонов позволить себе передвигаться конным транспортом могли лишь небедные люди. Впрочем, возили на ямских лошадях не только пассажиров, но и почту, а также различные грузы.

Самые интересные экспонаты музея собраны на каретном дворе – старые хомуты, оглобли, гужи, дуги, вожжи, другие элементы конской упряжи, колокольчики и бубенцы. Тут же рядами красуются сани, брички, повозки. Вадим Губинец снял со стены хомут: «В селе ямщик был фигурой довольно важной. Без его участия обычно не обходилась ни одна свадьба. После венчания молодые приходили в ямскую избу, где ямщик помогал невесте надеть хомут на шею жениха. Считалось, что брак, освященный ямщиком, будет

крепким, а мужа увести уже никто не сможет. Отсюда и пошло выражение «захомутала». Вообще, в нашей современной речи можно найти немало оборотов, связанных с ямским делом».

Вадим показал несколько больших деревянных дуг, окованных железом. К ним привязывались оглобли, которые крепились к осям повозки или к саням. Дуга – необходимый элемент упряжи, предмет на первый взгляд весьма простой. Но изготовить хорошую дугу было не так-то легко. Заготовку вырезали из липы или черемухи, а затем клади в кипящую соленую воду. Когда дерево размягчалось, заготовку вставляли в распорки и начинали гнуть до тех пор, пока она не принимала нужную форму, после чего ее оковывали железом. Люди с небольшим достатком покупали для своих упряжек дуги, сделанные не из цельного дерева, а набранные из тонких деревянных пластин.

Непременным атрибутом ямской тройки был колокольчик, который подвешивали на дугу. Звон колокольчика оповещал ямщика о том, что к станции приближается упряжка. Впрочем, колокольчики появились не сразу. Поначалу обходились громким свистом. Примерно за версту до станции ямской охотник должен был свистеть так, чтобы его услышал ямщик и успел подготовиться к прибытию гостя. Петр I такого обычая не терпел и повелел использовать для сигналов медный рожок по примеру почтовой службы в германских государствах.

Но в России рожок не прижился – дуть в него на морозе было не очень-то удобно. Тогда и стали использовать колокольчики. В каждой губернии делали свои колокольчики, которые разли-

чались по голосу. Опытный ямщик по звону колокольчиков мог определить, откуда едет к нему путник. Самыми дорогими считались колокольчики валдайские, их делали из серебра и меди. Заслышив звон валдайского колокольчика, ямщик понимал, что к станции приближается упряжка человека знатного и богатого. Колокольчик крепился к дуге небольшим металлическим кольцом, которое называлось «зга».

– Выражение «ни зги не видно» пришло из ямской службы, – говорит Вадим Губинец. – Если ямской охотник, сидя на облучке, не мог из-за плохой видимости разглядеть это колечко, отправляясь в дорогу запрещалось. Когда же подобное случалось уже в пути, извозчик должен был править к ближайшему жилищу.

На каретном дворе собраны и различные инструменты для перековки лошадей – молотки, клемши, небольшая наковальня, гвозди и подковы. На перековку ямских лошадей устанавливались определенные нормы – менять подковы надо было не реже чем один раз в 45 дней. Занимался этим специальный кузнец, коваль. Он снимал старые подковы, подрезал лошадям копыта и ставил на них новые подковы. Прежде чем приступить к делу, коваль разогревал подковы в горне: горячая подкова плотнее садится на копыто. Затем специальными гвоздями прочно прикалывал подкову к копыту. Делать это надо было осторожно, чтобы не поранить лошадь и не причинить ей боль.

– Всем известно, что подкова считается символом счастья и удачи, – говорит Вадим Губинец. – Когда мы показываем туристам старые подковы, обычно возникает спор о том, как правильно надо подвесить подкову над входной дверью, чтобы в доме всегда были богатство и счастье. Кто-то говорит – вверх «рогами», кто-то считает, что вниз.

А разве так уж это важно? ●

ДУХОВНОЕ ПРОТИВОЯДИЕ ДЖУЛИАНА ЛОУЭНФЕЛЬДА

АВТОР

ВАЛЕНТИНА ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА

ПОЭЗИЯ ПУШКИНА НЕ ТОЛЬКО СПОСОБНА ПОМОЧЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ПРЕОДОЛЕТЬ ЦЕННОСТНЫЙ КРИЗИС, НО ДАЖЕ МОЖЕТ СПАСТИ НАС ОТ ГЛОБАЛЬНОГО ПОТЕПЛЕНИЯ – ТАК СЧИТАЕТ ДЖУЛИАН ГЕНРИ ЛОУЭНФЕЛЬД. ЭТОТ ПОТОМСТВЕННЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ АДВОКАТ И ПРЕКРАСНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК РУССКОЙ ЛИРИКИ НА АНГЛИЙСКИЙ НАЗЫВАЕТ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА «ДУХОВНЫМ ПРОТИВОЯДИЕМ» – УНИВЕРСАЛЬНЫМ ЛЕКАРСТВОМ И ДЛЯ РОССИИ, И ДЛЯ ВСЕГО МИРА.

– Р

ОССИЯ И АМЕРИКА мало чем отличаются друг от друга – и знаете почему? Потому что найти могилу Уолта Уитмена у нас так же трудно, как у вас – могилу Анны Ахматовой. Если спрашиваешь об Уитмене в штатах, то люди уточняют: «Вы имеете в виду торговый центр?» А когда я искал Ахматову в Комарове и спросил у местной женщины, она мне ответила: «Такие у нас не живут». И ведь не обманула, – грустно улыбается Лоуэнфельд.

Ему легко сравнивать: страсть к России у этого американского гражданина легко может поспорить с любовью к родине. В нем

вообще много всего намешано: мать – кубинка, отец – выходец из Германии, и его семья, как шутит сам Джюлиан, «родилась благодаря двум диктаторам: Гитлеру в Германии и Кастро на Кубе». Родители-беженцы встретились и поженились в Америке. Как положено прилежному сыну адвоката, Джюлиан с детства знал несколько языков. И он помнит, как его бабушка в Техасе пела «Волга-Волга, мать родная, Волга, русская река». Отвечая на звонок телефона, она обычно говорила по-русски: «Слушаю!» И если на том конце провода не реагировали, то не продолжала разговор, а просто вешала трубку и говорила: «Wrong number!»

КАК «АДВОКАТ ЧЕБУРАШКИ» УСЛЫШАЛ ОКУДЖАВУ

Вслед за дедом, дядей и отцом Лоуэнфельд избрал юридическое поприще – окончил Гарвард, стал доктором права. В этой своей ипостаси он больше всего известен как «адвокат Чебурашки»: в качестве специалиста по защите интеллектуальной собственности не раз представлял в суде интересы российских киностудий. Но Гарварду он обязан не только юридическими познаниями, в студенческие годы Джюлиан понастоящему услышал русскую речь, которая буквально околдовала его.

– На улице в Бостоне я как-то услышал песню на незнакомом языке. Что-то во мне шевельнулось... Я подошел, спрашивая: что это такое? Мне говорят: это русский язык, песня Булата Окуджавы. Из песни я не понял ни слова, но решил, что мне нужно обязательно этот язык выучить, – рассказывает Джюлиан. Надо заметить, рассказывает на очень чистом русском, практически без акцента.

С того момента и началось: почти каждый день в Гарварде будущий юрист бегал к восьми утра на занятия по русскому языку и русской литературе. А вот Пушкина он откроет для себя позже, уже в России, впервые попав сюда по студенческому обмену. В Петербурге Лоуэнфельд обретет и свою «вторую маму» – так Джюлиан называет главного учителя русского языка в своей жизни, литературоведа Надежду Семеновну Брагинскую. Строгая, она поначалу не одобрила попытки своего ученика перевести на английский «наше всё» – мол, еще не дорос! А он взялся за переводы стихотворений Пушкина не от большого самомнения, просто устал объяснять родным и друзьям, за что так любит этого малоизвестного им русского поэта...

В 2010 году за свой двуязычный сборник переводов «Мой талисман. Лирика Александра Пушкина», который с трудом, но все-таки удалось издать неболь-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

шим тиражом, Лоуэнфельд получил престижную российскую художественную премию «Петрополь», его переводы пушкинисты обеих стран называют блестательными. Такие таланты – это, возможно, «наследство» от прадеда, который был первым переводчиком Льва Толстого на немецкий язык. Но главное – не хорошая наследственность, а огромная любовь и стремление проникнуть в суть: Джюлиан переводит Пушкина, стараясь прежде всего передать дух его поэзии, не слово в слово, но «ритм в ритме» – так, что даже не знающие английского русскоговорящие по знакомой мелодии сразу узнают известные со школьной парты стихи.

ТАЙФУН ПОМОГ ПЕРЕВЕСТИ «СКУПОГО РЫЦАРЯ»

Джюлиан прекрасно помнит свой первый день в СССР – было это в сентябре 1986 года.

– Солнечно, как будто солнце це-луется с камнем, розовый такой свет, – вспоминает он. – Я иду по площади Искусств, влюбленный в эту красоту, навстречу памятнику Пушкину. Я не знал, что в то время это было место встречи геев. Милиционеры их периодически забирали в отделение… И вот подходит ко мне человек в форме. Я, начитавшийся Солженицына, историй о ГУЛАГе, смотрю на него и думаю: «Вот, меня уже и арестовывают. А ведь это только первый день!» Но милиционер лишь строго спросил меня: «Что ж вы, товарищ, бесцельно шатаетесь?»

Джюлиан Генри Лоуэнфельд, американский адвокат и страстный пушкинист-переводчик

Этот вопрос ленинградского стражи порядка Джюлиан называет «программным» для своей жизни. Когда бесцельно шатаешься, считает он, то обязательно вынесет туда, куда нужно.

Этим «течением» его однажды вынесло на ту улицу, где пели Окуджаву. Оно же помогает теперь ему и в переводах. Джюлиан рассказывает, что пять месяцев усердно трудился над «Скупым рыцарем» – ощущение того, что дело как-то не клеится, усугубилось, когда он случайно забыл рукопись в такси. А тут еще и другие беды навалились: сбегая от «черной полосы», он взял карту, ткнул пальцем и… через несколько дней оказался на Таити. Райское место встретило его не только морем и пальмами – вскоре на острове начался тайфун! Всего за четыре дня, пока из дома нельзя было выходить и не было электричества, Лоуэнфельд легко перевел «Маленькие трагедии» – все то, над чем безуспешно бился почти полгода. Перевел настолько удачно, что, когда прославленный балетмейстер и владелец Центра искусств в Нью-Йорке Михаил Барышников прочел, решение было однозначным: «Это надо ставить!» Нужно отметить, что до этого «Маленькие трагедии» Пушкина никогда полностью не ставились на английском языке – именно из-за отсутствия качественного перевода.

Будучи еще и музыкально одаренным, Лоуэнфельд сочинил к спектаклю музыку. Моцарта в этой нью-йоркской постановке играет Луис Симас – блестящий пианист, композитор и выдающийся джазовый импровизатор. А Сальери – сам переводчик!

– Потрясающе интересно сыграть человека, которого, казалось бы, никак нельзя понять, – объясняет Джюлиан свой «странный» выбор. Злодея рядом с гением ему нравится играть еще и потому, что он – судебный юрист. – Мне кажется, любой актер – где-то адвокат, а любой персонаж, которого он играет, его подзащитный. И если судьи-зрители сумеют Сальери пожалеть, увидеть его в себе, тогда и произойдет катарсис.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

КОВБОЙ ЧИТАЕТ ПУШКИНА, КОГДА ПАСЕТ КОРОВ

Мы познакомились с Джюлианом в Большом Болдине, на мульти-мультимедийном фестивале «Живое слово», где он проводил мастер-класс, не по-американски страшно доказывая актуальность Пушкина в наши дни. Джюлиан впервые в этой Мекке для всех истинных пушкинистов и, переполненный эмоциями, готов говорить о любимом поэте часами.

— Джюлиан, чем ты объяснишь то, что Пушкин все-таки не получил общемирового признания?

— В смысле, что он недостаточно известен на английском? Частично я виню в этом Набокова — он такой ревнивец!.. При всем уважении к его таланту своими переводами он будто приколол Пушкина, как мертвую бабочку, под стекло... Убил неописуемую прелесть бабочки в полете! Причина — не в его таланте или знании английского, конечно: это просто характер. Я преклоняюсь перед Набоковым как перед прозаиком, но он — не легкий. А Пушкин — это прежде всего легкость, пылкость, огонь. Все поэты немножко хулиганы, и это хорошо. Проблема с Пушкиным в том, что к нему слишком серьезно относятся! Известен случай, когда Тургенев пытался объяснить Флоберу прелесть пушкинских стихов на примере «Я помню чудное мгновенье...» Получилось: «I remember a wonderful moment...» Флобер ему ответил: «Он пресен, ваш поэт!» Но ведь в этом переводе совсем пропала музыка стиха!

Мастер-класс
Лоуэнфельда
«Как я полюбил
Пушкина» на
мульти-мультимедийном
фестивале
«Живое слово»
в Большом
Болдине

В 1830 году,
поселившись
в необжитом
болдинском
доме, Пушкин
устроил в одной
из комнат
рабочий кабинет.
Ломберный стол
у окна заменил
письменный

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

— Ты начал переводить Пушкина прежде всего из-за желания поделиться его поэзией со своими родными и друзьями. Многие ли теперь разделяют твою страсть?

— О да! Я все время получаю письма от простых американцев. Недавно мне написал ковбой из Техаса — он читает Пушкина, когда пасет коров. Один монах из Калифорнии тоже написал мне, он назвал Пушкина «дзэн-мастером»... Мне кажется, его поэзия — для каждого человека, не только для русских. Я вообще считаю, что есть только один мир, и он не делится на русский, американский, японский... Парадокс в том, что чем глубже и пристальнее мы смотрим в одну точку, тем шире открывается весь пейзаж. Пушкин — не русский поэт, в том же смысле, в котором Шекспир — не английский поэт, ведь он писал не об английских вопросах, а об общечеловеческих.

— И все-таки, почему из всех русских поэтов — именно Пушкин?

— Потому что он — солнце, свет. А я люблю солнце. Вы знаете, это удел интеллигентии: нам всегда кажется, что мы живем в самое ужасное время. Но хотите услышать древнейшее стихотворение мира? Оно было найдено при раскопках города Ура в Месопотамии: «Несчастный современный человек! Таскается один-одинешенек // По шумным улицам грязного города. // Голова у него раскалывается от острой боли. // Он уже не слышит голос бога своего, // Поющего ему в тишине». Уже до нашей эры шумеры жаловались! Я занимаюсь правозащитной деятельностью в области экологии, и иногда мне думается, что феномен глобального потепления — это не только последствие выхлопов углекислого газа, но и плод духовного похолодания человечества. Ведь физики почти доказали уже, что мысль материальна. Так что искусство не только отражает, но и со-творяет мир. Смотря на жизнь «с холодным вниманием вокруг», мы сами выхолаживаем

ем ее. И мне кажется, продолжение всей нашей жизни на планете Земля зависит от нашего скорейшего перехода от «мудрости» образованной депрессии к «глупости» сердечного тепла... Меня часто спрашивают, особенно в Америке: чем твой Пушкин актуален? Я думаю, красота сама по себе – высшая актуальность. И мне очень нравится эта формула, которую я вывел для себя: Пушкин – это духовное противоядие. В ответ на богатую дешевку, которую предлагают нам современные продюсеры, он напоминает: цель искусства – не польза, а создание прекрасного. Пушкин как золото, он не ржавеет, он ле-чит от депрессии, пессимизма, безнадежности.

– А как же его «Цели нет передо мною: сердце пусто, праздн ум...»?

– Да, при всем своем оптимизме даже Пушкин иногда жаловался. Но «говорят, что несчастье хорошая школа; может

Пушкинские строки на русском и английском – Джюлиан Лоуэнфельд читает с крыльца болдинской усадьбы «Отцы пустынники и жены непорочны...» в своем переводе

быть. Но счастье есть лучший университет» – это тоже его слова.

– Я знаю, что приехать в Болдин было твоей мечтой, хотя ты во многих местах России уже побывал. Куда еще мечтаешь отправиться?

– На озеро Светлояр, где, говорят, град Китех затонул... А по пути в Нижний Новгород, выезжая из Владимира, я видел храм Покрова на Нерли – такая прелесть!

– Говорят, ты соблюдаешь русские приметы...

– Ну да, по дереву стучу. А если наступлю кому-то на ногу, то обязательно подставлю ножку в ответ, чтоб не поссориться. Но если я про все приметы расскажу, то... Можно, я сохраню немножко «прайвеси»?

– Какие твои любимые блюда русской кухни?

– Гречневая каша. Я покупаю ее и в Америке. И между прочим,

я недавно случайно сделал открытие: оказывается, маслом кашу – испортишь! Нужно сначала хорошенко сухую крупу поджарить, тогда она получается на вкус почти как греческий орех. И не надо слишком много масла!

Вместе с любителем гречневой каши и страстным пушкинистом Джюлианом Генри Лоуэнфельдом мы заходим в родовую усадьбу Пушкиных – ныне музей-заповедник. В рабочем кабинете, где во времена осенних приездов в Болдин поэт создал множество своих шедевров, Джюлиан вдруг, отстав от экскурсионной группы, низко припадает к дивану – так, чтоб глаза были на уровне глаз лежащего человека, и машет мне рукой:

– Смотри! – громко шепчет он, показывая в окно. – Вот так же и он, должно быть, лежал на этом диване, он ведь любил работать лежа...

В глазах у Джюлиана – неподдельное счастье. ●

Княгиня
Мария
Клавдиевна
Тенишева.
1893 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЖАР-ПТИЦА РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

АВТОР

КСЕНИЯ БОБРОВИЧ

ОСЕНЬ 1905 ГОДА... БЬЕТСЯ НА ОКОННОМ СТЕКЛЕ ЖИЛКА ДОЖДЯ. МАРИЯ КЛАВДИЕВНА ТЕНИШЕВА ДАЖЕ НЕ СМОТРИТ НА УНЫЛЫЙ ПЕРРОН. ОНА ГОРЬКО ПЛАЧЕТ, ЗАПЕРШИСЬ В КУПЕ ПОЕЗДА, СЛЕДУЮЩЕГО В ПАРИЖ. ОНА ПРОЩАЕТСЯ С РОССИЕЙ. ПОЗАДИ ОСТАЕТСЯ ВСЕ, ЧТО ОНА ЛЮБИЛА, ЧЕМ ЖИЛА: ЕЕ «ШКОЛА ГРАМОТЫ», ЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАСТЕРСКИЕ, ЕЕ УСАДЬБА ТАЛАШКИНО...

ЭТИ СОБЫТИЯ ДЛЯ НЕЕ как снег на голову: «Я была так наивна, что даже когда слово «революция» было уже ходовым словом и приходили уже слухи о разных, происходящих то тут, то там народных возмущениях, погромах помещичьих усадеб, я еще не догадывалась, что у меня в школе тоже происходит «революция». В классах ее крестьянской школы уже открыто шла политическая пропаганда и распространялись прокламации. В один из дней ученики устроили «забастовку»: побросали учебники и ушли домой. Правда, родители быстро прислали их обратно: ведь в школе дети были сыты, а дома их надо кормить...»

Как быть? «Между мной и учениками чувствовалась натянутость. Они глядели волками, учителя избегали меня... Мне невыразимо больно было видеть моих питомцев, мною созданных, к которым я всегда любовно относилась, почему-то так непонятно отвернувшихся от меня...».

В мастерских тоже царил разлад. Из-за малейшего пустяка рабочие возмущались, уходили, снова возвращались... Работа не клеилась...

Тенишева не могла понять, почему созданное ею разрушается: «Я чувствовала, что что-то уходит из рук, ускользает помимо моей воли, мало-помалу вырывается из сердца самое дорогое, самое близкое. Отрава вливалась в душу, голова была пуста...»

Когда Мария Клавдиевна вручала в школе аттестаты выпускникам, один из них на глазах у всех вдруг разорвал полученный документ. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. Тенишева закрыла школу. Подождала, чтобы законопатили церковь и закрыли ее на зиму, отпустила всех мастеров и столяров, закрыла мастерские и стала готовиться к отъезду. Она поняла, что в Талашкино ей делать больше нечего. Вокруг доморощенные агитаторы кричали о благе народа – и так легко разрушали то, что уже было для него создано в одном отдельно взятом месте.

Князь Вячеслав
Николаевич
Тенишев

М.К. Тенишева
(в первом
браче –
Николаева).
1873 год

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НАЧАЛО ПУТИ В БЕЖИЦЕ

Перед отъездом пришли тревожные вести и из другой ее усадьбы – Хотылево: сожжен дом в парке, в церкви во время службы разбросаны листовки. А ведь именно там, в этой усадьбе близ Бежицы, над красавицей Десной, княгиня сделала первые шаги навстречу судьбе. Она приехала сюда весной 1892 года вместе со своим мужем – князем Вячеславом Тенишевым. Он – управлять делами крупного рельсопрокатного завода. Она – тогда еще толком не знала, что будет делать в этакой глупши...

Рабочие забиты и невежественны, бараки перенаселены. В семьях грубость и пьянство, дети

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

брошены на произвол судьбы, без возможности учиться... Не вдохновляли Марии Клавдиевну бежицкие будни, но екало сердце: «Здесь живут люди маленькие, пришибленные, опаленные огнем литейных печей, оглушенные нескончаемыми ударами молота, по праву, может быть, озлобленные, огрубелые, но все же трогательные, заслуживающие хоть немного внимания и заботы об их нуждах... Кто до этой поры позабылся о них? Кто прислушался к их голосу, их жалобам?.. Никто...»

То, что она сотворила потом в Бежице, можно было бы назвать чудом. Возникли новые школы и ремесленные училища, благотворительное общество помогли сиротам и вдовам, народная столовая с качественными обедами за умеренную плату, новый театр... Рабочие семьи расселились из бараков в домики с огородными хозяйствами. Тенишева подарила людям надежду: «Не только я уже не боялась завода и его обитателей, но он стал дорог мне, как место моего крещения, как поле брани, где я отличилась и мне удалось стяжать славу, развернуться, выполнить все заветные мечты». Четыре года спустя она уехала вслед за мужем в Петербург, оставив все, что стало уже ее жизнью. Но разве сможет когда-то забыть это чувство радости – от осознания, что ты кому-то нужен, служишь, полезен...

ПЕРВОЕ БЕГСТВО В ПАРИЖ

Любой шаг, любое решение Тенишевой – не случайны. Каждый шаг – только вперед, ни на секунду не задумывается она об отступлении. Даже если пятнадцать лет назад ранний брак с молодым юристом Рафаилом Николаевым обернулся горьким разочарованием. Рафаил оказался игроком и прожигателем жизни. Спас почти случайный совет ехать в Париж, в оперную студию педагога Маркези – учиться петь. Внешне – Мария Клавдиевна бежит, бросив все, забрав только малолетнюю dochь. Но вот верный признак

правильного решения – она переполнена предчувствием нового: «Трудно описать, что я пережила, почувствовав себя наконец свободной... Париж, с его бурно бьющимся пульсом, окончательно опьянил меня. Задыхаясь от наплыва неудержимых чувств, я влюбилась во вселенную, влюбилась в жизнь, ухватилась за нее...»

Первое парижское путешествие складывалось из будничных занятий: уроки пения, итальянского языка, мимики, декламации, постановки голоса. Редкое меццо-сопрано Марии Клавдиевны очаровывает всех, кто ее слушает, она выступает на концерте Рубинштейна, встречается на репетициях с Шарлем Гуно...

Калейдоскоп парижской жизни увлек, втянул, околдовал. Тогда ей не было и двадцати... Певицей она не станет, но на всю жизнь сохранит страстную любовь к музыке. Мария Клавдиевна погружается в историю искусства... Есть ли в этом мире место более подходящее для изучения искусства, чем Париж? Она проводит дни в музеях, особенно любит Лувр и Музей Средневековья Клюни. Ее тянет к лиможским эмалям, изделиям из слоновой кости, древним коврам, гобеленам...

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ

Так, переходя от одной витрины к другой, посещая выставки и художественные салоны, встречаясь то с именитыми, то с совершенно неизвестными художниками, составляет Мария Клавдиевна свое собственное мнение, прокладывает путь, что не всякому по плечу. Отношения ее с людьми были неоднозначными, но ни одно смелое решение не может быть однозначно принято современниками.

Ее характер – весь из противоречий: недовольство и подавленность сменяются вдохновением и умением очаровывать. Замкнутость и недоверчивость к людям остались у нее с детства. Много сил придется приложить Марии Клавдиевне, чтобы их преодолеть. Резкая, грубоватая, властная. Но есть в ней одно,

Княгиня
Е.К. Святополк-
Четвертинская.
1890-е годы

Николай
Константинович
Перих
[1874–1947].
Начало XX века

И еще один человек, которому Тенишева могла бы доверить как самой себе: Николай Константинович Перих. Они оба были устремлены в будущее России. Перих писал Тенишевой: «Из отношения с Вами во мне возрождается вера в нужное, нежное и вообще человеческое... Мне верится, что наше дело – дело святое и трудами, и верою мы пройдем на истинную пользу Руси». Тенишева отвечала: «Наши отношения – это братство, сродство душ, которое я так ценю и в которое так верю. Если бы люди чаще подходили друг к другу так, как мы с ним, то много в жизни можно было бы сделать хорошего, прекрасного и честного...»

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В ТАЛАШКИНО

Талашкино – особое имя в русской истории.

В 1893 году Тенишевы купили эту усадьбу у княгини Святополк-Четвертинской. Именно здесь связуются воедино все нити судьбы княгини. Ее прошлое, настоящее и будущее.

Это место в Смоленской губернии станет для Марии Клавдиевны островом духовности, что искала она на земле, мечтая послужить русскому народу, его искусству и традиции, – таким красивым, трогательным, безвременно забытым...

«С годами все чаще и чаще, все более и более русские древности останавливали мое внимание, манили, – писала Мария Клавдиевна, – и все шире и шире открывался передо мной целый, до сих пор неведомый мне мир, и этот мир все сильнее привлекал меня к себе. Я вдруг почувствовала, что все это близкое, свое, родное. Любя страстно русскую природу, я в душе была всегда чисто русским человеком. Все, что касалось моей страны, меня глубоко трогало и волновало». Возможно, с подобных мыслей начиналась тенишевская коллекции русской старины.

Тенишева много путешествует по центральным русским губер-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Талашино,
имение
М.К. Тенишевой
близ Смоленска

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Гостиная,
выполненная
в мастерских
М.К. Тенишевой.
Фотография
начала XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Художник
Сергей
Васильевич
Малютин.
Автопортрет
в шубе

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ниям. Знакомится с древнерусской архитектурой. Встречает мастеров и мастериц... В результате рождается коллекция предметов древней утвари и крестьянского обихода. Постепенно поиск экспонатов для будущего музея становится целенаправленным. Помогать в этом будут историк и археолог Владимир Сизов и историк искусства Адриан Прахов. Они привозят народные изделия и с Крайнего Севера, и из Мордовии, и даже из Туркмении. Первое время экспонаты коллекции заполняют шкафы, чуланы и чердаки в петербургском доме Марии Клавдиевны. Их наберется в конечном счете более 10 тысяч. В Санкт-Петербурге Илья Репин предложил Марии Клавдиевне

взять на себя благородную задачу – дать шанс молодежи подготовиться для поступления в Академию художеств. Дело решилось без проволочек: Репин будет вести занятия, Тенишева предоставила для студии мастерскую в доме, где жила. Бесплатная студия открылась 16 ноября 1895 года. Ученики набивались туда до отказа, «работали по пяти часов в день, не обращая внимания на тесноту и духоту». «Княгиня Тенишева для них какая-то мифическая благодетельница», – скажет Репин однажды. Здесь начинали свой путь многие прославившиеся впоследствии художники: Добужинский, Серебрякова, Билибин.

А в Талашино княгиня Тенишева задумала Возрождение. Возрождение искусства исконно русского, национального, полного мистической красоты, народного воображения, сказов. Мария Клавдиевна хочет вернуть к жизни русский миф.

В 1900 году в Талашино появились художественные мастерские. Керамическая, вышивальная и красильная, мастерские мебели, художественной ковки и резьбы по дереву. Возглавил их все художник Сергей Малютин. В имении Тенишевой, словно на перекрестке разных времен и дорог, встречались самые яркие фигуры русского искусства того времени: Репин, Перих, Врубель, Коровин, Бакст, Стравинский и многие другие. «Талашино совсем преобразилось, – писала Тенишева. – Бывало, куда ни пойдешь, везде жизнь кипит. В мастерской строгают, режут по дереву, украшают резную мебель камнями, тканями, металлами... В другой мастерской девушки сидят за плятьями и громко распевают песни. Мимо мастерской проходят бабы с котомками за пазухой: принесли работу или получили новую. Идешь – и сердце радуется».

В Талашино княгиня подружилась с Врубелем. «Это был образованный, умный, симпатичный, гениальный творчества

человек, которого, к стыду наших современников, не поняли и не оценили. Такие таланты рождаются раз в сто лет, и ими гордится потомство. Сидя со мной, он, бывало, рисовал и часами мечтал вслух, давая волю своей богатой, пышной фантазии... Шутя, он набросал на рамках и деках балалайки несколько рисунков, удивительно богатых по колориту и фантазии, оставив мне их потом на память о своем пребывании в Талашкине.

Так родилась идея Тенишевой расписать в русском стиле балалайки для Всемирной выставки в Париже 1900 года, где генеральным комиссаром от России был назначен князь Тенишев. Врубель с вдохновением принялся за росписи, под его рукой рождался в красках русский дух: морская царевна, богатыри, диковинные рыбы... Российскую экспозицию готовили почти три года, Тенишева во всем помогала супругу. Это она посоветовала ему взять Константина Коровина помощником по художественной части. Сама же – привезла для выставки свои балалайки, расписанные Врубелем, Коровиным, Давыдовой, Малютиным, Головиным... Их хватило на целый оркестр. В честь открытия моста Александра III через Сену Тенишева организовала вечер, на котором пел Шаляпин вместе с оркестром талашкинских баллаечников. Париж запомнил ее светской львицей Всемирной выставки.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ШКОЛА И ХРАМ ДУХА

После светской суеты и европейской славы Тенишева была рада вернуться в родное Талашкино. Она уверена: здесь – будущее России, для ее людей и детей. Главное – дело делать, действовать! Она верна себе в оценках: «Как-то совестно было жить в нашем культурном Талашкине в убранстве и довольстве и равнодушно терпеть вокруг себя грязь и невежество. Меня постоянно мучило нрав-

И.Е. Репин.
Портрет
М.К. Тенишевой.
1896 год

без милосердия притеснявшие мужиков, называли их «серыми», презирали, гнушались ими...»

Еще в 1894 году Тенишева купила хутор Фленово. Было решено построить школу – у подножия горы, на которой растут огромные сосны, ели и липы... В сентябре 1895 года новое школьное здание со светлыми классами, общежитием, столовой, кухней распахнуло свои двери. Она хорошо помнит тот день: «Уже спозаранку во Фленово собралась целая толпа баб и мужиков, таша за собой венерицы ребятишек всех возрастов... Вдоль заборов расположились телеги с семьями в ожидании молебства. Пришли бабы с пятью-шестью сиротами, прося меня взять их, как они говорили, «совсем, на века»... В первый день набралось 150 учеников, в том числе 12 сирот, которых я взяла совершенно случайно...»

Тенишева приступила к созданию совершенно новой сельской школы. Никто не отменял основные школьные предметы, но во Фленово создано образцовое учебное хозяйство, метеорологическая станция, пасека и музей пчеловодства. Занятия в ремесленных мастерских обязательны для всех классов. Рядом со школьным зданием построен по эскизу Малютина уютный домик-теремок в русском стиле. В нем разместились библиотеки: учительская и ученическая. Слабых учеников из школы не отчисляют, а стараются научить какому-нибудь полезному делу. Талантливых Тенишева на свои средства отправляет учиться дальше.

Затем она берется за строительство церкви: «Моя школа во Фленове взяла столько моих сил, симпатий и преданности, что... мне захотелось увенчать свое создание храмом Божиим... Мы долго искали место для церкви... и наконец нашли... Здесь, рядом со школой, положено было основание храму во имя Святого Духа. Хотелось дело любви – школу – увенчать не-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Усадьба Фленово близ Смоленска.
Школа, устроенная М.К. Тенишевой,
главное здание.
Фотография начала XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЁВЫМ

гасимой лампадой – церковью, хотелось, чтобы десница Господня с вершины этой горы из века в век благословляла создание любви – народную школу, где в классах, на полях, в лесу, в огородах, в труде шевелился бы маленький люд, раздавался веселый смех, где совершалось великое дело: из темных дикарей выходили люди...»

Давний и преданный друг Николай Рерих сразу угадал в движении души Тенишевой «начало храма новой жизни». Мечта о Доме Бога на талашкинской земле надолго объединила их обоих. Перебрав много проектов, Тенишева решает отойти от канонов современной церковной архитектуры. Она пытается соединить образы русской старины, впечатления, вынесенные из своих путешествий по Русскому Северу, с силуэтами местной природы.

Осенью 1900 года на высокой красивой горе начал расти храм, напоминающий одновременно древнюю пирамиду, русский шатер и буддийскую пагоду. У Рериха читаем: «Мы решили назвать этот храм – Храмом Духа. Причем центральное место в нем должно было занимать изображение Матери Мира».

Храм Духа во Фленово строился четырнадцать лет, он так и

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЁВЫМ

не был закончен. Но даже столетие спустя здесь, у заброшенного и одинокого Дома Бога, кажется, что все, что делала в своей жизни княгиня Мария Клавдиевна Тенишева, она делала ради этого храма. Кажется, что все годы ее мечтаний, усилий, разочарований и побед прошли под этим ясным, все понимающим, таинственным Взглядом. Этот Взгляд учил ее терять, терпеть... и раз за разом начинать все сначала...

Церковь
Сошествия
Святого Духа
во Фленово.
Проект церкви
выполнили
в соавторстве
С.В. Малютин,
М.К. Тенишева
и И.Ф. Барщевский

ВЫСТАВКА В ЛУВРЕ

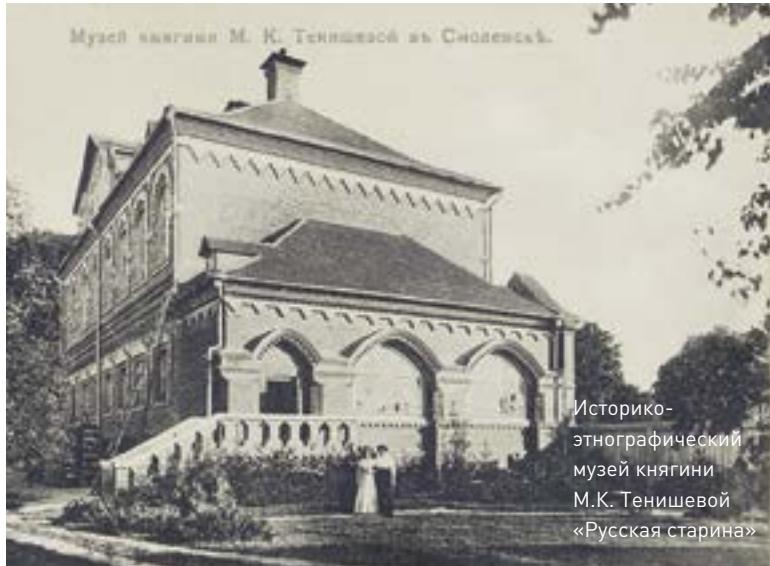
В России разгорается революция, на Дальнем Востоке – война... А Тенишева приезжает на французскую землю. В прошлый раз она была в Париже в 1903 году. Всего два года назад. Она только-только оправилась от дней, когда она сидела у постели слабеющего на глазах от внезапной болезни мужа. Быть может, их пара была не идеальной. И в ней не было той беззаветной любви, которая творит чудеса и остается примером на века... И все же... Они были примечательной парой. Князь не являлся большим ценителем искусства, но он смотрел благосклонно, хотя и не без ворчания, на все задумки Марии Клавдиевны. И давал на них деньги. Князь Тенишев был сказочно богат. Он не принадлежал к высшему обществу и тем более к придворному кругу. Двадцать лет строил железные дороги, был председателем акционерного общества Брянского и Путиловского заводов. Принимал участие в создании первого в России завода по выпуску автомобилей. А еще – писал работы по этнографии, увлекался социологией... и строил школы.

25 апреля 1903 года князя Тенишева не стало. Он любил простоту, не признавал церемониалов, а умереть пришлось в Париже, где ему устроили торжественные похороны. Провожали в последний путь как положено кавалеру ордена Почетного легиона – с музыкой и штандартами, при батальоне пехоты, взводе кирасир и батарее артиллерии.

Мария Клавдиевна осталась одна. Она сдала в аренду дом на Английской набережной, покинула Петербург и поселилась в Талашкино.

Маховик ее судьбы раскручивался все быстрее. На руках – школа во Фленово, мастерские в Талашкино, музей, Храм Духа и т.д. Княгиня еще не знала, какие новые удары готовила ей судьба...

Мария Клавдиевна едет в Париж, где к ней вновь вернулись силы. Она с головой погру-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Историко-
этнографический
музей княгини
М.К. Тенишевой
«Русская старина»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Залы музея
княгини
М.К. Тенишевой
в Смоленске

зилась в искусство – занялась эмалью, стараясь забыть за любимым делом потери прошлого. Поселилась на улице Октаава Фелье. Там же устроила свою эмальерную мастерскую. По-немногу и заветные вещицы, и памятные предметы, и картины – все перекочевало в Париж. Дом ожил, все в его стенах напоминало о России... Совсем рядом Булонский лес, возникает иллюзия настоящей деревни. Новая идея не дает покоя – выставить предметы русской старины в европейской столице. Княгиня выписывает из России знаменитые вышивки и деревянные изделия – все, что осталось после закрытия талашкин-

ских мастерских и московского магазина «Родник». Репин пополнил экспозицию Тенишевой своими картинами, Билибин прислал свои акварели, Щусев и Покровский – эскизы русских церквей. Небольшая выставка имела продолжение, которое прославило русское национальное ис-

кусство на весь Старый Свет. Апофеоз деятельности Тенишевой в Париже: министр изящных искусств Дюжарден-Боме предложил под ее коллекции залы Лувра. Для 6 тысяч предметов главный музей Франции отвел четыре колоссальных зала отделения прикладного искусства и все витрины в Pavillon de Marsan. С 10 мая по 10 октября 1907 года выставку посетили 78 тысяч человек. Один французский искусствовед писал: «Фантастические рыбы, крылатый гений, странные звери, пейзажи с наивной интерпретацией – все это яркого варварского цвета, но над всем этим доминируют неистовые поиски гармонии: меня это искусство очень привлекает». Европой овладел настоящий русский бум. Даже парижская мода отзывалась на выставку коллекциями одежды с русскими мотивами орнамента и вышивки.

А в России Марию Клавдиевну ругали. Мол, слишком развернулась за границей. Среди защитников был один Николай Перих. С искренней и естественной благодарностью «за то русское дело, которое она совершает на чужбине, не слыша от своих соотечественников ничего, кроме непонятной, ни на чем не основанной травли».

Но на исходе трех лет, проведенных в Париже, «тоска по родине, – как напишет Мария Клавдиевна, – сделалась невыносимой. Да и неизвестность мучила: уцелеет ли Талашкино?» Весной 1908 года Тенишева вместе со своей подругой Киту решают вернуться в Россию.

М.К. Тенишева и музыкант, композитор, виртуоз-балалаечник В.В. Андреев среди участников школьного оркестра. Фленово. Начало 1900-х годов

боты пришлось остановить. Ни Тенишева, ни Рерих тогда еще не могли предположить, что это – последнее лето, проведенное за работой в храме. Впереди были тяготы войны, весть о революции, эмиграция...

И прощание с Талашкино... Теперь уже навсегда.

КОНЕЦ ЖИЗНИ

Последние годы жизни Мария Тенишева и ее подруга Святополк-Четвертинская провели в городке Сен-Клу недалеко от Парижа. Небольшую виллу прозвали «Малое Талашкино». Ее часто навещали здесь друзья – Рерих, Билибин, Прокофьев, Рахманинов. До последнего дня в окнах французской тенишевской мастерской и по ночам горел свет. Оставив в России все самое дорогое,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Приехали 2 июня. Возвращение принесло разочарование. Мария Клавдиевна ясно осознала, что никогда больше не увидит Талашкино таким, каким оно было раньше. «Куда ни взглянешь: направо – бывшая мастерская, налево – замолкший, заглохший театр, свидетель былого оживления и веселья, там за лесом – бывшая школа, – пишет она. – Театр пустует, в нем склад ненужной мебели, запас материалов. В школе тоже половина классов пусты, сиротливо глядят со стен картины, пособия, коллекции... Я поняла, что нет возврата к прошлому, я поняла, что кругом все отжило, потеряло смысл, мне показалось, что я никому и ничему не нужна. Тяжело мне стало, невыносимо больно. И день ото дня делалось все хуже. Я духом упала...». Спасло продолжение уже начатого дела – строительство храма. За это княгиня была благодарна Рериху, он не оставил ее наедине с главной мечтой: «Я только забросила слово, а он (Н.К. Рерих) откликнулся. Слово это – храм... Только с ним, если Господь приведет, доделаю его». В 1910 году легли первые росписи на стены храма. Год спу-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

стя помогать отцу во Фленово приехали его сыновья – Юрий и Святослав Рерихи. Сама Тенишева сделала для церкви эмалевый напрестольный крест, над которым долго трудилась в своей мастерской. А над главным входом, «как осколок вечности», словно чудесное полотно развернулась огромная мозаика «Спас Нерукотворный», выполненная по картонам Рериха. Весть о войне 1914 года застала мастеров в стенах храма. Ра-

М.К. Тенишева в эмиграции. 1920-е годы

она продолжала созидать то, что ей было еще доступно, – любимые эмали...

Ее не стало весной 1928 года. С ней до конца была книжка из детства. Фома Кемпийский «О подражании Христу». Глава 35-я: «Мужественно действуй и крепись мужественно; не отглагай упования, не отступай, но тело и душу полагай непрестанно за славу Божию. Я воздам преизобильно. Я с тобой во всякой скорби пребуду. Аминь».

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОЛОБКА

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТОГРАФИИ

АНДРЕЯ СЕМАШКО

КУДА НА САМОМ ДЕЛЕ СПЕШИЛ КОЛОБОК СО СЛОВАМИ «Я ОТ БАБУШКИ УШЕЛ, Я ОТ ДЕДУШКИ УШЕЛ», ВЫЯСНИЛОСЬ ТОЛЬКО В ЭТОМ ГОДУ. ОКАЗЫВАЕТСЯ, ОН ВОЗВРАЩАЛСЯ НА СВОЮ РОДИНУ. ТЕПЕРЬ В ГОСТИ К КОЛОБКУ МОЖНО БУДЕТ ПОЕХАТЬ В СИМБИРСКУЮ ГУБЕРНИЮ, ТО БИШЬ В УЛЬЯНОВСКУЮ ОБЛАСТЬ, КОТОРАЯ ОБЪЯВИЛА СЕБЯ РОДИНОЙ ХИТРОГО, ПРОВОРНОГО И РУМЯННОГО ГЕРОЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК.

ГОСТЕЙ ВЛАДИМИР Ланько обычно встречает на крыльце своей мастерской, в которой красуются видавшие виды чугунные утюги, самовары и старые балалайки. Но главное ее украшение – невообразимое количество улыбающихся физиономий. Улыбок так много, что сам не можешь удержаться от

того, чтобы не растянуть рот до ушей. А все они – колобки! Колобков тут – целое семейство. Они улыбаются вам со столов, из-за кистей и красок, с пианино и даже с подоконника, с которого, кажется, готовы сигануть за окно и укатиться навстречу приключениям. Хозяин мастерской раскручивает на ладони, как футбольист

мяч, колобка с озорными глазами и вдруг крепко подхватывает. «Стоп! Куда?» – серьезно говорит колобку Владимир Ланько. Хоть и не испечен этот колобок в печи, а выточен из липы и раскрашен в стенах этой мастерской, норов у него тот еще... Хозяин ставит колобка подальше от края стола, делает ему суровый выговор и грозит пальцем.

Владимир Ланько – бывший военный, служил на Дальнем Востоке, в запас уволился в Прибалтике, жить приехал в Ульяновск, где когда-то окончил военное училище. Бывшие сослуживцы, которые навещают его в мастерской в Безымянном переулке, не могут поверить, что этот человек, вытачивающий из липы шары, их бывший строгий начальник. Скажи кто раньше полковнику Ланько, что он станет главным мастером по колобкам в России, то он бы... А теперь этим званием даже гордится.

ОТ ЧЕБУРАШКИ ДО КОЛОБКА

Владимир давно интересовался славянской культурой. Так что, когда пришло время увольняться в запас, он вспомнил о своем увлечении. От предложений торговать или охранять твердо отказался. Выпросил у городских властей Ульяновска помещение, повесил вывеску «Симбирский центр славянской культуры». А мастерской свой центр Ланько стал называть потому, что вытаскивал и раскрашивал здесь матрёшки и лож-

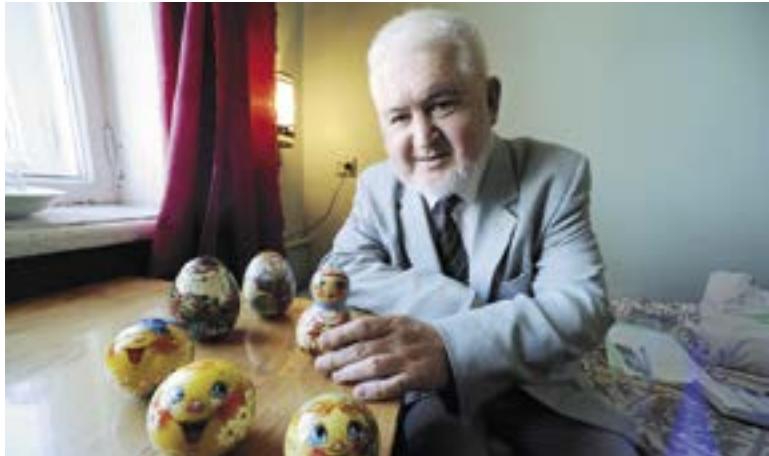
ки. Но вся эта деятельность не слишком удовлетворяла бывшего офицера. В 2007 году, на шестой год существования центра, доцент Ульяновского госуниверситета Сергей Борисович Петров пришел к Владимиру в гости с необычным предложением: изготавливать колобков. Сергей Борисович Петров – личность в Ульяновске известная. Прежде всего как автор проектов по привлечению в город туристов. Это он порекомендовал открыть кафе под названием «У Га-

Ульяновский краевед
Сергей Петров прописал знаменитого колобка на Симбирской земле

Владимир Ланько доказал, что его руки военнослужащего заточены не только под оружие, но и под изготовление такого чуда, как пасхальное яйцо!

шека», ведь автор «Похождений бравого солдата Швейка» почти два месяца скитался в окрестностях Симбирска в разгар Гражданской войны после побега из белогвардейского плена. Петрову же принадлежит идея провозгласить Симбирск блинной столицей Поволжья. Он же организовал в области праздник рубки капусты, музей малины, а также выпросил у скульптора Зураба Церетели бюст Пушкина для своего города.

А как возникла идея с колобком? Дело в том, что еще в детстве в библиотеке Сергей Петрович обратил внимание на юную читательницу Дашу Чебурашкину. А позже, когда знаменитый герой Эдуарда Успенского стал популярен, Петров заинтересовался этимологией слова. Словарь Даля подсказал, что чебурашкой на Волге называли непотопляемый шар на конце бурлацкой бечевы, а также рыбакскую снасть с круглым поплавком. А затем чебурашкой стали называть куклу типа неваляшки. В поисках доказательств этой идеи ученый

пришел к слову «колебята». Так называли колобок – небольшой круглый хлебец из остатков квашни – только в Симбирской губернии. Петров решил, что родиной героя русской сказки может стать Симбирская земля.

И хотя колобок, если верить сказке, существование бесполое, Петров предложил назвать «мальчика»-колобка «колебяtko», а «девочку» – «колебята».

К предложению Петрова Ланько отнесся серьезно. Вечером дома взял у внуков книгу со сказкой про Колобка и принялся перечитывать. Домашние поведению главы семьи изумились несказанно. Но они удивились еще больше, когда вскоре он принес круглый шар с большими веселыми глазами и улыбкой в виде сердечка. Домашние ахнули: колобок к ним прикатился!

Но Владимир Андреевич восторг домочадцев не разделял. А Сергей Борисович Петров вообще всех первых колобков подвергал критике. «Нужно не нарисованное человеческое лицо на шаре. А сказочный герой!» – говорил он.

Колобков Ланько делал из липовых заготовок, вытачивая их на станке. Желающих разрисовывать колобков было много. Но расписать деревянный шар так, чтобы, увидев его, люди ста-

Бревенчатые стены, украшенные лаптями и балалайками, – роднее стен для колобка не придумаешь!

Это в сказке
Колобок ушел
от бабушки и от
дедушки,
а из рук
Екатерины
Обуховой,
которым обвязан
улыбкой
и глазами,
он вряд ли
побежит в мир,
где превратился
в предмет
«межгосудар-
ственных»
споров

ли улыбаться, получилось только у художницы Светланы Мoiseевой. С того дня как Сергей Борисович Петров одобрил первый «настоящий» колобок, «выпеклась» не одна их тысяча. Но тот, самый первый стоит на видном месте. Он не продается, не дарится, даже в чужие руки не разрешается его брать. С него ведь берут начало все остальные колобки.

Колобков в магазинах Ульяновска принимали на продажу с удовольствием. Ланько с помощниками выпускал колобков всех размеров и всяких видов. Вот колобок на пенечке. Вот колобок у забора. Для пропаганды сказочного героя Ланько с Петровым создали программу по работе с городскими детскими садами. Приходили в гости к малышам показать сказку, рассказать о колобке. С собой приносили готовые белые шары, краски и кисти, чтобы дети могли расписывать колобков, а потом унести их домой. Сообщение о новой родине колобка вызвало иронию даже

СКАЗОЧКИ И СКАЗОЧНИКИ

Между прочим, в конце прошлого года Московская ассоциация землячеств запустила проект «Сказочная карта России». В настоящее время свои сказочные символы есть уже у 17 регионов России. Великий Устюг считается родиной Деда Мороза, Кострома – Снегурочки, в Тверской области функционирует «пещера Кощяя Бессмертного», Ярославская область называет себя резиденцией Алекси Поповича, Емели, Щуки, а также Бабы Яги, родиной Золотой рыбки объявило себя село Большое Болдино на Нижегородчине. Так что, когда в начале этого года у известного краеведа Сергея Борисовича Петрова представители проекта поинтересовались, что может Симбирская земля предложить для сказочной карты России, он тут же назвал колобка.

Если кому-то штаб-квартира колобка и напоминает склад бильярдных шаров за театральными кулисами, то для Владимира Ланько его Центр славянской культуры – место возрождения традиций старых добрых русских сказок

у земляков. Ну а Петров к этому времени выяснил, что первое письменное упоминание слова «колобок» зафиксировано в XVII веке: протопоп Аввакум в своем «Житии» жалуется на то, что его в яме не хлебом кормят, а колбками. А популярным сказочным героем колобок стал после записанной Афанасьевым сказ-

ки с одноименным названием. Все эти сведения Петрову очень пригодились, поскольку из-за колобка неожиданно начался нешуточный спор с Украиной! Там появилась инициативная группа, которая заявила: и колобок у них украли, и слово – тоже. Родной брат Ланько, который живет в Крыму, даже позвонил

ему и поведал о кампании, которая развернулась на Украине за колобка. Конечно, симбирских «колобков» это не остановило. За поддержкой они обратились к губернатору области Сергею Морозову. Тот идею одобрил и даже попросил сделать большой запас колобков для администрации: для подарков гостям. Даже делегации в Ульяновске–Симбирске теперь стали встречать не хлебом-солью, а свежеиспеченными колобками.

Бум на колобков, начавшийся в феврале этого года, продолжился предложением запатентовать героя русской сказки и поставить его на конвейерное производство. Даже конкуренты у Петрова с Ланько появились. Но колобок хитер не только в сказке, но и в жизни. Не дается он в руки. По-прежнему очень трудно простой деревянный шар превратить в озорного шутника. Не у всех художников получается расписать его так, чтобы люди поверили, что это действительно колобок. Найти хорошего мастера после Светланы Моисеевой Ланько не удавалось очень долго. В итоге он доверил своих колобков студентке факультета культуры Ульяновского государственного университета Екатерине Обуховой, будущей художнице по национальным костюмам. Ее отец расписывает храмы, а мама – специалист по росписи матрешек. Екатерина для своей работы собирает все доступные иллюстрированные издания со сказками про Колобка. Никогда не возьмет кисть в руки в плохом настроении, больше трех колобков в день не расписывает – непростое это дело. С помощью Екатерины Ланько надеется создать целую школу росписи колобка. Но главная задача у Ланько и Петрова глобальнее. Во-первых, они хотят потеснить приевшиеся заграничные сувениры, а во-вторых, надеются, что румяный герой русской сказки приобретет всемирную известность. Ведь Ульяновск хочет предложить сделать Колобка символом будущего чемпионата мира по футболу.

ОТ «МАСКАРАДА» ДО «НЮРЫ ЧАПАЙ»

АВТОР

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

В КИШИНЕВЕ ПРОШЕЛ III МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ КАМЕРНЫХ ТЕАТРОВ И СПЕКТАКЛЕЙ МАЛЫХ ФОРМ «МОЛДФЕСТ.РАМПА.РУ», ОБЪЕДИНИВШИЙ АРТИСТИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКТИВЫ ИЗ 24 ГОРОДОВ 16 СТРАН.

С ПРАВЕДЛИВОСТИ ради слово «рампа» в названии фестиваля нужно заменить на фамилию «Хармелин». Она, с одной стороны, не хуже отмечает принадлежность мероприятия к театру, с другой – объясняет феномен «Молдфеста» в современном Кишиневе. И проект, и во многом русский театр в столице Молдавии держатся на одном человеке.

С 1978 года Юрий Хармелин – основатель и худрук кишиневского Государственного молодежного драматического театра «С улицы Роз». Мастер искусств и заслуженный деятель образования Республики Молдова, автор свыше 150 постановок, многие из которых отмечены призами престижных театральных фестивалей. Но главное – он под одной крышей создал полную образовательную цепочку с акцентом на русской культуре. Сюда можно прийти в 5 лет на подготовительные курсы, здесь пойти в первый класс (в этом году конкурс составил 6 человек на место), окончить университет и остаться работать в театре или стать педагогом. Хармелин ру-

ководит Городским театральным лицеем, где обязательно преподается русский язык, и театральным факультетом Славянского университета Молдовы (в общей сложности – 385 учеников). И все это – в небольшом двухэтажном здании с двумя зрительными залами, из которых «большой» – на 220 мест. Три года назад Юрий Хармелин основал фестиваль «Молдфест. Рампа.Ру», на который съезжаются профессиональные коллек-

тивах!
Тихо! Идет обсуждение

тывы русских театров со всего мира – в основном из стран СНГ. В этом году поступило более 60 заявок, отобрали 18. Как правило, зовут молодых актеров, новаторов-режиссеров, именных и молодых критиков, театральных деятелей с громкими именами. На этот раз каждый хотел сфотографироваться с грузинским режиссером Нугзаром Лордкипанидзе и четой российских актеров Юрием Назаровым и Людмилой Мальцевой. Мероприятие традиционно проходит при поддержке фонда «Русский мир» и под патронатом посольства РФ в Республике Молдова. «То, что мы в Молдове делаем, происходит вопреки тому, что нужно политикам этой страны, смотрящим на Запад, – говорит Хармелин. – Русскую культуру у нас душат, а мы ее проповедуем. Русской речи почти не слышно на улицах, а, когда мне звонят и спрашивают о чем-то по-румынски, я прошу произнести то же самое по-русски. Мне

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

говорят: «Вы что, не знаете государственного языка?» Я отвечаю: «Вы тоже знаете русский, раз хотите смотреть наш спектакль. Не я же вам звоню».

Ни одного спектакля Юрия Хармелина не пропускает чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Республике Молдова Валерий Кузьмин. «В Молдавии очень активно действуют силы, которые хотели бы лишить людей исторической памяти, доказать, что русский, Россия – это нечто, связанное с негативом, порабощением, унижением, что, разумеется, совершенно не соответствует исторической истине».

И важнейшим средством, которое «очистит молодые умы от спама и мусора», может стать в Молдавии «Молдфест.Рампа.Ру». По словам Кузьмина, фестиваль нужно сохранять как постоянную традицию – возможно, расширив его до уровня всех стран СНГ или сделав «путешествующим». «Но сама инициатива проведения фестиваля приносит заметные плоды, – сказал посол. – Я замечал, что благодаря этому мероприятию заметно повысился интерес к русской театральной школе и театру в целом. И даже появились близкие по схеме мероприятия, например для камерных театров, чего

Почетные гости фестиваля – народный артист России Юрий Назаров и заслуженная артистка РФ Людмила Мальцева

раньше я не замечал здесь». Руководитель представительства Россотрудничества в Республике Молдова Валентин Рыбицкий назвал мероприятие хорошим проектом народной дипломатии. «Я бы сказал, что этот фестиваль по уровню и значению для русских в Молдавии – примерно то же, что Дни русской культуры в Молдавии, которые прошли в сентябре. Большой воскликательный знак в конце года. Сюда приходит аудитория самая разная. Вот я сейчас стою в очереди, люди разговаривают по-молдавски, будут слушать спектакль на русском – таким образом, у нас появляется больше союзников среди молдаван». За месяц до начала фестиваля раскупаются все билеты на спектакли, люди сидят в проходах, на полу и даже на сцене. А Юрий Хармелин, кажется, в эти дни находится одновременно везде: и на четырех-пяти (!) спектаклях в день, и на мастер-классах, лекциях, творческих встречах, и в кухне лицея, где его воспитанники трут полы, моют посуду, и на ежедневных (!) обсуждениях постановок двумя экспертными советами, и в своем кабинете сразу на всех телефонных трубках и за всеми мониторами. И даже когда молодые участники фестиваля валятся к вечеру от усталости, Юрий Аркадьевич бодро заворачивает всех в арт-клуб, лично подносит чашки и бокалы вина и закручивает волны обсуждений.

– Юрий Аркадьевич – подвижник, который живет своей страстью к делу, его воспитанники живут высокими интересами, – говорит Нина Мазур, консультант фестиваля, театральный критик из Германии. – Жаль, что Хармелин не может обнять своей деятельностью всю Европу, потому что было бы неплохо, если бы такие школы организовывались везде. Это великое дело. А фестиваль – лучше многих и в художественном отношении соответствует крепкому профессиональному уровню большинства российских фестивалей.

ОДНО ИЗ ДВУХ

«Молдфест.Рампа.Ру» открылся премьерой лермонтовского «Маскарада» в исполнении хозяев – театра «С улицы Роз». Ремонт зала и сцены закончился за день до начала фестиваля, так что генеральный прогон спектакля устроили перед началом первого акта. На роль Арбенина пригласили известного харьковского артиста Виталия Бондарева. Светское общество – мир игроков и одновременно джокеров – сыграли молодые кишиневские ребята. И даже то, что Бондареву 50 лет, а остальным актерам немногим более 20, и разное гражданство исполнителей подсознательно работали на углубление пропасти между Арбениным и остальными. О совместной работе актер и режиссер договорились на одном из фестивалей. Как сказал Виталий Бондарев, вопрос гонораров не обсуждался и значения не имел: от таких ролей у таких режиссеров не отказываются. «Мне нравится манера работы Юрия Аркадьевича, – сказал Виталий. – Точно и интеллигентно». А сам режиссер после премьеры высказался

ЕВГЕНИЙ ОЛАВА

Заслуженный артист Украины
Виталий
Бондарев

о наболевшем: «Нашему театру в этом году 33 года, возраст Христа. И одно из двух ждет «С улицы Роз» в нашей стране». Большинство проблем отпадет, если закончить недостроенное за десять лет собственное здание те-

атра, на что нужно примерно полмиллиона долларов. Но появится ли спонсор?..

Другую постановку кишиневского театра – «Нюра Чапай» по пьесе эпатажного Николая Коляды – ждали. Интрига подогревалась тем, что сам Коляда не любит эту свою пьесу, целиком написанную молодежным сленгом, а Хармелин взялся доказать ее искрометность. И сделал это так, что зал сначала до слез смеялся над фразами вроде «блиномандарин», «сам ты оленевод», «мое право выстрелило с первым залпом «Авроры», бурно аплодировал девушкам-матрешкам, выплывающим, как телевизионная реклама под музыкальный хит «Коляда» группы «Иван Купала». А в финале «семейной истории» впал в культурный шок, когда главная героиня – бабушка Нюра Чапай (Людмила Колохина), – собираясь на курорт Египта, не снижая комического градуса, потянула за веревочку корыто-гроб и ушла по черному коридору во мрак под душераздирающий крик дочери (Альбина Самарцева): «Мамочка!» И вся постановка заиграла размышлениями над войнами языковых

«ХОЧУ ИГРАТЬ ТО, ЧТО МНЕ СЕЙЧАС ИНТЕРЕСНО»

ЧТО ЭТО БЫЛО? СОН, ЯВЬ, МОРЕ, ДУХОТА, БЕЗДЕЛЬЕ, ЯЛТА, ЛЮБОВЬ, ОДИНОЧЕСТВО, АЛКОГОЛЬ, УБИЙСТВО, КРИКИ ЧАЕК, ЗАПУГАННЫЙ ПОДРОСТОК, ОПЯТЬ ОДИНОЧЕСТВО, ОПЯТЬ ЛЮБОВЬ, СТИХИ, БАЛЕТ, МУЗЫКА, ШАХМАТЫ, ВДРУГ – ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ СЦЕНЫ И МАЛЕНЬКАЯ ХРУПКАЯ ЖЕНЩИНА В НЕМ. И АПЛОДИСМЕНТЫ. И КРИКИ «БРАВО!». И КОГДА НА ВЫХОДЕ ИЗ ТЕАТРА Я ПОДСТЕРЕГЛА ОЧЕНЬ ТОНКОГО ЦЕНИТЕЛЯ И ЗНАТОКА, ЗАСЛУЖЕННОГО РАБОТНИКА КУЛЬТУРЫ МОЛДАВИИ ГАЛИНУ ИЗМАЙЛОВНУ БЕЛЕНЬКУЮ, И СПРОСИЛА, ЧТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ЭТО БЫЛО, ОНА РАЗВЕЛА РУКАМИ: «Я НЕ ЗНАЮ... НО ЭТО ГЕНИАЛЬНО. ЭТО ЯВЛЕНИЕ!»

Я

ВЛЕНИЕ ЗОВУТ ИРИНА ЕВДОКИМОВА. СПЕКТАКЛЬ «ПОСВЯЩАЕТСЯ Я...» по поэме Иосифа Бродского «Посвящается Ялте». Впервые Ирина сыграла его несколько месяцев назад на театральном фестивале в Вильнюсе, затем в Москве, а потом и в Кишиневе – на подмостках III Международного фестиваля камерных театров и спектаклей малых форм «Молдфест.Рампа.Ру». Еще в столицу Молдавии Ирина привезла обкатанную работу – двухактный спектакль-концерт «И вот мне приснилось...». Два моноспектакля и десятки разных образов, абсолютно разных, непохожих друг на друга. Игра на грани человеческих возможностей. Кажется, еще немного, и порвется нить, и актриса не вернется к людям, останется там – в мире фантазий. Но гаснут софиты, пустеет зрительный зал и... Подросток в свитере и джинсах, без тени косметики на лице, девочка, мимо которой пройдешь по улице и не обернешься. Не веря надписи на бейдже, переспрашиваю: «Это вы Ирина Евдокимова? – «Да». – «Это вы сейчас играли спектакль?» Смеется: «Не похоже?»

– Вы так выкладываетесь на сцене, будто играете в последний раз. Не боитесь так себя расходовать?

– Нет, не боюсь. Зритель приходит в театр, чтобы получить какие-то сильные эмоции. И чтобы дать их, ты должен выложиться. Потом, происходит ведь и обратный процесс, ты впитываешь энергию зала. А чтобы получить ее, ты должен потра-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

культур, поколений, эпох, мелкого и важного в жизни.

Среди 21 работы, которые были показаны за пять дней, встречались созвучные и не всегда приятные. Взять тему сталинских репрессий – моноспектакль «Коба»

Сцена из спектакля «Нюра Чапай» в постановке Государственного молодежного театра «С улицы Роз» (Кишинев)

Каунасского камерного театра (Литва) по пьесе Эдварда Радзинского «Коба (Монолог старого человека)». Это рассказ о Сталине от лица его бывшего друга по кличке Фудзи, со всем тем, что обычно позволяет себе Рад-

зинский в обращении с историей СССР. 74-летний Юрий Назаров сидел с пылающим лицом в первом ряду, а по окончании действия выскочил на улицу быстрее обычного. С темой Великой Отечественной войны в спектакле «Сочинения на тему любви...» получилось лучше, но надо ли еще кого-нибудь со сцены убеждать, что война – это плохо с точки зрения детей и матерей? А вот современная пьеса Олега Багаева «Марьино поле» в постановке новосибирского театра-студии «Струна» довольно тонко и свежо показала мир женщины, которая ждет мужа с войны, несмотря ни на что. За душу взял моноспектакль «Блистательный Санкт-Петербург» Юрия Томашевского из Государственной филармонии Санкт-Петербурга для детей и юношества – по стихотворениям Северянина, Черного, Бродского и Агнивцева. Не происходило ничего. На сцене стоял актер и читал стихи, легко и вдохновенно, в глубинах сцены звучало фортепиано. Но виделись образы, трепетали сердце. Во время спектакля пианист-композитор Наталья Чубарова мучительно сражалась с

титься. Ты просто упадешь на сцене и умрешь от инфаркта, если ты все растратил, а взамен ничего не вошло...

– Вы настолько заполняете собой все сценическое пространство, что для партнера просто места не остается. Вы из-за этого играете только моноспектакли?

– Нет, я работала в театрах, с партнерами играла, но, честно говоря, так давно этого не делала, что сегодня даже не смогу ответить на вопрос, как бы я сейчас сыграла. Была мысль Бродского сделать дуэтно, мы даже чуть-чуть репетировали, но в спектакль это не вылилось.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

– Ваши спектакли необычны, они, скажем так, не для широкой аудитории. А для какой?

– Я не понимаю, что такое «для широкой аудитории», «для узкой аудитории». Мы работаем на малых площадках, но очень часто нас спрашивают почему. Многие, кто наши работы уже видел, снова и снова приходят на спектакли, приводят своих друзей, и друзья приводят своих друзей, и друзья-друзья друзей... Не знаю... Конечно, это не попса, но собирается достаточно широкий зрительский круг. И молодежь приходит, и интеллигентные пожилые люди, я называю их «профессурой». Бывает

неисправным пианино, некоторые клавиши западали и гудели, а за простотой исполнения Томошевского скрывались восемь месяцев репетиций на каждое стихотворение. Впрочем, это актер и режиссер рассказал уже потом. Организаторы «Молдфеста» не сразу решились пригласить в гости Московский музыкальный театр Ирины Евдокимовой «АРТгнездо», решив, что такого уровня артисты запросят за участие баснословные суммы. Но актриса приехала бесплатно и произвела фурор сразу двумя спектаклями: «Посвящается Я...», «И вот мне приснилось...» – музыкальной антологией русского романса вплоть до 80-х годов XX века, который представил в неожиданном свете. Клоунесса, королева, шаман, Марлен Дитрих, Эдит Пиаф – она, словно мяч, могла подбросить звук и... поймать его рукой. «Что долго говорить – великая, – сказала член Международной ассоциации театральных критиков (ЮНЕСКО) Нина Мазур. – Слушала ее и

предоставлено автором

Матрешки – студентки театрального факультета Славянского университета Молдовы

очень по-разному, и очень широкий разброс по возрасту бывает...

– На фестивале «Ludi» в Орле критики помимо всего прочего оценили жанровую полифонию вашего спектакля «Никто». В Кишиневе зрители увидели синтез драматической актрисы, певицы, балерины... Вы кто?

– Ой, не знаю... Просто актриса.

– А балет откуда?

– У меня родители танцовщики. И все знали, что я тоже буду танцовщицей – а кем еще? Я танцевала с трех лет. Подъем, прыжок и растяжку мне разрабатывали на занятиях по художественной гимнастике мама-хореограф и ее подруга-тренер. А

параллельно я училась играть на фортепиано. И всегда пела. Вообще-то я готовилась поступать в Моисеевскую студию, потом в Пятницкую студию, но не случилось. И вот маме попалось на глаза объявление о приеме в Гнесинское училище на отделение актеров музыкального театра. И я поступила.

– В Кишиневе в антракте вашего спектакля «И вот мне приснилось...» один из критиков заметил – мал, он понимает, что вы можете нравиться не всем. У вас очень смелый подход к материалу. Вы берете разные вещи, в том числе те, которые на слуху, всем знакомы, и делаете из них совершенно другие песни. Вы не боитесь, что

зритель вас просто не поймет?

– Нет. Это же изначально мой выбор. То, что я пою, то, что мне приходит, – я знаю, как это сделать. Я ведь беру далеко не каждую вещь. Я могу слушать, слушать... нет, не то, это мне не нравится, это тоже... И вдруг раз – какая-то незаметная вроде вещь, а цепляет.

– А кто подбирает материал для ваших спектаклей-концертов?

– Я подбираю материал, поскольку хочу играть то, что мне сейчас интересно. Я работала в государственных театрах. Это поток. Ты пришел, ты должен репетировать, интересно тебе или нет, интересен тебе режиссер или не интерес-

предоставлено автором

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

вспоминала то, чего в моей жизни никогда и не было». Совсем юные и уже заслуженные артисты играли по произведениям А. Чехова, Л. Андреева, А. Молчанова, А. Марданя, Н. Мандельштам, В. Высоцкого, С. Рубиной, И. Бродского, В. Кунина, В. Зуева, Т. Иващенко. Многие театры были совсем не знакомы даже опытным участникам фестивалей.

Таллинский актер
Вячеслав Рыбников

ИЗЫСКИ ПРОВИНЦИИ

Директор частного таллинского драмтеатра «Глагол» Вячеслав Рыбников привез монодраму «Семен Захарыч из «Преступления и наказания» Достоевского». Забавно, что репетиции этой исповеди Мармеладова Раскольникову об ужасах нищеты происходили на пищевом складе: на мешке с мукою, напротив ящиков с маслом и маргарином. Более того, это был личный склад Вячеслава Рыбникова, преуспевшего в бизнесе после ухода из Русского государственного театра в Таллине. Зал «Молдфеста» плакал и морщился от омерзения – так пронзительно играл Рыбников. Актер не сразу вышел из образа и когда зал аплодировал стоя, даже обычная процедура выдачи подарков от спонсоров превратилась в комедию: Мармеладову пожаловали алкоголь, шампуни и кофе. Позднее в интервью Вячеслав рассказал, что происходит с русскими театрами в Эстонии. «Плохо живется тем русским театрам и актерам,

что не сумели организовать свою жизнь, думая, что можно бесконечно говорить только на русском языке – как я, например», – сказал Рыбников.

Что касается ситуации с русскими театрами в Литве, то, по словам Марии Тананы, театрального критика из Вильнюса, в Литве проблема – в кадрах. Лучшие разъехались. Расцветом русского театра в Литве она назвала 60–70-е годы – тогда веспубликанский театр пришел молодой Роман Виктор. А после длительной реконструкции здания оказалось, что в 80-х годах уже некому возглавить русский авангард. «Были какие-то всплески, но и они пропали», – говорит Мария Танана. – Театру выделяются такие же средства, как и национальному, литовскому. Они играют свои три-четыре раза в неделю, но интеллектуальному человеку там уже делать практически нечего, даже русские туда ходят редко».

«Выдавливаются» русские театры и в других странах бывшего СССР. В Грузии их уже не суще-

сен, материал – интересен не интересен... А когда работаешь один, это совсем другое. В программе «И вот мне приснилось...», скажем, подобраны песни, романсы, которые мне нравятся. Я отбирала их несколько лет, что-то отбрасывала, что-то новое вставляла. И вот уже два года программа не меняется. Первое отделение – это старинные русские и цыганские романсы Даргомыжского, Прозоровского, Вертина, Козина, во втором – песни Таривердяева, Высоцкого, Дольского, Розенбаума, Лубнина... Но и у первых, и у вторых есть что-то общее, что-то, если хотите, от русского яростного протesta. Поэтому их иностранцы не всегда и понимают.

– По каким критериям вы отбираете материал?

– Нравится не нравится... Нет, не так даже. Заплакала или не заплакала. Зацепило или не зацепило. Вот так я стала петь Вертина, «Пикколо Бамбино». Была такая история. Меня пригласил Петр Наумович Фоменко в свой спектакль «Журден-Журден» – он уже снят с репертуара, к сожалению. И вот однажды он позвонил в девять часов утра и с ходу начал читать Вертина: «... Цирковую балерину. Провожали две подруги, две подруги – акро-батки...» Меня это очень проняло, я потом решила, что должна спеть эту песню, потому что вот это – «акро-батки» – звучит потрясающе...

– Как долго вы работаете над одной песней?

– По-разному бывает. Иногда, например, пою-пою-пою, а она все какая-то средняя. И вдруг начинает расти, становится совсем другой. А бывает, сколько ни бьешься, вообще не складывается вещь, не получается... И песня уходит. А бывает, рождается вдруг и сразу.

– А сами пишете?

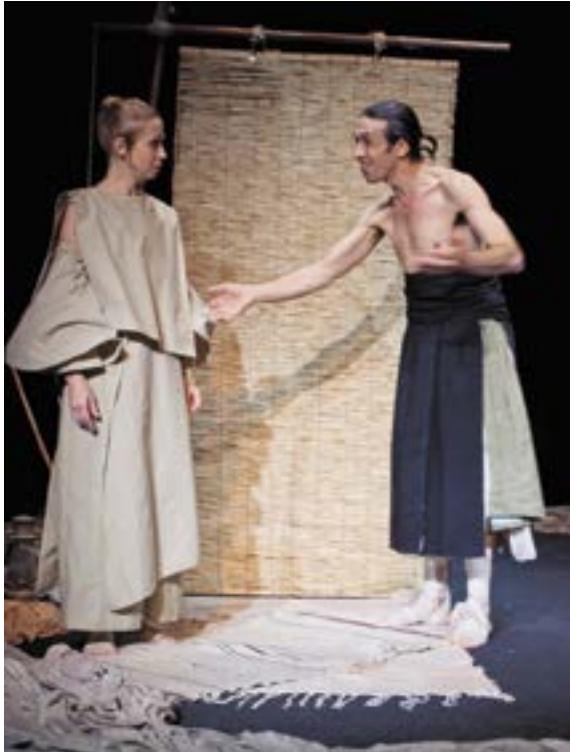
– Не получается... Правда, во французской программе я пою одну свою вещь на стихи Рембо. К ним музыка как-то сама сложилась. Но самой не верится, что я сочинила. Это не я, это диктовал кто-то, не знаю, как получилось. На самом деле не надо мне сочинительством заниматься.

– У вас есть нереализованная мечта?

– Вот спектакль по Бродскому я долго хотела сделать, никак не могла. Но случилось, слава богу. Есть еще такая задумка давнишняя. Не знаю, дойду ли до нее: не могу пока решить головоломку, как это делать. Я хотела бы сделать спектакль по танго Пьяццоллы, но еще не понимаю, какой материал драматургический и в какой мере должен присутствовать в спектакле. Не могу пока найти, что там должно быть противовесом или поддержкой. А вообще-то это задумка танцевального спектакля. Это может быть час танца плюс абзац текста. Но пока время не пришло, наверное.

ствует, постепенно уходят в Молдавию. «Это я еще придерживаю негативные процессы, – говорит Юрий Хармелин, – поэтому я здесь враг номер один».

В странах дальнего зарубежья русские коллективы граничат с самодеятельностью – за исключением, может, Израиля. Один из таких коллективов, «Zero», приехал в Кишинев. На спектакле «Женщина в песках» по Кобо Абэ многие отмечали, что даже во рту будто ощущали пустынный песок, с которым весь спектакль борются персонажи пьесы. «Zero» создали уроженцы Казахстана Олег Родовильский и его жена Марина Белявцева, «чтобы иметь свою творческую территорию». Они четырнадцать лет играли в израильских театрах на иврите, но поняли, что «не могут выразить себя на иврите так, как на русском», нашли где-то бомбоубежище в качестве площадки для репетиций и пытаются сделать себе имя на российских фестивалях. Появление «Zero» – это новая культурная тенденция Израиля, считает доктор искусствоведения, независимый исследователь театра Елена Тартаковская. Она говорит, что в последние годы в больших количествах стали появляться серьезные любительские театры на русском языке, раньше такого явления в Израиле не было. «Есть еще театры, которые выполняют функцию социальной реабилитации, – говорит Елена. – Собирают, например, группу женщин, которых бьют мужья. Или недавно я видела спектакль с умственно отсталыми людьми, но, как правило, это проекты на один спектакль». Размышляя о тенденциях российского театра, она предположила, что сейчас у нас меняется роль провинциальных театров. «Мне кажется, раньше, лет пятнадцать–двадцать назад, провинциальный театр не был изыскан, редко искал новый язык, шел по линии наименьшего противления и угождал своей публике. А сейчас даже интереснее ездить по фестивалям и на-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Сцена
из спектакля
«Женщина
в песках»
(театр «Zero»,
Израиль)

ходить бриллианты по городам России, нежели в ведущих театрах столицы. Но чем это объяснить – не знаю». «Молдфест.Рампа.Ру» стал творческой лабораторией не только для режиссеров и актеров, но и для критиков. Вместе с корифеями анализа постановок Ниной Мазур, Татьяной Котович, Марией Тананой, Викторией Аминовой на фестивале собрали Молодежный экспертный совет – выпускников семинара театральной критики Союза театральных деятелей РФ под руководством Натальи Старосельской. Это одессит Юрий Ющенко, Дмитрий Хованский (Москва), Ольга Метелкина (Ставрополь) и Ирина Ляхова (Кишинев). Молодые критики-журналисты вносили свежую струю и юмор в обсуждения, каждую ночь строчили заметки в бюллетень фестиваля и даже учредили съедобную премию «Русский бублик», которой отмечалось лучшее в каждой постановке. Чего стоят только одни названия номинаций: «Нет слов» (за бессловесную роль), «И приснится же такое» (спектаклю «И вот мне приснилось...»), «За взятие языка» (перевод пьесы на русский).

Спустя несколько дней я уже, как к непрерывному шуму ветра, привыкла к словам «теплая атмосфера», «творческая обстановка», «гостеприимная Молдавия». Градус положительных эмоций зашкаливал так, что обычным делом было снять со своей шеи шарф и тут же подарить его понравившемуся человеку, а при отъезде в аэропорт прощаться, как после летней смены лагеря отдыха в детстве. Понятно, что изматывающая работа подталкивала участников фестиваля к героическому отъезду. К тому подвигли и хозяева «Молдфеста», организовавшие экскурсии по пушкинским местам и в Криковские винные подвалы, где даже Юрий Гагарин когда-то не «удержался» и заблудился. Только вдумайтесь: 60 километров дубовых бочек с прекрасным молдавским вином, там даже у Владимира Путина, в окружении российских флагов, хранится личный винный запас. После еженощных арт-клубов народ разбредался группами по тусовкам в гостиничные номера. Никому даже в голову не пришло искать организаторов, задавать вопросы, где автобус, как пройти туда-то, потому что все было идеально. И пунктуальные водители автобусов, и толковые улыбчивые студенты с бейджами «Рады вас обслужить», и питание. Никто никого не ждал, не терял, не загонял в залы, на каждый спектакль каждому участнику вручали билеты. Каждого уезжающего гостя – а их десятки каждый день – заслуженные артисты театра «С улицы Роз» лично провожали от лифта к оплаченному такси в любое время дня и ночи.

Мало кто из участников конференции успевает за неделю командировку походить по кишиневским улицам. Придется попытаться сделать это еще раз, в ноябре 2012 года на IV фестивале «Молдфест.Рампа.Ру». Дай бог здоровья всем энтузиастам, которые отдают жизни русской культуре.